

ISSN 2073-5618

документ **П**ереводчик

№ 15 2015

Забайкальский государственный университет

**Забайкальское региональное отделение
Союза переводчиков России**

**Научно-художественный журнал
№ 15 – 2015**

П Е Р Е В О Д Ч И К

**Чита
ЗабГУ
2015**

УДК ОБ-808.03
ББК Я 52-III 407
П 8.3.

Научно-художественный журнал «Переводчик»
(Печатный орган Забайкальского регионального отделения
Союза переводчиков России)

Главный редактор

О. В. Стельмак канд. филол. наук, доцент кафедры европейских языков и лингводидактики ЗабГУ, председатель Забайкальского регионального отделения Союза переводчиков России

Редакционный совет:

Л. О. Гуревич президент Союза переводчиков России;
Т. В. Воронченко д-р. филол. наук, проф., директор НИИ филологии и межкультурной коммуникации ЗабГУ;
М. В. Константинов д-р. ист. наук, профессор кафедры истории ЗабГУ

Редакционная коллегия: *О. В. Ушникова, И. А. Боброва, И. Н. Костина, И. Н. Силицкая*

Научно-художественный журнал «Переводчик» (Печатный орган
П 8.3 Забайкальского регионального отделения Союза переводчиков России
Выпуск 15 / гл ред. О. В. Стельмак. – Чита : Издательство Забайкаль-
ского гос. университета, 2015. – 260 с.

Журнал «Переводчик» предназначен для филологов, лингвистов, а также для тех, кто интересуется вопросами перевода и переводоведения. Он знакомит читателей с информацией Союза переводчиков России и Забайкальского регионального отделения СПР, новыми переводами зарубежной поэзии и прозы. Разделы «Дебют» и «В студенческой лаборатории» представляют молодых исследователей и одарённых переводчиков. Американистов и специалистов по межкультурному общению привлечёт раздел «Американа» (ред. д.ф.н., проф. Т. В. Воронченко). Разделы «В копилку переводчика» и «Лексикография» могут оказаться полезными для переводчиков-практиков. Раздел «Земля Даурская» (ред. к.ф.н., доц. О. В. Ушникова) адресован краоведам Забайкалья. Читатели найдут интересными и другие разделы нашего издания, в частности, «Уголок поэтов», «Конкурсы, конкурсы, конкурсы!!!», «Новинки», «Перлы переводчиков» и др.

УДК ОБ-808.03
ББК Я 52-III 407

Содержание

Информация

Пленум правления СПР (12 марта 2015 года).....	5
VIII Летняя школа перевода (г. Алушта. Крым, 11–15 июля 2015 года).....	6

Новые переводы поэзии и прозы

Поэзия

Испанские народные романсы. Из цикла «Романсы о короле Родриго». Перевод с испанского Виктора Андреева.....	9
Поэзия Пиренейского полуострова. Вступительное слово и переводы с каталанского и галисийского языков Майи Квятковской.....	15
Из польской поэзии XX века. Лирика Константы И. Галчинского, Яна Лехоня. Перевод с польского Леонида Цывьяна. Вступительное слово о переводчике Виктора Андреева.....	24
Стихи Джеймса Маколи, Роберта Уилсона и Джона Рассела. Предисловие и перевод с английского Евгения Фельдмана.....	29
Степные напевы в современной бурятской поэзии. Слово от издателя Геннадия Богданова. Перевод с бурятского Бориса Макарова.....	39
Хуан Рамон Хименес. Стихотворения. Перевод с испанского Виктора Михайлова. Вступительное слово о переводчике Виктора Андреева.....	46
Джованни Пасколи. Лирика из цикла «Радости». Вступительная статья и перевод с итальянского Татьяны Берфорд.....	50
Египет в романтической поэзии. Вступительная статья и перевод с французского стихотворений Виктора Гюго и Армана Рено Андрея Сапёлкина.....	55
Иван Петровций. Спиванка про солонину. Перевод с русинского Ивана Белокрылова.....	59
Рамис Айметов. Лирика. Перевод с татарского Николая Переяслова.....	61
Французская поэзия. Лирика Франсуа Коппе и Анатоля Франса. Вступительное слово и перевод с французского Андрея Кроткова.....	68
Английские улыбки. Самюэль Ловер, Роберт Луис Стивенсон, Беатриса Кертис Браун. Перевод с английского Евгении Славороссовой.....	74
Михаил Лермонтов. Лирика. Вступительное слово и перевод на английский Екатерины Коржовой.....	79
Эллен Мария Хантингтон Гейтс. Лирика. Вступительное слово и перевод с английского Ольги Стельмак.....	84
Кристина Джорджина Россетти. Стихи. Перевод с английского Валентины Брилёвой.....	89
Уильям Шекспир. Вступительная статья «Шекспир в русско-английском культурном диалоге» и перевод с английского отрывка из трагедии «Король Лир» Ашота Сагратяна.....	92

Проза

Вильям Хайнсен. Новелла «История о поэте Лине Пе и его ручном журавле». Перевод с датского Ольги Маркеловой.....	105
«Московитские письма» Франциска Локателли. Письмо II. Перевод с французского Николая Епишкина.....	116
Легенды Аляски. Перевод с английского Эльвиры Фарниевой.....	131
Батожаб Цыбиков. Вступительное слово и главы из романа «Тугулдур-тайша» в переводе с бурятского Виктора Балдоржиева.....	139
Уильям Гаррисон Эйнсворт. Главы из романа «Руквуд». Перевод с английского Евгения Фельдмана.....	156
Дебют	
Виктория Лиханова. Перевод английской и русской поэзии.....	170
В студенческой лаборатории	
Мария Шадрина. Особенности рифмы в китайской поэзии.....	175
Катерина Поладян. Отрывок из романа «Однажды ночью, где-то». Перевод с немецкого группы студентов	180
Американа	
Зинаида Сысоева. Квир-теория и гендерная идентичность индивида в литературе.....	184
В копилку переводчика	
Ашот Сагратян. Радарное считывание образа. (Введение в метод подхода)..	188
Если ты настоящий переводчик. Перевод с норвежского Элеоноры Панкратовой.....	190
Лексикография	
Дрё дю Радье. Словарь любви. Перевод с французского Николая Епишкина	192
Русско-английско-латинский словарь растений. Составитель Нина Маркова	202
Земля Даурская	
В. С. Рыжий, Н. И. Рыжая. «X-файлы северного Забайкалья» Перевод на английский Ольги Ушниковой.....	210
Уголок поэтов	
Ирина Ковалёва. Лирика.....	214
Конкурсы, конкурсы, конкурсы...!!!	
XX межрегиональный конкурс молодых поэтов-переводчиков 2015.....	221
Новинки	
Н. Н. Воропаев. Китай: имена на все времена. Прецедентные персонажи. Лингвокультурологический словарь-справочник.....	244
Перлы переводчиков	
Переводчики НЕ шутят.....	246
Приложение	
Стихи М. Лермонтова, Г. Головатого.....	248
Сведения об авторах	253

Информация

Union des traducteurs de Russie UTR Union of Translators of Russia

***Общероссийская общественная организация
«СОЮЗ ПЕРЕВОДЧИКОВ РОССИИ» (СПР)***

член Международной федерации переводчиков (ФИТ)

*Россия, 129085, Москва, пр-т Мира, 101В, стр. 1,
Московский ин-т лингвистики, офис СПР
тел./факс +7(495) 616-3610, эл. почта gurutrus@yandex.ru
www.translators-union.ru*

ПЛЕНУМ ПРАВЛЕНИЯ СПР

12 марта 2015 года в Москве в помещении Московского института лингвистики под руководством президента СПР прошёл пленум Правления Союза переводчиков России. Благодаря связи по скайпу в работе пленума смогли принять участие члены Правления из многих регионов России. Пленум обсудил ход подготовки Летней школы перевода СПР 2015 года в Крыму (докладчик – секретарь Правления В. В. Сдобников, председатель оргкомитета). В этом году ЛШП СПР проводится в рамках Года литературы и посвящается памяти переводчиков – участников Великой отечественной войны.

Пленум заслушал сообщение И. Н. Тупицыной, председателя Правления СПР, и А. А. Лукьяновой, секретаря Правления СПР, о ходе обновления договоров о сотрудничестве с академическими и корпоративными членами СПР. Пленум постановил до 1 июня с.г. завершить обновление договоров и обнародовать результаты на сайте СПР.

Пленум заслушал сообщение И. Н. Тупицыной о членских взносах для всех категорий членов СПР. Предварительно были собраны и учтены при голосовании мнения всех членов Правления и руководителей региональных отделений. На 2015 год установлены: годовой взнос для индивидуальных членов СПР в размере 1500 рублей, а также вступительный взнос для корпоративных членов СПР – 25000 рублей. Остальные взносы оставлены без изменений. Размер годового взноса для членов СПР установлен с учётом бесплатного распространения номеров органа СПР «Мир перевода». Пленум подтвердил пра-

во региональных отделений в особых случаях снижать на временной или постоянной основе размер членского взноса на 50%, а также освобождать членов СПР, достигших 70-летнего возраста, от уплаты членских взносов или снижения их на 50%.

Пленум заслушал информацию и одобрил решения Президента СПР, связанные с созданием Литературной палаты РФ, участием СПР в мероприятиях Года литературы, а также с проведением круглого стола СПР в рамках TFR-15 в Москве.

Пленум поручил Е. К. Масловскому, секретарю Правления СПР по вопросам экспертизы и профессиональной аттестации, сформировать рабочую комиссию для обсуждения методических рекомендаций, а также проектов образовательных и профессиональных стандартов для переводчиков. Пленум рекомендовал обсудить эти вопросы на ЛШП–15.

Пленум заслушал и принял к сведению информацию члена Правления Г. Е. Моисеенко об электронной версии журнала «Мир перевода».

VIII ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПЕРЕВОДА

Уважаемые коллеги!

Правление Союза переводчиков России приглашает вас принять участие в VIII Летней школе перевода, которая будет проходить с 11 по 15 июля 2015 г. в пансионате «Дубна» (г. Алушта, Крым).

Летняя школа перевода СПР – ежегодное мероприятие, которое проводится в разных городах России. Ранее Летние школы перевода проводились в г. Руза, Сочи (на базе Российского государственного социального университета), Астрахани (на базе Астраханского государственного университета), Нижнем Новгороде (на базе Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова), Вологде (на базе Вологодского государственного технического университета), Пушкине (на базе Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина).

Основные цели школы: дальнейшее сплочение переводческого сообщества, определение проблем переводческой отрасли и способов их решения, обмен передовым опытом, в том числе в области использования информационно-коммуникационных технологий в переводческом процессе, а также в области подготовки переводческих кадров, обсуждение вопросов методики преподавания перевода, взаимодействия вузов и бизнеса, взаимодействия переводчиков и заказчиков, правовых аспектов переводческой деятельности.

Тематика Летней школы 2015: вопросы профессиональной подготовки переводчиков на современном этапе (проблемы уровневой подготовки специалистов-переводчиков, вопросы методики обучения переводчиков и т. д.).

Летняя школа перевода проводится в рамках «Года литературы». Это означает, что значительное внимание будет уделено состоянию художественного перевода в России, проблемам подготовки переводчиков художественной литературы. Вместе с тем будут обсуждаться и многие другие вопросы, актуальные для переводческой отрасли. Организаторы Летней школы перевода будут благодарны участникам за предложение важных и интересных тем для обсуждения.

Организаторы Летней школы перевода рассматривают в качестве её неперемennого атрибута интересную культурную программу, а также неформальное, кулуарное общение участников, в ходе которого происходит детализация и уточнение обсуждаемых вопросов, рождаются новые идеи.

Участниками Летней школы перевода традиционно являются переводчики-фрилансеры и индивидуальные предприниматели, преподаватели вузов, руководители и представители региональных отделений СПР, представители переводческих компаний и переводческих отделов коммерческих предприятий. Таким образом, Школа дает возможность установить прочные контакты между субъектами переводческой отрасли, развивать отношения сотрудничества между разными категориями игроков на рынке переводческих услуг.

Для участия в работе Летней школы перевода необходимо направить заявку на электронный адрес Вадима Витальевича Сдобникова: artist232@rambler.ru. По вашей заявке будет осуществлено бронирование номеров в пансионате «Дубна».

Пансионат располагает 2-х местными номерами «стандарт» стоимостью 1850 руб. с человека (в стоимость входит трехразовое питание). Одноместных номеров нет. При одноместном размещении в двухместном номере «стандарт» стоимость проживания с человека составит 3100 руб. Имеются 2-х комнатные номера «комфорт» (10 номеров) по цене 2050 руб. с человека.

Вы можете самостоятельно забронировать номер в любом отеле г. Алушта (просим указать это в вашей заявке). В случае размещения в пансионате «Дубна» просим в заявке указать, с кем бы вы хотели проживать.

Поскольку Летняя школа перевода проводится в высокий сезон, бронирование номеров нужно осуществить как можно быстрее. По-

этому просим вас оперативно принимать решение об участии в мероприятии.

Адрес пансионата «Дубна»: 298500, Российская Федерация, Республика Крым, г. Алушта, Профессорский уголок, ул. Набережная, 20.

Организационный взнос: Для всех участников Летней школы, кроме членов СПР и студентов, – 2000 руб., для членов СПР – 1500 руб., для студентов – 1000 руб.

ЗАЯВКА

на участие в VIII Летней школе перевода СПР

ФИО	
Место работы	
Должность	
Город	
Являетесь ли членом СПР?	
Номер членского билета	
Нуждаетесь ли в бронировании номера (2-х местный) в пансионате «Дубна»	
С кем вы планируете проживать?	
Адрес электронной почты	
Телефон	
Примечания	

Примечание: переводчики-фрилансеры в графе «Место работы» указывают «переводчик-фрилансер» или «Индивидуальный предприниматель».

Поэзия

ИСПАНСКИЕ НАРОДНЫЕ РОМАНСЫ

В 711 году через узкий Гибралтарский пролив переправились вооружённые отряды берберов и арабов (в Испании их стали называть маврами) и в ожесточенном бою на реке Гуадалете разбили войска вестготского короля Родриго. За семь последующих лет мавры захватили почти весь Пиренейский полуостров. Но уже в 718 году астурийские воины в битве у реки Ковадонга (север Испании) разбили мавров. Это сражение принято считать началом Реконкисты – отвоевания испанским народом своей территории. Реконкиста продолжалась более семи столетий. Только в 1492 году – с падением Гранадского эмирата – она была завершена.

Как раз на завершающем этапе Реконкисты и родились в Испании романсы. Их исполняли под гитару на романском (испанском) языке, а не на латыни. Поначалу эти лиро-эпические песни были откликом на события войны с маврами. Откликом, разумеется, преломлённым в народном сознании. Так родилась легенда о том, что мавры пришли в Испанию по просьбе графа Хулиана, который хотел отомстить королю Родриго за бесчестье своей дочери Ла Кавы (вспомним стихотворение Пушкина «Родрик»: «На Испанию родную // Призвал мавра Юлиан»). Благодаря романсам эта легенда стала правдивее исторической правды.

Романсы быстро завоевали в Испании огромную популярность. Война с маврами была богата на самые разнообразные драматические коллизии, и фольклорных лиро-эпических песен появилось в те годы неисчислимое количество. Один только Родриго Диас де Бивар, прозванный арабами Сидом (то есть, «мой господин») оказался главным героем более двухсот романсов. А ведь его подвигам посвящён ещё и национальный испанский эпос «Песнь о моём Сиде». Чуть позже исторических романсов появились мавританские. Они воскрешают уже не военные деяния, а, как правило, «африканские страсти». Позднее других стали создаваться новеллистические романсы – своеобразные песенно-лирические рассказы самого различного содержания.

По единодушному признанию исследователей испанской литературы романсы – высшее достижение поэтического фольклора Испании.

Виктор Андреев

ЛА КАВА

Со служанками своими
в сад тенистый днём погожим
вышла из дворца Ла Кава –
весела, юна, пригожа.
Днём погожим девы сели
на лужайке, им отрадной,
под зелёной кроной мирта,
под листвою виноградной.
Днём погожим девы сели
возле самого фонтана,
где из трубок золочёных
неумолчно, неустанно
чистая вода струится,
нежную даря прохладу
и прекрасным юным девам,
и приветливому саду.
Летний день дышал покоем,
солнце жаркое пылало.
И снимать с себя одежды,
не стыдясь, Ла Кава стала.
Тело девы обнажённой
до того прекрасным было,
что оно глаза служанок
ярче солнца ослепило.
Думала в тот миг Ла Кава:
никаких мужчин нет рядом.
Но её король Родриго
увидал сквозь ветви сада.
А увидев, он пленился
юной девы красотою,
и любовь пронзила тотчас
сердце огненной стрелою.

Так Испании несчастья
начались тем днём погожим,
когда встретился Родриго
с юной девою пригожей.
Потеряла честь Ла Кава,
честь девичью потеряла.
Короля Родриго вскоре
наказанье злое ждало.
Кто из них двоих виновней
в нашей горести великой?
У мужчин ответ: Ла Кава,
а у женщин: лишь Родриго.

ПОТЕРЯННОЕ КОРОЛЕВСТВО

Восемь дней шёл бой жестокий,
алой кровь текла рекою,
дрогнули войска Родриго
и бежали с поля боя.
Из шатра Родриго вышел,
одинокий и несчастный.
Где его монаршья поступь,
взор сверкающий и властный?
На коня король садится,
едет, а куда – не знает.
Прежде быстрый, словно ветер,
конь теперь едва ступает.
Сам король почти не дышит,
его силы на исходе,
жаждой, голодом измучен,
едет, опустив поводья;
тяжелей скалы огромной
был ему шелом злачёный,
и от ран кровавых тело –
словно уголь раскалённый.
Поднялся король Родриго
на пустынный холм высокий,
видит поле, где недавно

шёл последний бой жестокий,
видит воинов погибших,
в латах, с копьями, мечами,
видит, что его знамёна
в землю втоптаны врагами,
видит он, что кровь людская
алою течёт рекою.
Смотрит горестно и долго,
смотрит он на поле боя.
С болью видит он, что маврам
отдана земля родная.
Возрыдал король Родриго,
и промолвил он, стеная;
— Я вчера страною правил,
а сегодня я — безвластный,
я вчера был всех счастливей,
а сегодня — всех несчастней.
Я вчера владел дворцами,
я казной владел огромной,
а сегодня я — что нищий,
одиноким да бездомный.
Проклинаю день, когда мне
суждено родиться было,
день, когда судьба корону
дать мне, грешному, решила.
Потерял я королевство,
от людей не жду прощенья.
Смерть, молю: приди скорее,
чтоб прервать мои мученья
и душе от скверны тела
даровать освобожденье.

Мавры, храбрые мавры,
подмогой вам — ваша свирепость,
возьмите штурмом Баэсу,
ворвитесь победно в крепость.

Ни стариков, ни женщин,
ни малых детей не щадите,
девиц да парней, коль живыми
остались, в полон берите;
а Перо Диаса дочка
наложницей станет моею,
и Леонор, её тётку,
я сделать покорной сумею.
Возглавьте отряд, Ванегас;
не сомневаюсь нимало,
что вам ни в одном сраженье
отвага не изменяла;
хочу, чтобы новую славу
десница ваша снискала.

РОМАНС О СРАЖЕНИЯХ ПРИ АНТЕКЕРЕ

В Иоаннов день, едва лишь
солнце в небе засверкало,
на равнине близ Гранады
мавров собралось немало.
Одеянья знати блещут
златом на лугу зелёном;
отмечают праздник солнца
мавры состязаньем конным
и победы посвящают
своим дамам восхищённым.
Мавританкам из Альгамбры
конные турниры любы;
и король вполне доволен,
растянул в улыбке губы.
Истекая кровью, всадник
появился на равнине.
— Мой король, с недоброй вестью
пред тобой предстал я ныне.
Антекеру дон Фернандо
захватил в сраженье лютом.

Множество погибло мавров,
сам я спасся только чудом,
восемь копий христианских
побывало в моем теле;
к Архидоне отступили
те, что в битве уцелели.

Мавра выслушав, правитель
сжал ощеренные зубы
и велел, чтобы трубили,
призывая к битве, в трубы.
Зов военных труб услышав
с крепостной стены Гранады
и коней пришпорив, мавры
собираются в отряды.
И пошли без промедленья
на испанцев грозной тучей.
Не уйдете, христиане,
вы от смерти неминучей.

Хоть испанцы бились храбро,
но сражение проиграли,
многие из них погибли,
а живые – в плен попали.

Вот уже к родной Гранаде
с поля брани мавры едут,
восклищая неустанно:
– Одержали мы победу!

Я – мавританка Морайма,
прекрасная ликом и станом.
Христианин коварный
в дом мой проник обманом.
Молвил он по-арабски,
в мои постучавшись двери:
– Впусти меня, мавританка,
не изменившая вере.

– Как я тебе открою,
я ведь не знаю, кто ты?
– Я дядя твой, мавританка,
и называюсь Масоте.
За то, что убил испанца,
ищут меня повсюду.
Коль здесь не найду приюта,
скоро казнён я буду. –
Услышав слова такие,
с постели я соскочила
и, альмеху накинув,
двери открыть поспешила.
О, горе мне, бедной! Злодея
в дом я сама впустила.
(Из цикла «Романсы о короле Родриго»)

Перевод с испанского Виктора Андреева

ПОЭЗИЯ ПИРЕНЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Моим читателям. Данная подборка переводов посвящена поэтам Испании – страны, расположенной на Пиренейском полуострове. Древнее традиционное название полуострова – Иберия. Испания – государство многонациональное, и такие её области, как Галисия и Каталония, отличаются особой национальной культурой и собственным языком, породившим свою литературу. Поэты Пиренейского полуострова пишут на разных, хотя и родственных языках, принадлежащих к романской группе. И они тесно связаны между собой не только географически: их роднит общая история – семивековая борьба с маврами (Реконкиста), общая вера, общие истоки языка, общие культурные традиции.

Так, галисийский язык восходит к ранне-средневековому провансальскому, образовавшему единый португало-галисийский язык, впоследствии разделившийся на собственно португальский и галисийский (в испанской Галисии). Каталонский также восходит к провансальскому. Оттого и литературы этих народов развивались в едином русле.

Испанская поэзия Золотого века оказала могучее воздействие на писателей последующих веков, и, безусловно, не только на испанских, но и на галисийских, каталонских и португальских. Не будем забывать и о том, что всех этих писателей изначально питала античная культура.

Такие гиганты Возрождения и Барокко, как португалец Камоэнс, испанцы Сервантес, Лопе де Вега, Гонгора и Кеведо, вознесли литературу своих стран на недостижимую высоту и повлияли на всю европейскую, да и мировую литературу, включая русскую.

Народные исторические романсы Каталонии – любимая форма каталонского классика XIX–XX веков Жасинта Вердагэ. «Деревенская» галисийская песня, возведённая Росалией де Кастро на вершины галисийской классической литературы, – тоже один из источников, питающих пиренейскую поэзию. Другой её источник – безусловно, классическая литература Италии и Франции. Поэты Пиренейского полуострова дали блестящие образцы сонета – философского, сатирического, любовного. Не забыт он и в наше время: так, у современных поэтов Галисии и Каталонии сонет дружески соседствует с верлибром.

Множество переводчиков, начиная с Пушкина и Жуковского, обращались к этому неисчерпаемому морю поэзии Пиренейского полуострова. Боюсь, что в наше время поэзия не имеет такого могучего влияния на умы читателей, как хотя бы в прошлом веке. И всё же я не могу не поделиться с вами этим богатством.

Майя Квятковская

ПОЭТЫ КАТАЛОНИИ

ЖАСИНТ ВЕРДАГЭ (1845 – 1902)

Один из крупнейших поэтов Каталонии. Вышел из крестьянской среды. Стал священником. В своём творчестве сочетал народные предания с мистическими легендами о христианских чудесах, за что и был отстранен от должности. В его стихах и поэмах каталанский язык «стал одним из самых совершенных литературных языков Пиренейского полуострова»¹.

СКАЛА ДЬЯВОЛА

В ночь пред новым годом
Так и жди беды;
Пляшут в блеске молний
Чёрные боры,
И раскаты грома
Рушатся с вершин.

¹ З. И. Плавский. Литература Испании. От зарождения до наших дней. СПб, 2009.

Знать, задумал дьявол,
Расшатав гранит,
Опрокинуть глыбу
С гор на монастырь.

Каменной кувалдой
Дьявол кряж долбит,
Бьёт в скалу тараном –
Дубом вековым,
Рвёт её когтями
И клыком крушит,
Воет и хохочет,
Плачет и визжит.
Пусть, грызя утёсы,
Камень в прах крошит –
Может, обломает
Когти о гранит.
Боже! Накренился
К бездне верх скалы!
Где же Та, что аду
Противостоит?
Иноков от смерти
Снидет ли спасти,
Станет ли покровом
Кротких чад своих?
Иноки страшатся
Козней сатаны,
Темноликой Деве
Шлют они мольбы:
«Дьявол нас обвалом
Хочет раздавить!
Слышишь ли Ты, Мати,
Грозный гул лавин?
Гонит их нечистый
К нам на монастырь!
Миг ещё промедлишь –
И погибли мы!
Помоги нам, Мати,
Мы Твои сыны!»

И достигли рая
Иноков мольбы –
Мать ли не услышит
Зова чад своих?
Золотые цепи
С неба пали вниз,
Шаткую громаду
Мимо пронесли.
Гром семижды грянул –
И кусок скалы,
Пролетев над храмом,
Рухнул с крутизны,
И паденья грохот
Бурю перекрыл.

Вспенились потоки,
Воды вспять пошли,
Льобрегат взметнулся,
Вышел из теснин;
Содрогнулись кручи
И зубцы вершин,
Чуя, что приходит
Их последний миг.
Иноки вскричали:
«Чудо! Спасены!
Близ Тебя, Мария,
Бури не страшны,
Ибо нас покровом
Осентяешь Ты!
Мати, сколь Твоими
Сладко быть детьми!»
А скала, надёжно
Утвердась, стоит
Под спасённым храмом,
Над волной реки.

Под скалою дьявол
Заключён в тиски.

Он ревёт, как прежде,
Нет лишь прежних сил:
Каменная глыба
На его груди,
На разбитых лапах –
Рухнувший гранит.

ЖОАН АЛЬКОВЭ (1854 – 1926)

Жоан Альковэ считал, что необходимо «ввести искусство в русло народной жизни» и что «назначение поэтов не в том, чтобы запечатлеть свою неповторимую личность и чувства, недоступные другим, а в наивысшем, наиболее напряжённом и чистом выражении переживаний, присущих всем, в даре пробуждать поэзию, скрытую в душе каждого». Для поэзии Альковэ характерно тонкое ощущение природы.

ОТЧАЯНИЕ

Могучим деревом я выросло когда-то,
Давало я приют жнецу в июльский зной.
Вихрь оборвал с меня все ветви по одной,
До почвы молнией я надвое разъято.

Разбитый полый ствол увенчан небогато
Листами чахлыми; а то, что было мной,
Сгорело заживо, и за предел земной
Клубами дымными взошёл мой дух крылатый.

Мой корень, рабствуя, пьёт жизни горький сок,
Я чую листьев рост, я чую в жилах ток,
Но часа смертного с надеждой ожидаю.

Рубцами на коре – ветвей отпавших след.
Я всё ещё живу, хоть сердцевины нет,
И вживе над собой – над мертвецом – рыдаю.

Перевод с каталанского Майи Квятковской

ПОЭЗИЯ ГАЛИСИИ

РОСАЛИЯ ДЕ КАСТРО (1837 – 1885)

Детство Росалии де Кастро проходило в Северной Галисии, крестьянском краю, где из века в век передавались народные обычаи, предания и песни. Поселившись впоследствии в главном городе Галисии – Сантьяго де Компостела – Росалия стала деятельной участницей культурного объединения молодых галисийцев. 1863 год стал важным событием для всей Галисии: вышел из печати, впервые на галисийском языке, сборник стихов Росалии де Кастро «Галисийские песни». С тех пор этот день, 17 мая, в Галисии отмечают как праздник национальной культуры. Недаром Росалию называют галисийской Музой.

ИЗ «ГАЛИСИЙСКИХ ПЕСЕН»

Там, где на вершине,
высоко-высоко,
зеленеют стебли
молодого дрока,
там в одежде белой
облачком залётным
юная горянка
кружится и вьётся,
то на миг исчезнет,
то назад вернётся,
то вспорхнёт к вершине,
то не шелохнётся.

Вниз бежит вприпрыжку,
белизной подобна
пенному каскаду
горного потока.
Вот она застыла
на вершине тёмной,
мраморною девой
представая взору.

Ветер треплет ленты
чепчика льняного,
буйно развевает
спутанные косы.
За концы малютка
шаль перехватила —
та вспорхнула, словно
ангельские крылья.
С ветрами девчушка
затекает игры,
грацией подобна
ангелам счастливым.
Верю я, несчастный,
что меня к вершине
позвала резвушка
взмахом белых крыльев.
Ах, но мне коварно
лгут мои же очи —
подымусь к ней ближе,
а она далёко:
скрылась в полумраке
между тёмных сосен,
невидимкой песню
распевая звонко.
Песня жжёт и ранит,
околдован я, и пылает
рана в сердце у меня.

Дал же Бог девчушке
с той горы зелёной
красоту такую,
белизну и лёгкость!
Всем она прекрасна —
плачет ли, смеётся,
запоёт ли песню,
спит или проснётся.
Ах, когда бы отдал
мне отец красоту!

Ах, когда бы стала
мне она женою!
Как бы угождал я
ненаглядной крошке —
*надевал ей платье,
обувал ей ножки.*

ОТРЫВОК

Прекраснее края
не сыщешь на свете,
чем край мой родимый,
чем край мой приветный,

прекраснее края
не видано в мире —
ничто не сравнится
с Галисией милой,

какая страна
разукрашена щедро
коврами цветов,
оторочкой из пены?

И пену, и перлы
выносит ей море,
цветы одевают
и доли, и взгорья,

зелёные доли
для сердца целебны —
едва их увидишь,
забудешь все беды,

здесь ангелы в небе
парят безмятежно —
то белой голубкой,
то облачком белым.

ПУРА ВАСКЕС (1918 – 2006)

Во время гражданской войны и при франкистском режиме в Испании запрещалось печатать издания на галисийском языке. Но с окончанием политических притеснений Пура Васкес – скромная школьная учительница, даровитый автор стихов и прозы для детей и взрослых – первой из галисийских поэтов напечатала свои стихи на родном языке.

Светиться. Трогать. Причаститься жара
калёных скал, угрюмой мглы морей.
Взойти под кровлю солнечную дней.
Жить. Осознать, что нет чудесней дара.

Быть малою частицей. Благодарным
биением пульса в чистоте скорбей.
Цепь трудных лет расторгнуть, и за ней
прозреть конец в тумане светозарном.

Быть голосом, что плачет и поёт,
сгорать, сияя в пламени извечном,
в веках и в розах восстающем снова.

И – ввысь. Всё выше. Выше. На излёт.
Сгорать в самосожженье бесконечном.
О, волны света... Вечного. Живого.

Источник жизни. Мой огонь глубинный.
Моё сегодня, сумрак и беда.
Сок, брызжащий из спелого плода.
Гнев половодья. Влажные долины.

Источник жизни, ты несёшь меня
к сомнамбулической меже. Стремнины.

Мощь отроческих чар. Всех чувств первины:
прикосновение. Запах. Жар огня.

И колдовство. И воплощение теней
заклятых. Жажда. Миги удивлений.
Воспоминанья. Поцелуй. Любовь.

Пожара пламя в зареве печальном.
Ярмо тоски за холодом зеркальным.
Взлёт мотылька. Цветка живого кровь.

*(из книги Poesias Ibericas. Переводы Майи Квятковской.
СПб.: Знак, 2013. – 304 с.)*

Перевод с галисийского Майи Квятковской

ВИКТОР АНДРЕЕВ

СЛОВО О ПЕРЕВОДЧИКЕ ЛЕОНИДЕ ЦЫВЬЯНЕ

Леонид Михайлович ЦЫВЬЯН (1938 – 2007) переводил поэзию, прозу, драматургию практически со всех европейских языков (исключая, пожалуй, только английский). В его богатом наследии переводы с французского по своему объёму превышают все остальные. Но его главной любовью была польская литература. Этой литературой Цывьян занимался на протяжении всей своей творческой жизни. Его первой публикацией (в 1969 году) был перевод польских стихов, и умер он, работая над переводом сборника рассказов Януша Вишневского.

Из переводов Леонида Цывьяна можно было бы составить обширную и достаточно полную антологию польской поэзии – от эпохи барокко до авторов конца XX века. Но самыми любимыми поэтами Польши были для него два: Галчинский и Шимборска – их он переводил постоянно, не по издательскому заказу, а из любви, то есть «в стол» (слава Богу, ряд этих переводов увидел свет ещё при жизни Цывьяна).

В самой Польше переводческая работа Леонида Цывьяна была оценена высоко: в 1989 году его наградили орденом «За заслуги перед польской культурой», в 2003-м – Кавалерским Крестом Ордена заслу-

ги Р. П. В нашей стране переводчик Цывьян никаких наград не был удостоен...

Да, Леонида Михайловича много и охотно печатали – издатели Ленинграда (Санкт-Петербурга) и Москвы знали: он не подведёт, осилит любые, самые сложные, произведения европейской литературы. Но поразительно другое: после смерти Цывьяна в его архиве оказалось огромное количество переводов, никогда ранее не публиковавшихся (с польского, французского, немецкого языков). Часть этих переводов из польской поэзии XX века и представляется ныне вниманию русских читателей.

ИЗ ПОЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ XX ВЕКА

КОНСТАНТЫ ИЛЬДЕФОНС ГАЛЧИНСКИЙ (1905 – 1953)

МЕСЯЦ

По орбите, вычерченной точно,
светлый механизм мой катит ночью,

линии, поверхности, объёмы
трогаю я нежно и влюблённо,

потому-то серебром струится
тень моя по листьям, как по лицам.

Движимы моей пружиной вечной
оживают неживые вещи,

формы, цвет, названия, измерения
превращая в звучные теченья.

Если свет мой небо заливает,
молкнет ветер и сова смолкает.

И растут мосты, смычки и скрипки,
улучки извилисты и кривы

станут вдруг. И плющ неясным блеском
бьёт в глаза и вьётся арабеском.

На балконах и на балюстрадах
пишет каждый луч свои шарады,

а как мрак поглотит свет и тени,
то шарады вновь вернутся в темень,

как домой, где мчится в тучах хмурых
чистая, без цифр, архитектура.

Из глубин вещей, глубин придонных
выплывают стайки изменённых

контуров, изрезанных лучами.
Но всё это — только лишь начало.

Камень стонет, жалуется сонно,
превращаясь в бас, а после в сотни

лунных неустойчивых фантомов,
в зеркало, в лицо, в крыльцо у дома,

в канделябр и в столик колченогий,
в тёмный ветер на пустой дороге.

Свет на стены, набегая косо,
ломанные линии наносит,

площадь всю зальёт — пройти не сможешь,
лестницы крадёт и окна множит;

сон теряют люди, дышла — кони,
все звонки зашлись в тревожном звоне:

то по небу полнолуние мчится,
лунной филармонией лучится.

Вот тогда-то входит свет мой ломкий
в мысли ваши, ваших тайн потёмки,

в звуки хрупкие, в невянущие мальвы,
в камни, краски, взгорья, реки, травы

и в глаза собак, и в очи женщин,
в серебро подсвечника и свечи,

в ветерок, листвою шелестящий,
в то, что так прекрасно, преходяще,

что кружит в круговороте вечном.
Вам “Dobranos¹” я скажу сердечно.

Кто я? Просто света трепетанье.
Это – моё польское прощанье.

Всем вам, милые – и грустные, и ясные –
доброй ночи! Я сейчас погасну.

Свет мой, словно музыка, растает.
Только этот лучик я оставлю.

Но сначала, чтоб не забывали,
дам концерт прощальный в этом зале;

с неба сквозь окно спущусь на стену,
с серебристой скрипкою на сцену,

и смычком бессмертным трону струны,
и четыре тихих вальса лунных
я сыграю вам перед уходом;

это будет только лишь круженье,
расцветанье, долгое цветенье,
танец времени, четыре части года.

¹ Dobranos – Доброй ночи (*польск.*). (Прим. пер.).

Жажда, снег и яблок вызревание,
тени звёзд и тени без названья,
женственная нежность и печали,

стук сердец и та звезда над домом —
всё кружится в колесе огромном,
я же только спицы освещаю.

Это — моя лунная забота,
давняя, но трудная работа.

Видишь: там лицо в оконной раме?
Это я тянусь к тебе лучами,

музыкальным серебристым диском
над тобою наклоняюсь низко,

в твоих письмах буковки стираю,
словно дождь, с лицом твоим играю,

и тебе сентябрьской ночью снится,
будто дождь серебряный струится —

радостью глаза твои лучатся,
светят в два фонарика, два счастья.

После, ключник света тороватый,
тихо подхожу к твоей кровати

и, мерцая светом вдохновенно,
вышиваю я на одеяле ветви,

ноты, травы, золотые горы,
Млечный Путь, старинные соборы.

Сребролика, ты тихо спишь в постели.
Ночь плывёт. И сны плывут, как тени.

Как уйду, не плачь по мне, не надо –
я вернусь, родная, буду рядом.

Если свет в окошке заклокочет,
это я. Твой месяц. Сердце ночи.

ЯН ЛЕХОНЬ¹ (1899 – 1956)

КРАСНОЕ ВИНО

Рано осень пришла. И всё раньше скольжение
Солнца в тёмное озеро за камыши.
День – чтоб сонно часы проплывали в тиши,
Вечер – чтобы следить звёзд осенних паденье.

А в саду Ренуар, зная, раскрашивал сливы:
Каждый плод с зеленцой, а по краю лилов.
Это всё что-то значит, но нет нужных слов.
Что ответить, коль спросят меня: «Вы счастливы?»

Как ныряльщик, что сходит в глухие глубины,
Где кораллы стоят ярко-алой стеной,
Я пью взглядом созревший багрянец рябины
Или красное тихо смакую вино.

Перевод с польского Леонида Цывьяна

ЕВГЕНИЙ ФЕЛЬДМАН

ДЖЕЙМС МАКОЛИ (1754 – 1817)

О Джеймсе Маколи доподлинно известно лишь то, что он был
печатником из Эдинбурга. В 1788 г. выпустил книгу стихотворений²,
свидетельствующую о его незаурядном таланте.

¹ Ян Лехонь (наст. имя – Лешек Серафинович). (Прим. пер.).

² Poems on Various Subjects, in Scots and English. By James Macaulay. Edinburgh, 1788.

Интонация «Стихотворного послания мистеру Р. Б. из Эйршира» не оставляет сомнения в том, что Маколи с Бёрнсом были хорошо знакомы, и Бёрнс для Маколи не был человеком из легенды.

Впервые Бёрнс заявил о себе как о поэте в 1786 году так называемым килмáрнокским изданием своих стихотворений. Спустя два года он был уже достаточно известен и почитаем в самых широких слоях тогдашнего шотландского общества. Тот факт, что Джеймс Маколи включил своё послание в книгу, увидевшую свет именно в 1788 году, говорит о том, что он был человеком, обладавшим ироничным и независимым характером.

О существовании Маколи и его стихотворения я впервые узнал ещё в докомпьютерную эпоху из книги «Роберт Бёрнс. Критическое наследие» (1974), выписав её из ВГБИЛ им. Рудомино. Более того, именно из этой книги я узнал, что не все и не сразу признали в Бёрнсе поэта общенационального масштаба. Таких людей, правда, было немного, но они были. Подобно Джеймсу Маколи, свои выступления они облекали в стихотворную форму, и это получалось у них довольно талантливо. Многих из них я перевёл. Перевожу и сейчас. Мечтаю когда-нибудь издать авторского Бёрнса, выделив в книге особый отдел, который назову «Анти-Бёрнс». Уверен, книга получится интересной.

СТИХИ ОБ ИЗГНАНИИ ШОТЛАНДСКОГО ЯЗЫКА

1.

Чужим тебе родной предел
Сегодня стал. – «Покуда цел,
Уйди, – кричат, – осточертел
Ты всем до смерти!»
Ты оказался не у дел
На милом *Ферте*.

2.

Язык без запаха и цвета
Тебя сживает здесь со света.
Ты был когда-то для поэта
Ярчайшей радостью,
Ты стал сегодня для эстета
Дичайшей гадостью.

3.

В парламенте и на дому
Звучал ты прежде. Не пойму,
Откуда вдруг и почему
 Сии потери?
Тебе сегодня лишь во тьму
 Открыты двери!

4.

Пытались бездари и дурни
Восполнить сей пробел культурный.
Но плод активности их бурной –
 Одна отравы,
И хаять бред литературный
 Нет смысла, право!

5.

Но все ли бездари? О нет!
Вот *Габби Симсон* был поэт.
Он пел на *Файфе* много лет.
 Когда ж, родимый,
Ушёл, – оставил в жизни след
 Неизгладимый.

6.

И *Рэмси* с *Фергюссоном*¹, – оба
Поэты самой высшей пробы, –
Стяжали честь и славу, чтобы
 Уйти до времени,
Когда б могла настичь их злоба
 Людского племени!

7.

Они ушли, – а ты остался.
Ты повсеместно развивался.

¹Аллан Рэмси (1686–1758) и Роберт Фергюссон (1750–1774) – шотландские поэты, оказавшие огромное влияние на творчество Роберта Бёрнса. (Прим. пер.).

Но время шло, – ты перебрался
В разряд ненужного,
Напору мощному поддался
Соседа южного.

8.
Язык Джон Булля¹ здесь в законе,
А наш – таится в обороне,
И всем, кто, вперекор короне,
Здесь воду мутит,
Башку его, что той вороне,
Джон Булль открутит!

9.
И всё же я писал – и буду –
Стихи, что презирают всюду.
Ты для меня приравнен к чуду,
И мне, друг, больно,
Что подставляю словоблуду
Тебя невольно.

10.
Уж коль явиться на порог
Тому, над кем глумится рок,
То надо сразу в уголок
Уйти в тишайший,
Не порождая лишних склок
В родне ближайшей.

11.
Ты всем хорош и всем пригож,
Но здесь умами правит ложь.
И зрелый люд, и молодёжь,
Прозвав «деревней»,
Изгнали отовсюду сплошь
Язык свой древний.

¹Джон Булль – прозвище англичанина. (Прим. пер.).

12.

Но от зарницы до зарницы
Ещё мы будем веселиться:
Есть и у лжи свои границы,
Свои пределы,
И на тебе наговориться
Смогу я смело.

13.

Войдёшь ты снова в обиход
Простолюдинов и господ,
И буду петь из года в год
Тебя, доколе
Господь меня не призовет,
Я,
ДЖЕЙМС МАКОЛИ!

РОБЕРТ УИЛСОН

О шотландском поэте Роберте Уилсоне сведений почти не сохранилось. Ни в одном из списков шотландских поэтов, представленных в Интернете, его нет. Но в Интернете размещена книга его стихов – по всей вероятности, единственная. Внимательно изучив её, я обнаружил интереснейший факт, относящийся если не к самому поэту, то к людям, которые его окружали.

Время издания указанного произведения¹ говорит о том, что Роберт Уилсон родился в конце XVIII или в начале XIX вв. Во всяком случае, в 1822 году, когда книга вышла в свет, он был уже вполне сложившимся поэтом. (Об этом свидетельствует высокая культура стихосложения автора). В мае того же года в периодическом издании “The Edinburgh Magazine, and Literary Miscellany, being a new series of ‘The Scots Magazine.’ May 1822.” на с. 647–652 была помещена рецензия на книгу, но какие-либо сведения об авторе в ней отсутствуют. В книге имеется посвящение – To JAMES PILLANS, Esq. Professor of Humanity in the University of Edinburgh, the following Poems are humbly and respectfully inscribed by THE AUTHOR.”

¹ Poems, Chiefly in the Scottish Dialect. By Robert Wilson. Edinburgh: Printed for the Author; and Sold by A. Constable and Co. High Street, and F. Pillans, 13. Hanover Street. 1822. – XII – 192 p.

Джеймс Пилланс (1778–1864) – доктор юридических наук, шотландский специалист по античной филологии и реформатор в области образования. Вчитавшись в его биографию, я сделал для себя неожиданное открытие, которым спешу поделиться с коллегами. Оказывается, именно Пилланс, преподавая географию, впервые в мировой учительской практике применил чёрную классную доску и цветные мелки. Стоя у доски, учитель – а следом за ним ученик – излагал тему, поминутно пользуясь самодельным рисунком. Такая система подачи и усвоения материала называлась “chalk and talk”.

Известно, что отец Пилланса, которого также звали Джеймсом, был печатником. Книга, изданная для автора (то есть, похоже, очень небольшим тиражом), распространялась двумя продавцами, среди которых на титульном листе указан некий “F. Pillans” (см. выше). Кроме того, на последней, 192-ой странице книги внизу слева указано “John Pillans, Printer, Edinburgh”. В стихотворном послании, которое следует за прозаическим посвящением, в строке 13-ой, Роберт Уилсон, обращаясь к Джеймсу Пиллансу, называет его “my Patron”.

Из всего этого следует, что в подготовке и продвижении поэтического сборника семейство Пиллансов оказало молодому талантливому автору всемерную поддержку.

В марте этого года, я получил письмо от моего шотландского коллеги, профессора Питера Франса. Он работает в Национальной библиотеке в Эдинбурге, является директором организации “The Bibliography of Scottish Literature in Translation (BOSLIT)” и предлагает сотрудничать с ним. Надеюсь, нашими совместными усилиями удастся найти дополнительные сведения о Роберте Уилсоне, авторе «Элегии на смерть Бёрнса».

ЭЛЕГИЯ НА СМЕРТЬ БЁРНСА

Он – умер. Годы пролетели,
А всё не верится: ужели?
Хочу, седые менестрели, –
 Увы, увы мне! –
Хочу, чтоб вы его отпели
 В печальном гимне.

Его стихов благая сила
Сердца шотландские будила.
Ах, сколько с нею взято было

Каких вершин!
Но – смерть навеки разлучила
Поэта с Джин¹.

Ах, как они любили дивно!
Река печали неизбывна.
И вопрошаю я наивно:
Как это смерть
Перечить жизни супротивно
Смогла посметь?

Пылал в груди огонь природный,
И стала арфа всенародной,
Однако, завершив свободный,
Короткий век,
В тиши почиет безысходной
И в дождь, и в снег.

Плачь, роза милая, в кручине,
И маргаритка – плачь в долине.
И лёгкий бриз, и шторм в унынье,
И флаг на мачте,
Рассказ мой повторите ныне
И – плачьте, плачьте!

Восплачь, амброзия родная,
Нас благовоньем одаряя,
Восплачьте, – травка полевая,
Кусты колючие,
Дружина многовековая –
Дубы могучие!

Увы нам! До конца времён
Цветов пурпурных легион,
Где каждый цветик окроплён
Росою чистой,

¹Джин Армор (1767–1834), жена Роберта Бёрнса. (Прим. пер.)

Не воспоёт вовеки он,
Наш гений истый!

Восплачьте же в часы ночные
Вы, совушки; в часы дневные
Восплачьте, голуби лесные
И вы, вороны:
Ушёл он в дали неземные
В ладье Харона.

И никогда в весеннем поле
Ему не петь за плугом боле
И никогда на вольной воле
Не бросить семя.
Дай, Господи, душевной боли
Снести нам бремя!

Восплачь, восплачь, великий хор
Ручьёв, бегущих с наших гор!
Скажите, – важный разговор! –
Своей форели,
Какой урон с известных пор
Мы потерпели.

Не воспоёт поэт иной,
Как вы блестите под луной,
Не воспоёт наш дол родной
В убранстве лета.
Се – мрак извечный, неземной –
Удел Поэта.

Пусть ураган гремит, грохочет,
И пусть ручей кипит, клокочет,
И пусть поёт весёлый кочет, –
Бард не проснётся
И солнцу встречу уже не вскочит,
Не засмеётся!

ДЖОН РАССЕЛ (1792 – 1878)

Лорд Джон Рассел, первый граф Рассел – британский государственный деятель, 32-й и 38-й премьер-министр Великобритании с 1846 по 1852 гг. и с 1865 по 1866 гг., лидер вигов. Дед философа Бертрана Рассела.

АГНЕС БРАУН МАТЬ ВЕЛИКОГО ШОТЛАНДСКОГО ПОЭТА РОБЕРТА БЁРНСА

В долине Тайна¹ – ветерок весенний,
Встречь солнышку раскрылись лепестки,
И птичьи хоры всё самозабвенней
Свой благовест разносят вдоль реки.

Прекрасный Гиффорд весело струится,
А до святынь – уже подать рукой.
Вон за гробницей высится гробница:
Там прошлое вкушает свой покой.

Куда ни глянь, повсюду зелень дёрна,
И нет в округе места зеленей,
И только крокус всё горит упорно
С времён Гомера и до наших дней.

И врублены в гранитные твердыни
Здесь истины, которым сотни лет.
В них назиданье нам, живущим ныне,
И обещанье тем, кого уж нет.

Но я иду не к мраморным колоннам,
Не к тем, кто был когда-то знаменит:
Любой из них под вечным небосклоном,
Со временем был напрочь позабыт.

¹Тайн – река в Шотландии. (Прим. пер.)

Они пришли к богатству и любви,
Они ушли, от жизни взяв сполна,
Они пришли, не дав ей дивной нови,
Они ушли, утихли, как волна.

Пускай починут с миром! Есть на свете,
Казалось бы, простые имена,
Как «Агнес Браун¹», – в череде столетий
Их не сотрут любые времена.

Здесь та, что родила и воспитала
Того, чья память – вечно дорога,
Того, чья лира часто воспевала
Нам Дунские холмы и берега.

Там, в Каррике, – земля её родная,
Но счастье материнства обрела
Она лишь в Эйре, – обрела, не зная,
Что гения шотландцам родила.

И кто в момент постигнет настоящий
Ушедшее от нас житьё-бытьё,
Постигнет чувства матери, кормящей
Горластое сокровище своё?

Хотела ль с материнским первым кормом
Для мальчика судьбины непростой
И славы, разгоревшейся над штормом
И ставшей незакатною звездой?

И знала ли, что здесь любой невежа,
Любой мудрец о нём заговорит,
Что от столицы до угла медвежья
Он полпланеты песней покорит?

¹Агнес Браун (1732–1720), мать великого национального поэта Шотландии Роберта Бёрнса (1759–1796), которая пережила своего сына на 24 года. (Прим. пер.).

Мне кажется, и белые, и мавры
Ей виделись в дремоте, в полусне.
Они ему несли такие лавры,
Что лишь цари носили в той стране.

Ей виделось: он проживёт мужчиной,
Которому не свят любой порог,
Но скотты, потрясённые кончиной,
Забудут и простят любой порок!

И я б хотел надеяться: быть может,
Не слышала она хулу врагов,
Что не сумели гений уничтожить,
Не знавший ни границ, ни берегов!

Кто не желал ей в час её заката
Без мук скончаться и уйти без слёз,
Когда б под звоны сельского набата
Слова молитвы пастырь произнёс?

Мать – вот первоисток, первооснова
Прославившего родину свою.
«Мать Бёрнса» – надпись; в ней – всего два слова,
Но это – пропуск в звёздную семью!

Перевод с английского Евгения Фельдмана

СТЕПНЫЕ НАПЕВЫ В СОВРЕМЕННОЙ БУРЯТСКОЙ ПОЭЗИИ

Слово от издателя. В последние годы благодаря вниманию к вопросам развития культуры, изданию журнала «Слово Забайкалья» агинские писатели получили возможность быстрого и широкого выхода своих произведений к читателям.

Именно в это время Борис Макаров начал готовить к печати книгу стихов бурятских поэтов в собственном переводе¹. Борис Макаров

¹ «Дороже всех богатств». Стихи бурятских поэтов в переводах Бориса Макарова. Чита: Экспресс-издательство, 2014. – 320 с.

всегда восхищался их оптимизмом, неиссякаемой верой в победу добра, сыновней любовью к родному краю, Забайкалью, неколебимой верностью дружбе с русским народом и представителями других национальностей, живущими и работающими на нашей суровой и прекрасной земле.

Все эти годы словно из животворного источника он подпитывает свои творческие силы и вдохновение из родниковых глубин творчества талантливых поэтов песеннокрылой Аги. Совместная работа всегда сближает, объединяет людей, какой бы национальности они ни были, на каких бы языках ни говорили, а литературная (работа души) – тем более.

Без дружеских, можно сказать, родственных чувств к автору переводчик не сможет найти, услышать мелодию «струн души» поэта, как выразился однажды его друг и соратник Батожаргал Гармажапов, – не сможет выразить его чувства, не сможет смотреть на мир его глазами.

По признанию Бориса Макарова, когда он работает над переводом стихотворений бурятских поэтов, ему кажется, что воочию видит своих друзей, соавторов, соратников по перу.

...Арсалан Жамбалович Жамбалон. Ветеран Великой Отечественной войны. Бакша (учитель, наставник), несколько десятилетий возглавлявший литературное объединение Аги, давшее путёвку в большую литературу не одному талантливому поэту и прозаику. Народный поэт Бурятии. Человек, имеющий добрый десяток почётных званий, множество государственных боевых и трудовых наград. На книжных полках забайкальцев около четырёх десятков прозаических и поэтических книг заслуженного работника культуры РФ, почётного гражданина Забайкальского края А. Ж. Жамбалона. Арсалан Жамбалович – пример беспредельной честности, доброты, принципиальности.

...Светлый, солнечный человек, талантливая поэтесса и журналист, нежная, заботливая мать Хандажап Будаева. Стихи её – тонкая, чуточку загадочная вязь восточного орнамента. Основная черта Хандажап – любовь к людям и вера в людей.

Доброй, светлой памяти заслуживает композитор, поэт и художник Дагба Ринчинов.

Много и результативно работает поэт Батожаргал Гармажапов.

Забайкальские русскоязычные поэты щедро отдавали и отдают свои силы, своё дорогое для каждого писателя время переводческой работе. Любители и ценители поэзии хорошо знакомы со стихами бурятских поэтов в переводах Б. Макарова, Н. Савостина, Р. Филиппова,

В. Никонова, Г. Граубина, М. Вишнякова, А. Никонова и др. Высокой оценки заслуживает переводческая работа В. Балдоржиева, прекрасно владеющего как русским, так и бурятским языками.

Геннадий Богданов, член Союза писателей России

АРСАЛАН ЖАМБАЛОН (1924 – 2011)

ПРИЗНАНИЕ

Родная степь,
Прошу тебя, поверь,
Я не забыл ни трав твоих,
ни неба.
Для степняков моя открыта дверь.
Для друга хватит и тепла, и хлеба.
В моей душе горят твои огни.
От них бегут усталость, зло и серость.
И я сегодня, как в былые дни,
К тебе горячим припадаю сердцем.
Спасибо, степь,
За ласку и любовь,
За нежное дыхание рассвета,
За то, что ты ковром цветочным вновь
Ложишься в ноги твоему поэту.
За то, что ты, мне душу исцеля
От всех утрат, обид и огорчений,
Качаешь на метёлках ковыля
Бубенчики из птичьих песнопений.
И я, как прежде,
Снова жажду встреч
С простором, ветром солнечным омытым,
С горячим словом, острым, словно меч,
С людьми, чьи души радости открыты.
Степь – родина,
Безудержно горжусь,
Что мне судьба так щедро отпустила
Степную радость и степную грусть,
Степную стойкость

И степную силу,
Что с детских лет
С водой из родников
В меня вливались,
Как земные соки,
И прямота, и щедрость степняков,
И жажда целей
Светлых и высоких.
Степь, жизнь моя, дыхание моё,
Я с гордостью смотрю
В твой день грядущий.
Гул проводов над пашней и жнивьем
Восторгом юным наполняет душу.
Огни, огни, куда ни погляди,
От них в озёрах ночью звёздам тесно.
И бродят с новой силою в груди
Слова и звуки самых лучших песен.

ОТЧИЙ КРАЙ

Красавцем называется недаром
Наш сотни раз в стихах воспетый край.
Взгляну на север – купола Кодара.
Взгляну на юг – волшебный Алханай.
Степняк извечный, я люблю просторы
Лугов безбрежных, топот табунов
И у костров приветных разговоры
Немногословных мудрых чабанов.
К огню присядешь
И рукой погладишь
Метёлку золотого ковыля,
На небо взглянешь
И невольно скажешь:
– Благословенна отчая земля!

БАТОЖАРГАЛ ГАРМАЖАПОВ (род в 1950 г.)

Степь, для меня ты не просто
 земля без границы,
Посвист метели, плывущая в зное пыльца.
Вся ты – от крохи-травинки
 до светлой зарницы –
Доля моя от рождения и до конца.
В солнышке ты – и тепло согревает мне
 сердце.

Хиус безумствует –
 труден и долог мой путь.
Родина-степь, в доброту твою вечную верю
Даже тогда, когда ветер вонзается в грудь.
Степь моя, люди твои – мои братья и судьи.
Как я мечтаю им сердце и песни отдать!
Слово поэта, твой взлёт и прекрасен,
 и труден,
Не позволяй мне тебя беспричинно сказать!

ПЕСНЯ

В степи июльская жара.
Нелёгкок дальний путь.
И отдохнуть уже пора,
Но негде отдохнуть.
Ни тени кустика кругом,
Ни капельки воды.
Лишь коршун в небе голубом –
Знамение беды.
Шуршит пожухлая трава,
Скрипят солончаки.
Все реже бодрые слова,
Весомей рюкзаки.
Но вдруг – коротенький хлопок,
И, презирая зной,

Малышка-птаха, как цветок,
Раскрылась над землей.
И песня звонкая дождём
Рассыпалась вокруг.
Я выдохнул:
– Теперь дойдём!
– Дойдём! – ответил друг.

Степь моя,
Мать моя седоволосая,
Вот и окончилась
Долгая наша разлука.
Снова люблюсь я
Звонкими вешними росами,
В речки твои
Окунаю усталые руки.
Как хорошо,
Как легко мне поётся
и дышится!
Сердце усталое бьётся
Спокойно, как прежде.
Теплые травы
Под солнечным ветром
колышутся.
Дверь нараспашку!
Я вновь доверяю надежде!

Степные просторы в белесой пыли.
Расплавленный воздух плывёт и дрожит.
И в этом раздолье, и в этой теплыни
Звенит жаворонок от радости жить.
Но выше его распластался угрюмо
Нахохленный ястреб – коварный злодей.
И глядя на птиц, я невольно подумал:

Не так ли бывает у нас, у людей.
Один запоёт, а второй уже точит
И когти, и клюв, собираясь в налёт.

Но сердце в недоброе верить не хочет.
Но сердце степным жаворонком поёт.

ДАГБА РИНЧИНОВ (1934 – 2007)

У ОЗЕРА ТОРЕЙ

В бесконечной жаре,
В белой ровной степи
Расплеснулся Торей
У меня на пути.
Чаек звонкий полёт
Над зеркальной водой...
...Входят в сердце моё
Чистота и покой.

ХАНДАЖАП БУДАЕВА (род. в 1959 г.)

ЛИВЕНЬ В СТЕПИ

Нахмурилось небо.
Из тучи упругой
Ударили струи
Шипящей воды.
И маки степные
Легли друг на друга,
Стараясь друг друга
Спасти от беды.
Стою.
Не успела
Укрыться от ливня.
Зелёные молнии
Пляшут во мгле.
И всё же себя ощущаю счастливой

На этой
Летящей сквозь ливень
Земле.
Я знаю,
Что солнышко
Тучи разгонит,
И снова цветами
Покроется степь,
И будут весёлые
Птицы трезвонить,
О радости жить
И о радости петь.

Перевод с бурятского Бориса Макарова

ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ МИХАЙЛОВ (1941 – 1990)

Публиковаться Виктор Николаевич Михайлов начал поздно. Его первые переводы (стихи латиноамериканских авторов) появились в печати только в 1978 году. Но уже вскоре – после переводов испанских поэтов Франсиско де Кеведо (1980) и Мигеля де Унамуну (1981) в литературных кругах Ленинграда о Михайлове заговорили как об одном из самых значительных переводчиков испаноязычной литературы. Вместе с тем его имя в печати появлялось нечасто. Дело в том, что Виктор Михайлов был чрезвычайно требователен к себе как к литератору, а помимо этого – весьма неохотно соглашался работать «на заказ». Ему доставляло несомненное удовольствие переводить то, что хотел, тех авторов, кого любил (это, прежде всего, Унамуно и Хименес). А опубликуют его переводы или нет, Михайлова не очень-то и волновало. Он придерживался правила: важнее всего – сделать!

Когда Виктор Михайлов умер, выяснилось: большая часть переведённого им осталась неизвестной читателю. Уже после его смерти появился ряд переводов Михайлова в различных антологиях – от поэтов испанского Возрождения до испанских и латиноамериканских поэтов XX века.

Пусть настоящая подборка станет данью памяти замечательного ленинградского литератора Виктора Михайлова.

Виктор Андреев

ХУАН РАМОН ХИМЕНЕС (1881 – 1958)

Все вечерние тропы
ночью стали одной.
По ней я иду к тебе,
любовь, столь желанная мной.
По ней я иду к тебе,
словно закат от холмов,
словно ветер с морей,
словно запах цветов.

ГОРЬКО-НЕЖНАЯ ПЕСНЯ

Капелька солнца,
сад струит-изливает свет и любовь.
Капелька солнца,
глаза мои изливают в плаче свет и любовь!

АПРЕЛЬ

(День и Роберт Браунинг)

– Щегол на тополе.
– И что ещё?
– Тополь в лазурном небе.
– И что ещё?
– Лазурное небо в озере.
– И что ещё?
– Озеро в новорождённом листе.
– И что ещё?
– Новорождённый лист в розе.
– И что ещё?
– Роза в сердце моём.
– И что ещё?
– Мое сердце в твоём!

Ночью золото —
серебром.
Серебро меняет златое молчание
в сердце моём.

Правда. Она была
настолько ложью, что и вовеки
не сделается возможной.

Ты рядом.
Но, думая о тебе,
я о тебе забываю.

Книга, — и дни и ночи с ней
всюду быть
в одиночестве.

Белое облако,
сломанное крыло — чьё? —
что долететь не может — куда?

Одиночество, и птица на ветке;
одиночество, и шум воды в канале;
одиночество, и ветер гонит тучи;
одиночество, и весь мир с нами;
одиночество, и ты со мной рядом?

ПЕСНЯ

Роза, вся осень —
твой лепесток
на пожухлой траве.

Дева, вся боль —
капля крови
твоей.

Ранним утром селенье —
в небесной влаге, во влажном
забвенье прошедших веков.

А солнце вновь возвращает
нас в это столетье, где мир нам не нов.

Как ни мучительна жажда —
но... да пребудет чаша
пустой!

Близилась ночь, догорали
заходящего солнца лучи;
я шёл и думал о смерти,
что однажды нас разлучит.

ЭПИТАФИЯ СЕБЕ, ЖИВОМУ

Умер во сне.
В жизни воскрес.

Перевод с испанского Виктора Михайлова

ТАТЬЯНА БЕРФОРД

ДЖОВАННИ ПАСКОЛИ (1855 – 1912)

РАДОСТИ

Небольшой цикл «Радости» входит в первую и наиболее известную книгу выдающегося итальянского поэта-символиста Джованни Пасколи «Тамариски» (1891), где образует пару с циклом «Печали», который следует непосредственно за ним.

Этот цикл и необычен для Пасколи, и одновременно типичен для него. Необычен преобладанием светлых настроений и образов, а также практически полным отсутствием темы смерти, играющей в творчестве поэта важную роль. Типичен же характерным «детским» мироощущением и тонкой обрисовкой окружающей действительности, словно увиденной глазами ребёнка: вечер, спускающийся на землю, предстаёт добрым священником (I), нищий, расположившийся на ночлег под открытым небом, кажется волшебником (III), сияющая дорожка на ночном море – мостом в иные миры (IV).

Специального упоминания заслуживает строение цикла. Он включает в себя три редчайших примера малого сонета с хвостом (I, III и V), две сицилианы (II и VIII), а также три излюбленных пасколианских восьмистишия, состоящие из четверостишия с перекрёстной рифмовкой и пары двустиший (IV, VI и VII). В чередовании этих трёх форм просматривается изысканная логика.

Так, первый сонет является своеобразным вступлением, задающим тон всему циклу. В нём прослеживаются мотивы, восходящие к Св. Франциску Ассизскому (радостное приятие мира и благословение всего живого).

Основной раздел заключён в «рамку» из двух сицилианских октав, рисующих трогательно-целомудренные девичьи образы: девушку-невесту, шьющую свадебный наряд, и юных прях, мечтающих о любви. Своеобразной же кульминацией цикла становятся два парных стихотворения (VI и VII), которые представляют собой поэтическую обработку загадок, посвящённых письму и чтению, – то есть родному языку. Первое из них («Маленький пахарь») перекликается со знаменитой веронской загадкой, считающейся самым ранним письменным образцом *volgare*: *Se pareba boves, alba pratalia araba et albo versorio teneba, et negro semen seminaba* («Гонит он перед собой быков, пашет белые поля и ведёт белый плуг, и сеет чёрное семя»). Однако эта маргиналия в веронском манускрипте (*codice LXXXIX*), который датируется концом VIII-началом IX веков, была обнаружена лишь в 1924 го-

ду, через двенадцать лет после смерти Пасколи. По-видимому, источником для поэта послужили какие-то её фольклорные аналоги, которые он слышал в своём деревенском детстве. Подобного рода загадки существуют у многих народов Европы; русскую версию находим у В. И. Даля: «Поле бело, семя чёрно, кто его сеет, тот понимает». В свою стихотворную обработку загадки, посвящённой процессу письма, Пасколи вводит два дополнительных образа: образ грома (символ грядущих жизненных бурь?) и образ змеи. Последний не только соотносится с письменными буквами, но и апеллирует к старинному – идущему ещё от орфиков – символу Времени.

Перевод цикла на русский язык вызвал немало сложностей разного рода. Прежде всего, они связаны с ускользающе зыбкими, типично символистскими образами и ситуациями, передать которые в рамках усложнённых твёрдых форм без потери качества собственно поэтического языка оказалось очень непросто. Кое-где вынужденно даётся толковательный перевод. В русских версиях малых сонетов с хвостом пришлось немного пожертвовать точностью формы: катрены имеют четыре рифмы вместо двух. В противном случае из-за укороченной строки, свойственной этому сонету, перевод значительно удалялся от вербального ряда оригинала. Наконец, романьольскую идиому *ridere con gli angeli* («смеяться с ангелами») в значении «смеяться без причины», которая появляется во втором стихотворении и частично вынесена в его заголовок, также пришлось передать условно, поскольку русских аналогов для неё не нашлось.

I

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Из незнаемого края
вечер – пастырь терпеливый –
к нам бредёт, благословляя
всех и вся неторопливо.

Всех и вся в пути стремится
поприветствовать монашек –
и сорняк в густой пшенице,
и змею среди ромашек.

щеголяет маг учёный
среди брюзжания лягушек.

Подымается – напиться
по соседству, у фонтана;
и, вино воображая,

возвращается, ложится,
заклиная непрестанно
дали, где луна большая,
украшая

звёздотканый балдахин,
бережёт покой руин.

IV

МОРЕ

В окно гляжу – за ним простёрлось море:
вдали сияют звёзды, волны плещут.
Пучина бездне вторит на просторе:
блеснёт звезда – и воды затрепещут.

Вздохнут волна и ветер чередой –
засеребрится мостик над водой.

О мост хрустальный, что с лагуной дружен,
куда ведёшь ты, для чего ты нужен?

V

ПЕРЕД СНОМ

Голоса тихи́ и кротки,
гул молитвы – голос улья.
Наконец устали чётки...
«Сказку расскажи, бабуля!»

И старушка забормочет:
«Как из замка возле леса
(Не гроза ли там грохочет?)
погулять пошла принцесса...»

Вот звезда, за ней другая
в синей дали серебрится.
Всё идёт себе девица...

Голова на грудь клонится,
двое спят... А там — у края
грёз — куда-то вдаль шагая
да шагая,

длится сказка, где Морфей
всех ведёт в объятья фей.

VI

МАЛЕНЬКИЙ ПАХАРЬ

Выводит буквы... (бабушка довольна!)
Рукой неспешной лемех направляет —
на поле, что раскинулось привольно,
чернильную полосу оставляет.

Зимой он сеет; плотную стеной
посевы те поднимутся весной...

И даль гудит от мартовского грома,
и змейка выползает из укрома.

VII

МАЛЕНЬКИЙ ЖНЕЦ

Читает вслух... (вот бабушке отрада!)
Черны ряды колосьев, поле бело;
от ровных строк не отрывает взгляда —
колосья жнёт радиво и умело.

Срезает – но ни колос не поляжет;
срезает – и в снопы зубами вяжет.

И говорят снопы, представ словами, –
как с вами мы. Но лучше, чем мы с вами.

VIII

НОЧЬ

Девушки-пряжи за прялки присели прилежно,
на золотых волосах – от лампад позолота.

Чёрные очи блестят и как будто небрежно
в окна косятся, из тьмы поджидая кого-то.

Ждут ли они кавалеров, бредущих неспешно
в гулкой ночи на свою удалую работу?

И про сердечные тайны болтают безгрешно.
И умолкают, лишь утро заглянет в ворота.

Перевод с итальянского Татьяны Берфорд

АНДРЕЙ САПЁЛКИН

ЕГИПЕТ В РОМАНТИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ

Интересом к Египту европейская культура XIX века обязана т. н. «египетскому походу» Наполеона Бонапарта, предпринятому в 1798 году. Этот поход вместе с рядом других, осуществленных позже, открыл Европе древнеегипетскую цивилизацию. Конечно, Древний Египет был известен в Европе и прежде – в частности, благодаря античной истории и царице Клеопатре, но это был Египет, скорее, воображаемый, нежели реальный: условная экзотическая страна, больше известная по названию, чем по реалиям. Начавшаяся вскоре после наполеоновского «египетского похода» европейская колониальная экспансия на Ближний Восток и Северную Африку породила моду на всё восточное, что в искусстве выразилось в появлении нового течения – ориентализма. И в изобразительном искусстве, и в литературе Восток

в целом и Египет в частности представлены как далёкие края, полные тайн, загадок и утончённого эротизма, как экзотические страны с пышными пейзажами, изобилующими яркими, сочными красками, но при этом сонными, застывшими в своем развитии, живущими по традициям и обычаям далёкого прошлого. Показательно в этом плане развёрнутое, состоящее из одиннадцати частей стихотворение Виктора Гюго «Небесный огонь» из цикла «Восточные мотивы» (1829); четвертая часть стихотворения посвящена именно Египту. В своём произведении Гюго, никогда не бывавший на Востоке, рисует типично романтическую картину Египта – способную, скорее, удивить, поскольку она никак не вяжется с традиционным представлением о Египте как стране пустынь. Расчёт делается, скорее, на неискушённого читателя, которому красочные картины «необъятных жит» и «цветной ковёр полей и нив» должны показаться более привлекательными, нежели опалённая солнцем безжизненная равнина знойных песков. Создаваемый Гюго Восток – во многом плод его воображения, но он представляется читающему вполне достоверным, благодаря тому, что поэт вводит в повествование реальные детали, создающие нужный «местный колорит». Таков и Египет в стихотворении «Небесный огонь», в поэтическую ткань которого поэт, рисуя фантастические картины сказочной страны, «встраивает» реальные памятники далёкой древности – в частности, пирамиды, без которых Египет просто немыслим. Многие из написанного поэтом далеко не во всём соответствует действительности: в частности, грани пирамид – «рукотворных гор» – были облицованы не мрамором, а отполированными плитами из белого известняка, а сфинкс, о котором говорится в третьей строфе, сделан из монолитной известковой скалы, а не из красного гранита. Однако для Гюго главное – не географическая и археологическая достоверность, а чувства, которые вызывает в нём созерцание действительности, столь отличной от той, в которой живёт он сам. Примечательно, что мир, который описывает Гюго, – это мир живой, деятельный, полный сил, который продолжает жить и действовать по законам, установленным много тысячелетий назад. По-прежнему стоят на страже пирамид загадочный сфинкс и некое «божество из зелёного мрамора», которых даже песчаная буря не заставит закрыть глаз. Всё так же плывут по Нилу суда, устремляясь к «большому порту» в «гигантском городе» (имеется в виду Каир). Двумя выразительными деталями – определением «гигантский» и симфорой «город моет в реке стопы» – Гюго выражает идею доминирования города над рекою, и, благодаря этому, размеры первого представляются читающему просто исполинскими. Пышные романтические метафоры («царица звёзд» – солнце; «шар золотой» – луна, они же вместе – «два царственных све-

тила») и изысканные симфоры («луна, купающаяся в море», «светила, веками совершавшие свой ход») вкупе с необычными красками окружающего пейзажа («красные небеса», «алые воды») призваны создать картину роскошной декоративности и представляют собою открытую «установку» на экзотизм. Ориентализм здесь присутствует во всей своей полноте, но это ориентализм, пропущенный сквозь призму романтизма: не интимно-чувственный, а открыто восторженный, не утонченно-истомный, а откровенно экзальтированный.

Ориентализм в чистом виде проступает в творчестве поэтов следующих поколений, которые продолжали традиции романтизма, хотя и относились к эпохе уже постромантической. К ним принадлежит, в частности, Арман Рено (1836–1895), в наше время совершенно забытый. Выпущенный им в 1870 году сборник «Персидские ночи» (*Nuits persanes*) содержит чарующие образцы ориентальной лирики, одним из которых является стихотворение «На Ниле». В нём нет авторского «я» и сторонней оценки окружающей действительности. Любовная миниатюра, отодвинутая на задний план, растворена в пленительном египетском пейзаже, фантастичность которого подчеркивается наличием целых «двух рядов сфинксов», расположенных по обоим берегам Нила (в действительности сфинкс один и с Нила он не виден). Окружающая красота столь очевидна, что не требует какого-либо дополнительного авторского комментария – читатель воспринимает её напрямую, благодаря искусно нарисованной поэтом картине.

ВИКТОР ГЮГО (1798 – 1865)

ОГОНЬ НЕБЕСНЫЙ

IV

Египет! Весь он бел от необъятных жит;
Кругом полей и нив цветной ковёр лежит,
Где клонит стебель колос спелый.
В песках горячих юг, а с севера – простор
Холодных вод морских; он широко простёр
Меж этих двух стихий пределы.

Трёх рукотворных гор громады вознеслись;
Их скатов в три угла уходит мрамор вниз,
Скрываясь в плотном слое пыли.
От острых их вершин до золотых песков
Всё ширясь, их размер становится таков,
Что будет кругом больше мили.

Гранитный красный сфинкс и мраморный божок
Их стерегут, и вихрь, взметающий песок,
Очей им зорких не закроет;
По глади вод плывут суда издалека,
И город-великан, что обняла река,
Стопы в ней каменные моет.

Убийственный самум пустыни жар родит,
Ужасный крокодил, чей страшен самый вид,
Ползёт, чтоб в мутный ил зарыться,
Там обелисков строй верхушки ввысь вознёс.
Как шкура тигра Нил, чьих островных полос
По жёлтым водам сеть змеится...

Царица звёзд зашла. Приют ветров затих.
Шар золотой в волнах купается морских.
О мир, нам свет и душу давший!
И в красных небесах, и в лоне алых вод
Двух царственных светил зрим неизменный ход,
Свой круг веками совершавший.

АРМАН РЕНО (1836 – 1895)

НА НИЛЕ

На глади бледных нильских вод играют
Алмазы ярких звёзд ночных,
В два ряда сфинксы с берегов взирают
На чёлн, скользящий мимо них.

Мой друг глядит влюблёнными глазами,
Облокотившись о корму,
Я, голову закинув, волосами
Колени обвила ему.

И сфинксы в глубине песков без края
Не сводят с нашей лодки глаз
И, вразнобой гармонию сплетая,
Её любовью льют на нас.

Под шорох камыша, в челне свободно
По водам Нила мы скользим,
И пенье сфинксов, скрытых тьмой, подобно
Звучанью арф, что вторят им.

Перевод с французского Андрея Сапёлкина

ПЕТРОВЦИЙ ИВАН ЮРЬЕВИЧ (род. в 1945 г.)

Русинский и украинский писатель, поэт, переводчик и общественный деятель. Петровций родился 22 мая 1945 года в селе Осой Иршавского района Закарпатской области. Окончил школу в Ильнице. Был грузчиком, разнорабочим, шахтером в Краснодоне, шофёром, токарем. Служил в советской армии в Дрездене. В 1973 году окончил Ужгородский университет по специальности «французская филология». Работал учителем в родном селе, а потом – журналистом. Написал и опубликовал много книг на русинском и украинском языках. Иван Петровций – переводчик с венгерского, французского, русского, украинского языков. Переводил Пушкина и Бодлера, Петефи и Франко, Баллу и Гюго. Труд Петровция отмечен наградами. Он – лауреат премии имени Дюлы Ийеша Венгерского Союза писателей (1994), болгарской премии за лучшую сатиру «Хитрый Пётр» (1997), Международной премии за русинскую литературу имени Александра Духновича (1998), лауреат Русской премии (2005), газета «Ruthenia» признала Ивана Петровция лучшим закарпатским писателем постсоветского периода.

СПИВАНКА ПРО СОЛОНИНУ

Один приятель любит буженину,
Другой за окорок продаст родимый дом...
А я люблю одну лишь солонину,
Что луком сдобрена, а лучше – чесноком!

Мой тятка обезумел от картошки –
Варёной, жареной, печённой на золе...
А мне не надо этого ни крошки –
Была бы солонина на столе!

Моя жена рассыплется за рыбку:
Речную ль, с моря ли – вот дура, вам скажу!
А я себе отрежу хлеба скибку,
Да сверху солонину положу!

Так – дома, а зовут на именины,
Не в лакомство мне зелец с токаном,
Ведь я люблю одну лишь солонину,
Да с луком чтоб, а лучше с чесноком!

Без хлеба целый день могу бывать я,
Без солонины – не живу полдня!
И никого нигде не мог назвать я
Паскудной фразой «Жирная свинья!»

В любви признаюсь дикой и домашней,
И кабану – он славно вислоух!
Едва его узрю в лесу за пашней,
Готов пред ним я снять свой капелюх!

Когда свинью по осени заколют,
Там солонины – в палец, или – в два!
Порежут, чесноком натрут, засолят,
На балку вывешат до Рождества...

Какое счастье в зимнюю годину
Отрезать шмат от тонкого конца,
Где шкурка золотом покрыла солонину,
А в центре круг бордового мяса.

А солониночка – как солнце светит,
Хоть просто ешь, а хочешь – губы мажь!
Подобный вкус искать на белом свете,
Как и блаженство, – редкостная блажь!

Отец картошку любит, жинка – рыбку,
А дочка – кукурузу с молоком.
А я тихонечко отрежу скибку,
И с луком ем, а после – с чесноком!

Про солонину песни распеваю,
И даже сказки расскажу кой-как,
На целом свете ничего не знаю,
Чтобы оно такой имело смак!

Так было в прошлом. Так же стало ныне.
Так будет в каждом приходящем дне.
Доколе быть на свиньях солонине,
Я не увижу свинского в свинье!

Перевод с русинского Ивана Белокрылова

РАМИС АЙМЕТОВ (род. в 1968 г.)

В этом выпуске мы продолжаем публикацию стихотворений современного татарского поэта Рамиса Айметова¹ в переводе Николая Переяслова. Лирика автора привлекает великолепными пейзажными зарисовками, пронзительным, зачастую трагическим осознанием сложности жизненных перипетий, непередаваемой грустью одиночества, так свойственной самобытным поэтам.

¹См. научно-художественный журнал «Переводчик» № 14, 2014, СС. 31–39.

МОЛЬБА

Верни меня в исчезнувшие дни,
жизнь поверни, дробя судьбу на части.
В щемящих муках сердце обмани,
взгляд опалив огнём бывшего счастья.

Сжигай меня в ушедшей прочь любви,
отдавшись в руки беспощадной власти!
Пусть хотя искра вспыхнула б в крови,
грудь одарив сиянием прошлой страсти.

Когда б дано услышать было мне
заветный шёпот меж пером с тетрадкой,
то не терзало б ночью в тишине,
со мной играя прошлое украдкой.

Не раз хотелось мне махнуть рукой
на мир, зовущий за любовь сражаться,
но под свистящей злобною пургой
дубы – и те не могут удержаться!

Как дуб такой же – рухну я в обрыв,
окутав крону своих листьев пылью.
...А мои корни, над землёю взмыв,
увидят высь – и обретают крылья...

СКОЛЬКО ЖИТЬ СУЖДЕНО МНЕ

Полететь бы – да крылья обрезали мне,
каплют с крыльев кровавые капли.
Я тянусь к цветам синих небес в вышине,
а меня давит боль, будто камни.

Я смотрю в небеса... Ах, бездонный простор!
В этих далях для песен нет края.
Лишь бы только найти тот родной кособок,
над которым струится свет рая.

Кровь с крыла тихо льётся...
Ну, а кто-то – смеётся.

Не из детства ли следом за мной облака
прилетают, шепча сладко речи,
и, меня отыскав взглядом издалека,
мне садятся тихонько на плечи?

Я в мечтах вслед за диких гусей косяком
убегу из мест горя и боли,
как когда-то бежал по земле босиком,
догоняя тень крыльев по полю.

Кровь с крыла тихо льётся...
Ну, а кто-то – смеётся.

Тучи капают с неба дождями из дыр,
в сердце тысячи молний сверкает.
Хоть в крови мои крылья, но дан мне весь мир,
где повсюду мой дух обитает.

Я живу. И давно уже Бог мне предрёк,
сколько жить суждено мне по праву,
чтобы был мне на свете родным и росток,
и листок, и цветок, и все травы...

Кровь с крыла тихо льётся...
Ну, а кто-то – смеётся.

НА ТВОЙ УХОД

Ты, как весна, в судьбу мою вошла,
и, словно осень, из неё уходишь.
Разлука болью сердце обожгла,
только любви ушедшей – не воротишь.

Стирает память прошлые слова,
страницы дней минувших вырывая.

А впереди – клубится синева,
твой след густым туманом покрывая.

Ты, словно осень, покидая сад,
листок последний вознесла, как знамя.
А мою грудь – сжигает, точно ад,
осин осенних яростное пламя.

Как на огнём объятom этаже,
в моей душе – горят любви мгновенья.
И каждое мгновение – уже! –
священного достойно поклоненья.

Мне нет забвенья и в объятых сна,
а жизнь тоску так долго не уносит!..
...Ты в мою жизнь – ворвалась, как весна.
А из неё уходишь – точно осень.

ОТ-ЧУЖ-ДЁННОСТЬ

Я стал для близких – как ЧУЖак,
чье место – только угол.
Мол, все чисты, а твой пиджак –
грязнее грязных пугал!

Они садятся за столом
и вторят, глядя ЧУЖдо:
мол, с переломанным крылом –
тебя замучат нужды.

Они ведут меня к черте,
шутя непринуждённо,
что, мол, в тщете и в нищете
жить лучше – отЧУЖдённо.

Как в ЧУЖедалей стороне,
живу один в квартире.

И стынет мир ЧУЖой во мне,
и ЧУЖдо мне в том мире.

Кругом – ЧУЖбина. Не могу
уснуть в ночи глубокой.
Душа застыла на лугу
пиЧУЖкой одинокой.

Видать, судьба идёт ко мне,
свершая путь окружный.
И, как жемЧУЖина на дне,
Лежу я, всем ненужный.

Пью отЧУЖДения вино,
спиваясь, как пьянЧУЖка.
Шепну в конце, словно в кино:
«Эх, коротка кольЧУЖка!..»

«Я – ЗДЕ-Е-Е-ЕСЬ!..»

Я кричу, что есть мочи: «Я zde-e-e-есь!..» –
Но безмолвны мои небеса.
Видно, правит судьбой моей бес,
если солон мой мир, как слеза.

Нет ни звёзд надо мной, ни луны.
Кто-то солнце убрал с неба прочь.
Ну зачем эти ночи длинные,
будто в сутках – одна только Ночь?!

Даль темна, как могила, где смерть
поджидает во тьме простаков.
Я, как птица, попавшая в сеть,
рвусь на волю из тесных силков.

Кто-то шёл же вот здесь до меня,
раздвигая судьбу, словно лес?

До сих пор ещё тает, звеня,
вдалеке его голос: «Я zde-е-е-есь!..»

До сих пор он во мраке кричит,
потеряв своей жизни причал...
Или, может – то просто звучит
эхо слов, что я сам прокричал?

SOS

Тянусь рукой. Хочу спасти её.
Спеша, дрожа, собой не дорожа...
Кричит над чёрной бездной вороньё –
над Истиной, как лебедем, кружа.

Я к ней бегу. Я должен так спешить...
Но хочет ли спастись она сама?..
Ей в этом чёрном омуте – не жить,
груз клеветы сведёт её с ума!

«Держись за руку! – говорю ей я. –
Да поскорее убегаем прочь!..»
...Но налетают тучи воронья,
и я ничем ей не могу помочь...

* * *

В грядущем – мрак. А в прошлом – тёмный лес.
Душа не в силах взмыть, сломав крыло.
И возвещают ангелы с небес,
что время Страшных Сроков подошло.

Ещё чуть-чуть – и Рок нас поведёт
туда, где холод выжег все цветы.
Кто нас там встретит?
Что нас дальше ждёт?
Великий Омут Вечной Пустоты...

ПРАЗДНИК ПЕРВЫХ ЛУЖ

Дождь хлынул с неба, грянув напоказ,
ведя под руку ночь с собой на землю.
И распахнулось столько лужиц-глаз,
что те в восторге обмирали, внемя!

Душа неслась от счастья в небосвод.
Едва касались ноги мокрой почвы.
Вокруг меня – мир празднично поёт,
и отражает в лужах блики ночи.

Вокруг меня – мир празднично поёт,
душа ликует, ни о чём не тужит.
Коль ночь меня вдруг тьмою обернёт –
я вновь себя найду в блестящей луже.

Ночные лужи дарят миру звон,
лежат по миру отражённым следом.
Стекая в них, светлеет небосклон,
судьбе дорогу намечая светом.

Зову с собой – я вас до самых звёзд,
лететь под звук сердечного биенья.
Сегодня всех ведёт на небо мост,
даруя праздник лужиц дня рожденья!

...Ведь ясно всем, что лужи на земле –
возносят миру тихим пеньем оду.
И слышу я, как в полуночной мгле
земля глотает дождевую воду.

Остановлюсь среди застывших вод,
пока их тёплый ветер не осушит...
Коль ночь меня вдруг тьмою обернёт –
я вновь себя найду в блестящей луже...

**ЛИРИКА ФРАНСУА КОППЕ И
АНАТОЛЯ ФРАНСА**

Франсуа Коппе и Анатолий Франс – почти ровесники, а в молодые годы единомышленники и коллеги. Однако в зрелые годы они так далеко разошлись во взглядах, что не встречались и не упоминали друг о друге. Развела их политика: Франс пришёл к социалистическим убеждениям, Коппе сделался националистом и антидрейфусаром.

Литературную карьеру Коппе и Франс вместе начали на страницах знаменитой поэтической антологии «Современный Парнас». Франс после 1873 года навсегда оставил стихотворство. Коппе работал во всех жанрах – писал стихи, стихотворные драмы, прозу. Франс обрёл мировую славу – прижизненную и посмертную – как прозаик, стал лауреатом Нобелевской премии. Коппе, при жизни очень популярный, сразу после кончины был наглухо и надолго забыт.

Стихи Франса и Коппе практически неизвестны современным российским читателям. Предлагаемая небольшая публикация отчасти закрывает эту лакуну.

ФРАНСУА КОППЕ (1842 – 1908)

ФЕВРАЛЬ

– Для птах зима в полях, укрытых
Холодной снежной пеленой,
Страшна; коль Бог не защитит их –
Мы не увидим птиц весной!

– Забудь, подружка, страх напрасный:
Певцам весеннего тепла
Кров безмятежный, безопасный
В земле природа припасла.

Там, тельце к тельцу прижимая
Среди уютной тёплой тьмы,

Крылатые дождутся мая,
Полны надежды, как и мы.

Пусть залетает ветер в щели,
Пусть мал и тесен их приют —
Они любовный гимн апреля
Разучивают и поют.

Я тайну, милая, открою:
Пока тебя не повстречал,
Душа моя была немою,
И разум мертвенно молчал.

День первой встречи был чудесен —
Ты немоту сняла мою.
С тех пор слова любовных песен
Я повторять не устаю.

МАРТ

Ты часто ссоришься со мной.
Сегодня ты не в духе снова.
Стоишь, не говоря ни слова,
И терпишь дождик проливной.

Твоя натура — март беспечный:
С утра жара, под вечер снег.
Я знаю, что недолог век
Случайной ссоры скоротечной.

Похожа ты на воробья,
Забившегося под застреху.
В надутых губках искрой смеха
Улыбка прячется твоя.

Ты взглядом встретила со мною —
Гроза прошла, размолвки нет;

Две птицы воспарили в свет,
Как заповедано весною.

НОЯБРЬ

Пленён зимой, надеждой-лжицей
Сражён – все двери затворя,
Слежу за перелётной птицей
Под серым небом ноября.

Натерпится немало страха,
Но дождь и снег ей нипочём;
Обсохнет вымокшая птаха
Под южным солнечным лучом.

Душа – как птичка-завирушка,
Что в дождь попала первый раз;
Меня согрела бы подружка
Открытым взором милых глаз;

Горька разлука в непогоду,
Жестока мука, словно плеть;
Не в силах я добыть свободу,
Не вправе в небо улететь.

КЛАДБИЩЕНСКИЙ ЮМОР

Беспечен галльский дух: печаль с весельем рядом.
Каштана лепестки, как будто снегопадом,
Накрыли кладбище; лазурны и легки,
Могилу общую пленили васильки;
Вьюнок обвил кресты и позаплёл оградки;
На бюстах – птичий люд в любовной лихорадке;
И, в шляпе набекрень и с тросточкой в руках,
Смотритель кладбища – весёлый вертопрах:
Перчатки натянув, он для жены и дочки
Со свежих холмиков насобирает цветочки.

ЗОЛОТОЕ КОЛЬЦО

Персидский шах, свершая длинный
Путь по окраинам страны,
В лесу увидел кедр старинный
Невероятной толщины.

Вокруг ствола кольцо златое
По воле шаха мастера
Сковали – пусть живёт в покое,
Не опасаясь топора.

Я прожил долго, видел много –
Но встретить не пришлось верней
Сердечка, что по воле Бога
Легко стучит в груди твоей.

Я одержим мечтой желанной:
На счастье или на беду –
Твой тонкий палец безымянный
Кольцом заветным обведу.

ПОЗДНЯЯ ЛЮБОВЬ

Сколь многих я любил в минувшие года,
И верил каждый раз, что чувство – навсегда;
Лишь с возрастом, увы, усвоил ум усталый:
Обманывался я и был наивный малый –
Юнец, в весенний день желанием объят,
Признанья расточал и клялся невпопад.
Ни разу не любить? Влюбляться без оглядки?
Счастливец, кто нашёл решение загадки!
Когда нас посетит любовь на склоне лет,
Былого трепета с её приходом нет –
Ни пыла прежнего, ни страстного горенья,
На сердце холодок, преследуют сомненья...
Что было, не вернуть – мне бесконечно жаль:
Любови прежних дней, их радость и печаль.

Перелагал в стихи и поверял их людям...
Мечтателя того помянем и забудем.
Ты выбрала меня – знай: доля нелегка!
Опора ли – моя усталая рука?
Ты, заглянув в глаза, покорностью неволишь,
И говоришь: «Позволь любить тебя всего лишь!»,
С полураскрытых губ летит любовный зов;
И я смиряюсь, хоть смириться не готов,
Тебя целую в лоб спокойно и небрежно,
А сердце не молчит, колотится мятежно;
Оно – не ходики, чей кончится завод
В тот час, как во дворце наследный принц умрёт.
Страдаю оттого, что не собрался с силой
Взаимностью воздать привязанности милой!
Ты любишь – я сдаюсь; усталость позади;
Склонись, к моей груди щекою припади –
Ты слышишь сердца стук, уверенно звучащий,
Сначала медленно, но с каждым днём всё чаще?
Изгнанником я был, что одержим одной
Надеждою – скорей вернуться в край родной.
Душой заледенев на холоде осеннем,
Лишь верности твоей обязан я спасеньем!
Покрепче обними, не отпускай меня,
Согреемся волной любовного огня –
Он снова запылал от твоего дыханья!
В нём счастье моё и смысл существования;
О, я ещё поэт, я ожил от тепла –
Сокровища любви, что ты преподнесла!
Последняя любовь дарована судьбою,
И пламя очага мы сохраним с тобою –
Так бедный рудокоп во мраке рудника
Свой факел бережёт от злого сквозняка!

АНАТОЛЬ ФРАНС (1844 – 1924)

СМЕРТЬ СТРЕКОЗЫ

Спит ива над прудом, небрежно окуная
Листву в тягучий ил; кувшинки, словно снег;
Молчит, оцепенев, вся нечисть водяная;
Лишь бойких паучков заметен резвый бег.

Но, трепетно паря над сонной гладью косной,
Где жизнь безрадостна, почти полумертва,
Впивая тельцем свет, омывшись влагой росной,
Роятся хрупкие живые существа.

Девушки тихих вод – как в шутку называют
Чарующих стрекоз, чья стройность так легка –
Резвятся на лету, порхают и взмывают,
И густо мельтешат над чащей тростника.

Вдруг подбежал малыш, и ловко, без усилий –
Азартом обуян при виде блеска крыл –
Просунул свой сачок меж ирисов и лилий,
И сеткой стрекозу беспечную накрыл;

Булавкою проткнул её корсаж зелёный –
А раненая тварь, лишённая души,
Плененья не стерпев, рванулась обречённо –
И тихо умирать укрылась в камыши.

На пробковой доске пособием наглядным
Служить для школяров она бы не смогла...
Иссохла в камышах, в забвенье безотрадном,
Предсмертно распахнув огнистые крыла.

ДЕРЕВЬЯ

Стоите вы поврозь или к плечу плечом –
Ваш вид животворит леса, поля и горы;

Безмолвные сыны вечноцветущей Флоры,
Что вскормлены росой и солнечным лучом;

Вам ведома та Страсть, которой исступлённо
Приведены на свет роды и племена,
И ведома любовь, что вам подарена
Дыханием земли – божественного лона.

Влечением, как нам, дана вам плоть – не речь;
И, в день цветения бунтуя в ваших жилах,
Горит смятенный дух, что прежде был не в силах
Восстать, себя найти, из хаоса извлечь.

И вы, стеснённые пределом косной плоти,
Сплетением корней вцепясь в земную твердь,
Жизнь умножаете и прочь тесните смерть –
В том цельность бытия навеки обретёте.

Перевод с французского Андрея Кроткова

АНГЛИЙСКИЕ УЛЫБКИ

Английская литература славится тонким юмором, включающим в себя интеллектуальную игру слов и смыслов. Литературный юмор имеет глубокие фольклорные корни, основанные на давних народных традициях (детские стишки, считалки и загадки, смешные песенки, жанр лимериков и др.). Большинство выдающихся писателей и поэтов Британии отдали ему дань. Всеобщую популярность снискала абсурдистская поэзия нонсенса (Кэрролл, Лир), блестящие стихи для детей (и взрослых) Беллока, Милна и других поэтов. Английский юмор – это черта национального характера. Умение мягко посмеяться над собой и другими органично для англичан. Оно оттачивалось в ходе истории и стало считаться одним из главных достоинств человека. Ведь, как заметил мудрый насмешник Бернард Шоу: «Не забывайте, что юмор – черта богов». В этой подборке представлены юмористические стихи известных английских литераторов и лимерики. Среди них Самюэль Ловер, Роберт Луис Стивенсон, Беатриса Кертис Браун и Элинор Фарджон. Несколько слов об авторах.

Самюэль Ловер – англо-ирландский писатель, создатель песен, романов, композитор, и художник-миниатюрист. Роберт Луис Стивенсон в представлении не нуждается. Нужно только отметить, что в поэзии он считается таким же классиком, как и в прозе. Беатриса Кертис Браун – историческая романистка и детская поэтесса. Элинон Фарджон – известная детская писательница, автор стихов, сказок, рассказов, повестей, притч и текстов песен.

САМЮЭЛЬ ЛОВЕР (1797 – 1868)

РОРИ О'МУР

Наш Рори О'Мур, молодой по летам,
За Кэтлин-красоткой ходил по пятам.
А чтоб она Рори могла оценить,
Любил он немного её подразнить.

– Эй, Рори, попроще будь! – Кэтлин кричит. –
Твой юмор и так уже сильно горчит.
А шутки твои и не в склад, и не в лад,
Меня наизнанку ты вывернуть рад.

– Сокровище, будь справедливой сама,
Меня ты давно уже сводишь с ума.
Такой я, как есть, и других таких нет.
А впрочем, всё к лучшему, – Рори в ответ.

– Возможно, – заметила Кэтлин, – прости.
Я с Майком уже обручилась почти.
Он землю готов целовать, где я шла.
– А мне не земля, а мне Кэтлин мила!

– Ох, Рори-насмешник, поди-ка ты прочь,
И так я проплакала нынче всю ночь.
Тебя ненавижу, уйди с моих глаз,
Тебя мои слёзы смешили не раз.

Но слушает снова слова хитреца:
– Сокровище, слёзы сотру я с лица.

Такой я, как есть, и других таких нет.
А впрочем, всё к лучшему, – Рори в ответ.

– Сокровище, ссориться я не хочу.
Я из-за тебя всех парней колочу,
За здоровье Кэтлин напился вчера.
К священнику нам обращаться пора.

И в щёку целует и в губы опять...
И снова готов он начать целовать.
Такой уж его удивительный нрав.
Кто скажет, что Рори-плутишка неправ?

«Ах, Рори, тебе целоваться не лень,
Меня восемь раз целовал ты за день».
А Рори опять обнимает назло:
«Для счастья нечётное нужно число!»

РОБЕРТ ЛУИС СТИВЕНСОН (1850 – 1894)

Ручей широк и волен
Журчит среди долин.
Поэт им недоволен –
Его замучил сплин.

Взмыл выше колоколен
Весёлый крик грачей.
Он снова недоволен –
Мешает блеск лучей.

Смычок наканифолен –
Пой, лягушачий пруд!
Поэт же подневолен:
Брюзжать – нелёгкий труд.

Он вечно недоволен,
Он всё ругает вслух.

Болезнью модной болен
Такого «барда» дух.

Бродяга обездолен,
Но весел на земле.
«Пиит» всем недоволен
В довольстве и тепле.

Хандрою весь просолен,
Он плачется жене.
Он дома недоволен,
В гостях, в пути, во сне.

Когда ж он, хмур, безволен,
Пришёл в загробный край,
Бог был им недоволен –
И дверь захлопнул в рай!

БЕАТРИСА КЕРТИС БРАУН (1901 – 1974)

ДЖОНАТАН БИНГ

Вот Джонатан, в печку подбросив угля,
Решил, что пора навестить Короля.
Он вышел. И тут закричали друзья:
«Ты – шляпа! К Монарху без шляпы нельзя!»
(К Монарху без шляпы нельзя!)

А Джонатан хмыкнул: «Я шляпу куплю!»
И в гости собрался опять к Королю.
Но строгие стражники крикнули: «Стой!
К Монарху собрался? А галстук где твой?»
(А галстук где твой?)

Тут Джонатан: «Что за проблема?» – сказал
И галстук на шею себе повязал.
Но вновь Короля не увидел живьём.
«В пижаме, – сказали, – нельзя на приём».

От этого Джонатан слишком устал,
И он Королю письмецо написал:
«Простите, прийти не смогу». А в конце:
«Ведь дома-то лучше, чем в лучшем дворце!»

ЭЛИНОР ФАРДЖОН (1881 – 1965)

ДЖЕННИ УАЙТ И ДЖОННИ БЛЭК

Раз Джон и Джен, забыв дела,
Пошли гулять в лесок.
Малину Дженни там нашла,
А Джон угля кусок.

Зимой гадали семь недель:
Что им сулит апрель?
И Дженни услыхала трель,
А Джон слышал дрель.

А где же мир без суеты,
Где тёплый юг без зим?
И Дженни нюхала цветы,
А Джон вдыхал бензин.

Встречались Джон и Джен в саду,
Когда растаял лёд.
Смотрела Дженни на звезду,
А Джон на самолёт.

Но вот, когда с подругой друг
Попали в бурю вдруг,
То крепко за руки взялись
И не разжали рук.

ДВА ЛИМЕРИКА

Из Нигера леди с характером твёрдым
На тигре верхом улыбается гордо.
Пришли через сутки:
А леди в желудке
У тигра – улыбка на морде.

Один старичок, балагур-тамада
Держал двух овечек на кухне всегда:
«Напомнит мне это
Друзей с того света,
Когда их смогу переправить туда».

Перевод с английского Евгении Славороссовой

МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ ЛЕРМОНТОВ (1814 – 1841)

15 октября 2014 года в среде знатоков и ценителей русской словесности особому чествованию подлежал юбилей Михаила Юрьевича Лермонтова. Даже теперь, по прошествии двух столетий, в сфере филологических и культурологических исследований не утихают споры относительно философской и психологической эстетики Лермонтова. До сих пор литературоведы издают монографии в стремлении постичь всю глубину лермонтовского гения. Многогранная и амбивалентная природа творчества Лермонтова не оставляет исследователей равнодушными. И многие исследователи по-прежнему не достигли консенсуса при ответе на вопрос: Кто же он, лермонтовский герой? Самолюблённый и высокомерный обольститель – игрок по жизни, привыкший разбрасываться дамскими сердцами? Горячий патриот-бунтарь, готовый мстить за поправленную честь своей отчизны? Или неприкаянный философ-романтик, жаждущий приюта для своей осиротелой души...

Как бы то ни было, для меня ни лермонтовский герой, ни сам Лермонтов никогда не были хрестоматийными персонажами. В годы

школьного детства мои сверстники учили наизусть стихи Михаила Юрьевича Лермонтова, готовили доклады о его жизненном и творческом пути, создавали костюмированные постановки. И, разумеется, подобная деятельность всегда служила возвышенным целям нравственно-патриотического воспитания. Однако мне всегда было этого мало. Для меня Лермонтов – это не только гений русского слова. Лермонтов для меня – это философия жизни, это техника, это гибкий, индивидуализированный алгоритм чувствования окружающей действительности.

Многие люди, которых мне довелось повстречать на жизненном пути, нередко морщились и с искренним недоумением спрашивали меня: «Как ты можешь любить Печорина?! Ведь он столь скупосердный в любви, иногда создаётся впечатление, что он и сам не знает, чего он хочет – и вообще, способен ли он чего-то желать и любить в этой жизни». На такие и похожие изречения у меня всегда один ответ. Я люблю Печорина, и я люблю Лермонтова, поскольку каждое слово, и каждый поступок этих людей звучат для меня как стон – иногда вопиющий, иногда затихающий, но всегда неизменно вырывающийся из неприкаянной груди, стеснённой под гнётом обстоятельств. Этот стон всегда вырывается – и насколько привольно, насколько свежо дышится, читая лермонтовские строки!¹...

И хотя минуло два столетия, Михаил Юрьевич Лермонтов по-прежнему остаётся на страницах русской истории печатью глубокого страдания и глубокого чувствования, но печать эта до сих пор далеко не для всех стала очевидной.

Екатерина Коржова

БЕЛЕЕТ ПАРУС ОДИНОКИЙ

Forlorn white canvass gleams like garland
In seagreen veil of billow haze!..
What doth he quest for in the far land?
What hath he left in native place?..

The wind is howling – waves are cresting,
And mast is bending in its bums...
Alack! bliss not's for what he's questing
And bliss is not from what he runs!

¹Оригиналы стихотворений Лермонтова см. в разделе «Приложение», СС. 248–250.

Below him azure light is streaming,
Above him golden is sun ray...
And he rebels, of storm he's dreaming,
As though in storms he'll find his way.

КАЗАЧЬЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Sleep, my sinless charming baby,
Hush now, hushaby.
Moon's serene so far: this may be
At the cradle of thine.
I will tell the tales of wonder,
I will croon the chime;
Close your eyes now, get to slumber,
Hush now, hushaby.

Down the rock the Thereck's rippling,
Waves with turbid splash;
Fell Tchetchen ashore is creeping,
Poniard's edge will slash.
But thy father is intrepid,
Hardened in wartime;
Sleep, my baby, calm and tepid,
Hush now, hushaby.

Thou thyself is warrior ne'r up,
War is not a trifle;
Thou'll be brave, with foot in stirrup
Thou will take thy rifle.
I'll embroider battle saddlet
With the silken line...
Sleep, my sweet, my precious babelet,
Hush now, hushaby.

Thou'll be valorous and hearty
Cossack till the end.

I will bless thy way at parting –
 Thou will wave thy hand...
And in scalding stealthy tears
 I will shed the brine!..
Sleep, my cherub, far from fears,
 Hush now, hushaby.

I will be in grief decaying,
 Not consoled I'll wait;
All day long I will be praying,
 Fortune-tell till late;
Thou wilt miss me – that's undoubted
 Far in strange skyline...
Sleep, the while thou art light-hearted,
 Hush now, hushaby.

I will bless you with a locket,
 Image of the Saint:
Thou, when praying, just unlock it,
 Trust it, when ye faint.
And aflame in fight ye'll maybe
 Think of mother's shine...
Sleep, my sinless charming baby,
 Hush now, hushaby.

ВЫХОЖУ ОДИН Я НА ДОРОГУ

1

I go out alone towards the paving;
Through the mist siliceous way can shine;
Night is still. Waste hearkens to the Saviour,
And the stars all scintillate in chime.

2

In the sky it's jubilant and wondrous!
Sleeps the earth in beaming of the blue...
Wherefore I'm feeling so disastrous?
Am I waiting? am I crowned with rue?

3

Nor I wait for anything already,
Not a bit I rue my past's bequest;
I just pine for being free and steady!
I would like to slumber and to rest!

4

But nor cold oblivion of the Lethe...
I would wish forever so to rest,
That in heart strong LIFE were dozy breathing,
That my breath waved placid in my chest;

5

That all night, all day so sweet for ear,
Dulcet voice were chanting love and soul,
That above me evergreen and dear,
Murky oak in souging bent its bole.

И СКУЧНО И ГРУСТНО...

It's tedious and grievous, and I am bereft of a friend
In time of spiritual torture...
Vent yearnings! .what good if I vainly and constantly vent?
And summers are fleeting – all summers of fortune!

To love, well but whom then? a short while – is worthless, alack,
And long while is nowadays loony.
Look into myself now? – thence past's ne'er leading its track:
Both gladness, and torments, and all thence is puny...

Cease passions! – well sooner or later this illness, though sweet
Will vanish on word of the reason;
And life, as you cast your cold glance around it, –
Is such a lackluster and fatuous quizzing.

Перевод на английский Екатерины Коржовой

ЭЛЛЕН МАРИЯ ХАНТИНГТОН ГЕЙТС (1835 – 1920)

Эллен М. Х. Гейтс была плодовитой американской писательницей 19 века. Её стихотворения нередко публикуются в периодике и включаются в антологии. Она родилась в Торрингтоне 12 августа 1835 года в многодетной семье. У её родителей – Уильяма и Элизабет (Винсент) Хантингтон было девять детей. Элен была самая младшая из них. Она получила образование в частной семинарии в Голвее, Нью Йорк и Гамильтон, в Нью Йорке. В августе 1861 года Эллен вышла замуж за преподобного Исаака Гейтса. Совершенно очевидно, что ей не приходилось сводить концы с концами. Эллен писала не от нужды, а по собственному желанию. На рубеже веков её имя регулярно появлялось в многотомнике «Кто есть Кто». В это время она жила на Манхеттене в Нью-Йорке.

Некоторые из стихотворений автора были положены на музыку и стали популярными гимнами. Среди самых известных можно назвать следующие: "Your Mission," "The Home of the Soul," "The Prodigal Child," "A Slumber Song" и "Eternity". Известно, что поэтическое произведение Eternity («Вечность») было любимым гимном президента Абраама Линкольна. В 1895 году она опубликовала сборник стихотворений "Treasures of Kurium", а в 1913 году вышел в свет другой сборник под названием "To the Unborn Peoples". Эллен М. Х. Гейтс умерла в Нью-Йорке в возрасте 85 лет.

СЛАДКО СПИ

Сладко спи в тиши ночной,
Бог тебе поможет.
Пусть вчерашние заботы
Сердце не тревожат.

Пусть во сне грядущий день
Не грозит бедою.
Знай, Творец – твой лучший друг,
Он всегда с тобою.

Все на свете позабудь,
Тихо смежив очи.
Звёзды светят в вышине,
Спи сладко! Доброй ночи!

НОВАЯ МОЛИТВА

Если вкусил поражение,
Молись, не вставая с колен,
Проси не любви с богатством,
Ни покоя, ни славы плен.
К небесам воздевая руки,
Лишь о мудрости помолись.
Чтоб всевидящему Творцу,
Звуки мольбы донеслись.
Ангелочки тебе помогут —
Камень к камню, поверь, не зря!
Тихо, медленно, по частям,
Ты без молота и гвоздя
Сам в душе возведёшь свой храм!

ИЛЛЮЗИИ

Милые сердцу, как прежде,
из-за дальнего моря летите,
На нашу встречу в надежде,
Но, увы, для меня вы — спите.

И все же на склоне лет
Сердце поёт и сильнее бьётся,
Когда вспомнит радости свет
И крыло, что в просторы рвётся.

ДЕРЕВО

Я у старого дерева долго стояла,
И ласкала кору его нежно рукой.
Мы были друзьями, оно ободряло,
Мой лоб, обвеявая зелёной листвой.
Там, стоя под вечными небесами,
Я знала, как быстро летели года,
Но под столетнего древа ветвями,
Кричала: *О Боже, как я молода!*

НОВАЯ ГОСТЬЯ

Печаль! Ужели ты пришла?
Как гостья, дом мой посетила?
А раньше мимо двери шла,
Казалось, обо мне забыла.

Ну, что ж, входи! И у огня
Присядь, как некогда бывало
Веселье знали здесь друзья
И в сердце радость ликовала.

Не будет пышного стола,
Соседей звать не стану тоже,
Чтоб лик печального чела
Покой их жизни не тревожил.

Тебе не стану возражать
И прочь не прогоню.
Мне радость больше не встречать,
Но и сестру её люблю.

Печаль ходила стороной.
Теперь нашла мой дом.
Пришла знакомою тропой,
Чтоб погостить и в нём.

ОРЛИНОЕ ГНЕЗДО

Когда нужда придёт орлу
За кормом из гнезда лететь,
Мы заберёмся на скалу
Орлят пушистых посмотреть.

И сразу поспешим назад –
Ведь коль орёл вернётся,
То полный ненависти взгляд
Нам испытать придётся.

ОТРЕЧЕНИЕ

Словами любви не томил её,
Не делал попытки догнать её,
 Но где б ни пришлось шагать,
О Боже, молю, ты храни её
И тяжесть заботы сними с неё,
 И дай ей однажды знать,
Что всем существом я зову её,
Хоть, казалось, скрываюсь я от неё –
 Лик её предо мною из света.
Что Судьба уготовит ей,
Сердцем буду всегда я с ней.
 Милосердный, скажи ей это!

ПРАЗДНОСТЬ

Всё вокруг тебя гудит,
Трудовой народ спешит.
Двигается поток живой,
Словно муравьиный рой.

Вверх и вниз, назад, вперёд, –
Всех влечёт круговорот.
Людам всё дано стерпеть,
Принимая жизнь и смерть.

Ветер с запада ль, с востока
Ждёт их, как всегда, работа.
Как всё сделать, всё успеть,
Чтоб вперёд не умереть?

Ты, бездельник, и не знаешь,
Сколько шансов зря теряешь.
В гонке вечной бытия
Места нет уж для тебя.

Чем ты лучше всех других?
Или кровь красней, чем их?
Чтоб лишив себя обеда,
Им лелеять дармоеда?

Коли плакать ещё могу,
Я в душе этот клад сберегу,
Пока времени ход не прервётся.
Даже там, в небесном краю,
Этот Божий дар сохраню,
Что любовью друга зовётся.

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

Если б знать, если только бы знать
День той встречи держать на примете,
Что уже никогда и нигде не бывать
Нам вместе на этом свете.
Я при встрече была бы совсем не такой.
Ты, прощаясь со мною, была бы иной.

Если б нам догадаться, если бы знать,
Что крыла шелестят над тобою.
И тебе если б что-то могло подсказать —
Рядом Вечность дохнула покоем.
О, какие слова ты нашла бы тогда,
Чтоб оставить их в сердце моём навсегда!

Как же странно, мой друг, припомнить опять —
Ты о «письмах» в тот день, говорила...
Что могла бы ты мне написать
Из той дали, что нас разлучила?
В тишине своей комнаты, молча, сижу
В мыслях встречу последнюю я ворошу.

Если б знать, если только бы знать!
Вновь и вновь повторяю слова.
Над твоею могилой ветрам стенать.
Всё как будто бы было вчера,
Когда на единый, коротенький миг
Озарился улыбкой твой милый лик.

Не знала, и мне не дано было знать,
Как ангелы тайны свои охраняют,
Но когда Небеса призовут их опять,
Верю, кто-то из них рассказать пожелает,
Что в память об этом особенном дне
Я дарю этот маленький цветик тебе.

Перевод с английского Ольги Стельмак

КРИСТИНА ДЖОРДЖИНА РОССЕТТИ (1830 – 1894)

От переводчика. 120 лет назад завершился земной путь великой Кристины Россетти. Она знала годы известности и годы забвения. Сегодня английская критика отводит ей достойное место в истории литературы XIX века. Для меня Кристина Россетти – это необъятный мир, в котором глубокая мысль философа неразрывна с пронзительностью чувств утонченного художника, а радость, пленительная меланхолия и неизбывная печаль звучат единой возвышенной симфонией. Как бы драматичны ни были взаимоотношения Поэта с миром, он всегда творит светоносную песнь величайшему чуду – жизни!

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Моё сердце – поющая птица,
Что в росистой траве гнездо свила;
Моё сердце – весёлая яблонька,
Что ветки с плодами склонила;
Моё сердце – цветистая радуга,
Что плещется в море. А я
Сегодня счастливее всех –
Пришла ведь любовь моя.

Возвысь дни из шёлка и пуха,
В мехах горностая; Пурпурный атлас
Укрась голубями, гранатом,
Павлинами с сотнею глаз;
Златым в серебре виноградом
И лилией. Нет лучше дня,
Потому что в мой день рождения
Любовь явилась моя.

ЦВЕТЫ ПРОПОВЕДУЮТ

Цветы проповедуют, кто слышит их,
Росистая роза доверится нам:
«Я самая лучшая, краше других;
Хотя красота мне дана,
Всё ж на шипах она рождена».
Мак изречёт: «В поле доля трудна,
Краснея, стоять средь хлебов молодых;
Ведь жизнь таковая презренья полна,
А ей вопреки добродетелен я,
В оттенках изысканных прелесть моя».
И лилии скажут без слов: «Красота
Есть то, что дарует душе чистота».
Прошепчут фиалки в тени кружевной,
Прикрывшись застенчиво нежной листвою:
«Пусть люди вдыхают наш аромат;
Мешать им не станем, но стоит учесть,
Что мы наставленья хотели б прочесть:

Ты с Ним не один, как и чудный цветок,
И просто трава вдоль дороги;
В пути всем поведают много
И мох, и сорняк о заботе Его:
Он росы в любви посылает,
И солнцем, дождём нашу землю питает
Ради зёрнышка одного».

СОНЕТ

“Amor che a nullo amato amar perdona.” Dante.

“Amor m’addusse in sì gioiosa spene.” Petrarca.

О, сердце моего сердца, – ты такой дорогой,
Больше жизни моей. Да храни тебя Бог.
Дай силы тебе, чтоб ты всё превозмог;
Служил Ему верою; в жизни земной
Добро и предвиденье были б с тобой,
Чтоб меньше печалился; в радости мог
Свободным назначенный выполнить долг;
Венчать совершенством труд свой.
А что, милый друг мой, останется мне?
Когда для бескрайней любви есть причина –
Любить этот мир и тебя всё сильней,
Всё больше и больше, любить навсегда,
Так Иордан в половодье смывает свои берега.
А женщина только помощницей сотворена для мужчины.

ЖИЗНЕННЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Никогда больше по эту сторону могилы, за холмом,
По эту сторону реки, у пруда,
По эту сторону амбара с зерном,
Никогда, –
Всегда, пока время течёт и течёт,
Пока узкую реку питает вода,
Пока колос тяжёлый жнеца в поле ждёт,
Всегда, –

Никогда, ни в отчаянье, с грузом невзгод,
И не глядя назад, нет, никогда!
Слабая, но идущая к цели, вперёд,
Всегда.

Перевод с английского Валентины Брилёвой

ШЕКСПИР В РУССКО-АНГЛИЙСКОМ КУЛЬТУРНОМ ДИАЛОГЕ

«Шекспир превратился в мерило для определения степени развития нации.

Если какой-нибудь народ не переводит Шекспира, – значит, он невежествен, если не понимает, – значит, неразвит, если какой-либо язык не может владеть им, – значит, он немощен».

Ованес Туманян

Как представитель армянской культуры, имею честь подтвердить, что стараниями Шекспировского центра, душой которого был известный шекспировед Рубен Зарян, армяне имеют в блистательных переводах всего Шекспира. Духовный памятник Уильяму Шекспиру в Армении возведён был в буквальном смысле. Он, как никто другой, органично вошёл в плоть и кровь нашего народа: за несколько веков, чуть ли не с появлением первых переводов из Шекспира, имела место массовая шекспиризация армянских имён – столько в нас Гамлетов, Лаэрттов, Офелий, Джульетт, Эдуардов, Эдгаров, Эмилий, Эдмондов, Генрихов, Джонов, Дездемон, Мавров и даже Ричардов...

Но вернёмся к виновнику торжества. Кто бы ни стоял за псевдонимом Потрясающего Копьём, при тщательном анализе структуры его произведений, становится ясно, что перед нами творческий опыт личности, призванной сотрясать умы, взбалтывать души.

Театр по Шекспиру – высвобождение чувств. Зритель входит в зал, сделав вдох на интерес. Упавший занавес – переживаний выдох. Эхо впечатлений дарует релаксацию. В тягучей образности его писаний словно оживают вибрации, обладавшие магнетизмом завлечения публики на представления театра «Глобус» во времена, когда театр был зеркалом общественных нравов.

Художественный перевод – искусство, осязаемое пульсом. И уж тем более, когда касается это ретрансляции языка Шекспира на русский. Ведь переводу подлежит не набор слов и предложений, а система приоритетов, диффузия взаимоотношений. Любое из его произведений переводится не на собственно русский, а на язык родной речи, становясь достоянием и русской культуры <...>.

С наследием Шекспира переводчикам более чем повезло; время донесло до нас тексты, вошедшие в его «Фолио». Их благозвучие хранит атмосферу театра «Глобус», где эти пьесы играли, писались и не

раз переписывались. Язык Шекспира, стоит лишь вслушаться и вдуматься в него – есть язык образов. Речь его – их лепка, сотворение натур, накачка страстей. В ползучести интриг вся логика трагедий. Довольно присмотреться к характерам и можно увидеть пушок девственности. Шекспир – драматург мстительный. Пространство сцены – временного саван. А времени и более того. Утайка смысла губит ремесло актёра, сбивая пульс, расстраивая ход событий, а тот руководит дыханьем зала...

Присутствуя во всех своих твореньях в той или иной ипостаси, а мозаичный портрет автора можно составить, отследив его по всем написанным им пьесам, Шекспир водит зрителя по кругам ада, который греховностью мысленно разверзает в своей душе всякий. Опора его драматургии – стержневые персонажи: друг Горацио в «Гамлете», Кормилица в «Джульетте и Ромео», Кент в «Короле Лире». Они – носители высоких идеалов, исповедуемых Шекспиром. Прежде всего, это – верность, и прежде всего, чувству долга. Отдаёт должное Шекспир и силе неотвратимого возмездия. Лучшая тому по накалу страстей иллюстрация – «Король Лир», глубочайшая из его трагедий: скрестив корону с колпаком шута, Шекспир отводит, надо думать, душу. Симфонизм этого произведения выверен до уровня предощущений. Обостряя нашу наблюдательность, он позволяет трактовать свой замысел куда как широко. И разве сын Глостера Эдгар в «Короле Лире», если присмотреться к нему получше, не тот же Гамлет, просто поставленный в иные обстоятельства?! Тоже отверженный, но куда более сердобольный. В этой пьесе симфонизм композиционных построений явлен Шекспиром щедрой палитрой переходов из одной тональности в другую. Даже гонор Гонорильи вытекает из характера лепки её характера. Подчёркивают возмущений дух и междометия, которыми трагедия пеэстрит. Позволив нам узреть червоточину в стиле правления короля Лира, Шекспир дал нам код к раскрытию пунктуационной структуры трагедии. Не импульсивный ли склад ума Лира преобразуется в раздражитель чувств? Червь сумасбродства, изъевший древо его правления, поселившись в воспалённом обидами мозгу, водит вконец растерянного короля по руслу сюжета, сужая кругозор его до безумия. У горечи раздумчивый расклад. Доверчивость обречена на гибель. Мазки сухие рваного пейзажа тревоги воздух горло всем дерут. И не раскаты грома глушат Лира: голова его раскалывается от осознания собственной неправоты. Кровью дикой ярости пульсирует в нём недоумение. Что может Лир оспорить у судьбы? В нём даже тени нет воспоминаний. Он изначально пуст. Не ценит верноподданнических чувств. Он – жертва собственного садизма. Отсюда и все ёрничанья маски. Событий ход дыхание сбивает, и Лиру надо дух перевести. Меняет ракурс трезвый

взгляд на вещи. Сюжета спрут опутывает мысли. Эхо впечатлений оживляет время. У Шекспира бедный Йорик из «Гамлета» перекочевал в «Короля Лира». И если о Йорике мы узнаём лишь со слов Гамлета, то здесь шут предстаёт перед нами как зеркало, в котором отражён Лир со всеми своими достоинствами и недостатками. Шут как бы потрошит его нутро. Венок из полевых цветов на Лире – прямой намёк на то, что в землю уйдёт он с этой короной на голове. Вспомним, пантеист Шекспир обыгрывает цветы и в сцене с Офелией в «Гамлете». Здесь рваный пейзаж движущегося задника трагедии разворачивает перед нами панораму устоев. Желание Кента навсегда остаться со своим королём Шекспир отмечает патиной благородного служения сюзерену.

Не исключено, что в скором времени у нас появится курс подготовки актёров для исполнения исключительно шекспировских ролей. Погружаясь в образ, да к тому же с разными партнёрами, актёр раскрывает в себе и в персонаже своём нюансы, при первом прогоне не выявленные. Жизнь в персонаже, сколь условной она бы ни казалась, тоже жизнь, исполненная радостей и печалей, раздумий и разочарований. Мало кто знает, что со временем ход мыслей может менять нам даже походку...

Подобно известному астрофизику Стивену Хокингу, проникающему оком души тайны Вселенной, в силу своих возможностей попытались и мы постичь тайны тайн задумок Шекспира¹.

Ашот Сагратян, известный поэт-переводчик, который за своё беззаветное и бескорыстное служение переводческому делу удостоен многих наград, в том числе и Золотой Пушкинской медали. В настоящее время из-под пера мастера вышла целая серия поэтических переводов-интерпретаций с английского. Это шекспировские трагедии с общим посвящением «К 450-летию со дня рождения Уильяма Шекспира». Среди них: «Гамлет, Принц Душевной Смуты» (2013), «Джульетта и Ромео» (2014), «Отелло» (2014), «Ричард III» (2014), «Король Лир» (2014), «Антоний и Клеопатра» (2015), «Макбэт» (2015).

Представляем читателям поэтическую интерпретацию с английского отрывка из трагедии Уильяма Шекспира «Король Лир».

¹ Из текста доклада к Международной научной конференции «Шекспировские чтения 2014: Шекспир в русско-английском культурном диалоге».

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР (1564 – 1616)

КОРОЛЬ ЛИР. АКТ III (отрывок из трагедии)

Сцена 1

*Степь. Раскаты грома с плеском молний.
Появляются Кент и придворный.*

Кент

Здесь есть ли кто, помимо этой бури?!

Придворный

Тот, в ком душа скорбит от чьей-то дури.

Кент

Теперь понятно и известно. Король-то где?

Придворный

Лицом к разбушевавшейся стихии, зло пред собою видя, как врага, всё на земле стереть он молит ураган. Его седины ветер треплет зло, а он беде той подставляет лоб.

Кент

Он там один иль есть при нём хоть кто-то?

Придворный

Так, дурачок, которому охота обиды горечь с уст его смахнуть.

Кент

Доверить тайну, зная вас, не премину: меж Корнуоллом с Олбани вражда и слуги их французу всё доносят. О распрях в государстве, обо всём, что сведений характер строгий носит. Прознав о том, французские войска пристать успели к нашим берегам – в раздробленной стране помочь врагам друг другу выбить глаз. Вам в Дувр поскорее бы попасть. Уже сейчас. Собрать людей, оповестить их о беде, что государя нашего постигла. Видать, к концу его подходят игры. Как дворянину дворянин, готов довериться вам, сударь. Вам надо поскорей отбыть отсюда.

Придворный

Польщён доверьем вашим. Что же дальше?

Кент

Вот кошелёк. Что в нём найдёте – ваше. К Корделии придя, предъявите ей перстень. Поймёте там, кого вам встретить довелось. Пойду за королём. Такая в буре злость.

Придворный

Как трудно б ни пришлось, не подведу. Есть что ещё для передачи, подожду.

Кент

Потом, когда король найдётся. Идите, время разберётся.

Сцена 2

Другая часть степи. Буря в разгаре. Входят Лир и шут.

Лир

Дуй, ветер, дуй, не уставая! Хоть щёки разорви, лютуй! Огни задуй, дубы корчуй с корнями, катая громом шар земной, неблагодарности плодящий семена...

Шут

Король, пошли лихие времена. Ты б попросил прощения у дочек. Не то хлебнём мы лиха этой ночью.

Лир

Мне не страшны природы дикой рыки. Неистовств дочерей они не дики. В жестокости ни гром, ни дождь не упрекну. Я царств им не давал. И вот их кнут. С недавних пор, коварных дочек жертва, я духом ослабел и хвор. С небес не их ли валится презренье?! Постыдно жалок я до посрамленья!

Шут

У кого голова на плечах, тот и кров обретёт, и очаг.

Лир

Не мне молчать, предвижу свой конец. Не я терпения достойный образец.

Входит Кент.

Кент

Кто тут?

Шут

Его величество и то, что выдаёт в нём мужа. Вздывает гульфик то, что делу служит.

Кент

Будь я хоть без ума любитель ночи, второй такой едва ли кто захочет. Таких раскатов грома не припомню, с дождём и ветром прежде в плеске молний.

Лир

Как больно жить обманутым в надеждах! Богам, над нами в вышине парящим, врагов своих желаю отыскать, клятвопреступников примерно наказать, от правосудия меча уйти успевших... Я не грешнее тех, кто предо мной.

Кент

Мой государь! Без шляпы, Боже мой! Я тут местечко приглядел неподалёку – укрыться вам. Туда-обратно я в мгновение ока.

Лир

Заходит ум за разум. Глупо зябнуть. В соломе ни за что нам не согреться. Веди туда нас, где теплей есть место. Когда в цене пустые вещи, торг неуместен. Сердечностью плачу, а больше нечем.

Шут: (поёт)

Дана тебе коль капелька ума,
Что дождь тебе и ветер, как и тьма?
Укрыт, так благодарен будь судьбе.
Что в непогоду повезло тебе.

Лир

Веди нас в свой укромный закуток, ты нынче вроде прав, дружок.

Лир и Кент уходят.

Шут

Гулящим пыл способна охладить такая ночь, священникам, что лгут, могла б помочь, кабатчикам, что разбавляют эль водою, в судах, где справедливость с бородою, а там, глядишь, и кредитор смягчится, и Альбиону чуткий сон приснится, что людям есть чему в себе дивиться. И возвестят сё Мерлина уста: век до него я жил и

не устал.

Уходит.

Сцена 3

Замок Глостера. Входят Глостер и Эдмунд.

Глостер

Не по себе мне, Эдмунд, неуютно, что я не смог ничем ему помочь, из дома своего как гнали прочь, немилостью грозя мне долговечной. Меня пугает их бесчеловечность.

Эдмунд

Готов признать, оно не по-людски. И мой отец, как погляжу я, скис.

Глостер

Меж герцогами больше, чем раздоры. Мне из письма, полученного нынче, известно: короля обидчик не избежит суровой кары нынче. Держаться б нам с тобою короля! На побережье высадилось войско. Ты к герцогу иди и ничего не бойся. Займи его пустяшным разговором, чтоб не заметил он, что в замке нет меня. Боюсь его я гнева, как огня. Я в верных подданных всегда у короля. Тут странные события рулят. Насколько будет, Эдмунд, вам возможно, в беседах с герцогом блюдите осторожность.

Уходит.

Эдмунд

Я герцогу поведаю об этом и о письме. Оно ведь в замке где-то. А обрету ль в его лице я друга за столь бесценную услугу?!

Уходит.

Сцена 4

Степь. Укрытие. Лир и Кент.

Кент

Прошу вас, государь. Ночь холодна и тем уже жестока. Здесь, под навесом, не придётся мокнуть.

Непогода не утихает.

Лир

Прошу меня не дёргать.

Кент

Сэр, надо б вам под полог. Оно недолго.

Лир

Ты разбиваешь сердце мне.

Кент

Милорд, готов поклясться, нет.

Лир

Бойтесь, я промокну весь? Се – ерунда. Неблагодарность здесь готова псом голодным впитаться в руку. Я мщения испытываю муку. А проклинать – так ведь свою природу. Отца из дома да в такую непогоду... Я отдал всё им, оторвав от сердца. С ума схожу и некуда мне деться.

Кент

Прошу вас, государь, укройте тут. Вам то же присоветовал бы шут.

Лир

С дороги отдохнул бы сам. Внимать я буду бури голосам, впиваясь взором в горизонт. И худших насмотрелись зол. (*Шуту*) Зовут, иди и прикорни чуток. Я помолюсь пока. Как мир жесток! (*Шут входит под навес*) А каково несчастным беднякам, не находящим крова, ласки, пищи?! Не раскошелиться ли роскоши на нищих! На шкуре на своей изведать, как человека унижают беды!

Эдгар (*за сценой*)

Здесь целых девять футов. Бедный Том! Под килем девять футов.

Шут выбегает из-под навеса.

Шут

Туда не надо, не ходи. Там дух! Скорей на помощь!

Кент

Дай руку, друг.

Шут

Там бедный Том. Там дух.

Кент

Кто там в соломе? Берёшь нас на испуг?!

Входит Эдгар, косящий под безумца.

Эдгар

За мною оборотень гонится. Спасите!

В кустах колючих ветер свищет.

Ложись в постель, погрейся, нищий!

Лир (*заглядывая себе в душу*).

Всё дочерям своим отдав, так низко пал!?

Эдгар

За мною гонятся и упыри, и бесы. Приходят из болот они и леса. Нож под подушку и с петлёй верёвочной на лавку, в похлёбку же крысиный яд... Предателем едва ль мне стать. Пяти способностям ума пора раскрыться – от колдовства, стоянья звёзд отгородиться. Кто милостыню здесь мне и сейчас подаст?!

Непогода злится.

Лир (*про себя*)

В беде твоей лишь дочери повинны? Оставил бы себе хоть половину...

Шут

Его от горя хоть и помотало, но для себя сберёг он одеяло.

Лир

И да падут на дочерей неверных огонь и сера, ипостаси скверны!

Кент

Ему не довелось их породить на свет.

Лир

Ты лжёшь! Гнуснее нет на свете дочерей, что сострадать не могут. Таких не знали пеликаны, слава Богу!

Эдгар

На холме сидел сурок, слушал сердцем ветерок.

Шут

Холод можно и стерпеть, как бы ни окоченеть.

Эдгар

Беги нечистой силы, слово свято держи до могилы, чужой жены не домогайся, стяжать чего чужого не пытайся.

Лир

Ты мог бы вспомнить, кем ты в прошлом был?

Эдгар

Я в прошлом славный бабник был, жить больно широко любил, был похотлив и лжив безмерно, и слыл отменным лицемером, в азартных играх был мастак, грешил, как помню, так и так. Был сказочно ленив, хитёр и вороват, хоть был богат. Теперь от силы той нечистой пытаюсь где-нибудь укрыться: *(поёт)*

Продувает куст колючий
Ветер злой и мне не лучше.
Стой, наследник, не беги,
Силы лучше береги.

Буря не утихает.

Лир

Тебе в могиле лучше быть, чем в непогоду здесь тужить. Ты с головы до ног продрог. Пошло ли прожитое впрок? А ну-ка, прочь отсюда, прочь! Ну надо же, какая ночь! Кто б расстегнул на мне одежду!

Срывает с себя одежду.

Шут

Прошу, утихни, не спеши. В такую ночь не гоже быть раздетым. Не огонёк ли я заметил где-то?

Входит Глостер с факелом.

Эдгар

Нечистой силы дух! Всем кровь студя, он бродит здесь до первых

петухов, на всё на свете порчу наводя.

Кент

Как здесь вам, государь? Жаль, место голо.

Лир

Мне кажется, иль слышу чей-то голос?

Кент

Вы кто и что вам надо тут?

Глостер

А вы кто будете и как вас там зовут?

Эдгар

Я бедный Том. Мышей полёвок ем, лягушек, коль ничего не нахожу получше. Вкус тины знаю изо всех болот который год. Распугиваю всех своей походкой. Завидев мой наряд, грозятся посадить меня в колодки. И от поганой пищи пучит, да видно крест таков, он мучит. Подальше б вам держаться от него, от спутника от злого моего...

Глостер

Мой государь, кто с вами, что за люди?

Эдгар

У князя тьмы в дворянах всяк пребудет.

Глостер

Когда свой род вы стали ненавидеть в таком передо мной представши виде?

Эдгар

А бедный Том вконец продрог.

Глостер

Помилуй бог, хоть мне и велено врата закрыть пред вами, ведь так угодно вашим дочерям, я вышел в ночь – вас обогреть словами, огнём и пищей, хоть бы чем помочь...

Лир

С философом хочу поговорить о громе, он должен объяснить его феномен.

Кент

Вам, государь мой, дело говорят.

Лир

В науках размышленец мне собрат.

Эдгар

Я бесов извожу и гадов.

Лир

Наедине побыть мне с вами надо.

Кент

Прошу вас, сэр, должны вы настоять, чтоб перестал он на ветру стоять.

Непогода всё ещё злится.

Глостер

Понять его легко. Богаты дочери его и обе отца желают видеть лишь во гробе.

Лир

Сто крат был прав изгнанник Кент! Предостерёг – лишился я рассудка. А мне теперь и в самом деле жутко.

Глостер

И у меня был сын. Убить меня хотел он. А я души не чаял в нём. Мне застит ум обиды окоём. – Ну злая ж ночь... Прошу вас, государь!

Лир

Прошу меня, философ, осчастливить.

Эдгар

Том до костей продрог.

Глостер

Иди к огню, там тёплый уголок.

Лир

И все мы с ним.

Кент

Нет, государь. Вы с нами.

Лир

С философом ещё б потолковать.

Кент

А мы его с собою можем взять.

Глостер

Окликните его, пусть соберётся.

Кент

Король с тобою, Том, не расстанется.

Эдгар

На старой башне Роланд бдит. Прольёт немало крови бритт.

Уходят все.

Поэтический перевод-интерпретация Ашота Сагратяна

ВИЛЬЯМ ХАЙНЕСЕН (1900 – 1991)

Вильям Хайнесен – без сомнения, самый известный за пределами родины писатель Фарерских островов.

Творческий путь Вильяма был долгим; он писал в разных жанрах. Первая книга Хайнесена – небольшой сборник лирики под названием «Арктические элегии и другие стихотворения» – вышла в свет в 1921 г. За ней в 1920–1930-х гг. последовали ещё четыре книги стихов, содержавшие, в основном, пейзажную и философскую лирику. В 1930-х годах Хайнесен пробует писать прозу: сначала масштабные романы, затем – новеллы и очерки, при этом, не прекращая сочинять стихи. Проза Хайнесена с течением времени эволюционировала от социального реализма до «магического реализма». Действие всех прозаических произведений Хайнесена, за исключением нескольких новелл, происходит на Фарерах, в них изображаются реалии фарерской народной культуры. Часто в основу романов и новелл ложатся собственные детские воспоминания писателя, в которых важна не фактографическая сторона, а само описание того способа, которым ребёнок постигает мир. (Он ещё не может отделить реальность от сна и фантазии и ко всему относится с одинаковой серьёзностью). Прозе В. Хайнесена, особенно поздней, присущ мифологизм, в частности, тенденция к смешению мифологий, сопряжение реальных, известных из фольклорной или литературной традиции с порождениями собственного вымысла.

Миф и вообще вымысел в творчестве Хайнесена – самая существенная часть бытия. Как он пишет в сборнике новелл «Laterna Magica» (1985): *«Те миллионы слов, которыми каждый день обмениваются жители города – считаются и забываются. Предание и поэзия остаются».*

Парадоксальным образом, на родине Хайнесена его творчество долгое время было гораздо менее популярно, чем за пределами Фарерских островов. (Собственные земляки признали талант этого автора только тогда, когда он получил премию Северного совета по литературе). Одной из главных причин такого отношения к нему было то, что он сознательно избрал языком своего литературного творчества датский язык, а не фарерский. (На протяжении всего XX века на Фа-

рерских островах происходило активное «национальное строительство», и создание текстов на языке метрополии многими расценивалось как непатриотичное. Для самого же Хайнесена такой выбор языка был во многих отношениях логичным, т. к. он происходил из старинной датско-фарерской чиновничьей и купеческой среды в фарерской столице – Торсхавне, и в доме его детства говорили по-датски).

Непредвзятое отношение фарерцев к личности и литературному творчеству Хайнесена утвердилось только в настоящее время, когда противостояние датской культуре перестало быть настолько актуальным. При всём том вклад Хайнесена в фарерскую культуру в других областях, помимо литературной, никогда не оспаривался на его родине. Хайнесен был постоянным сотрудником социал-демократической газеты, автором многочисленных иллюстраций к журналам и книгам, сценографом во многих театральных постановках, постоянно писал статьи и рецензии в фарерских журналах, принимал участие в создании объединения фарерских писателей и фарерского музыкального училища, писал картины и рисовал карикатуры на злобу дня. Фактически, Хайнесен создал тот мифологизированный образ «магических Фарерских островов», который привлёк к этому краю внимание зарубежных ценителей прекрасного задолго до того, как в мире стала популярна фарерская рок-музыка.

На русский язык переведены три романа Хайнесена: «Чёрный котёл» (1949), «Пропавшие музыканты» (1950), «Башня на краю света» (1976), а также отдельные новеллы и стихотворения, переводы которых в наше время известны только специалистам по датской литературе. Публикуемая здесь новелла ранее не переводилась на русский язык.

ИСТОРИЯ О ПОЭТЕ ЛИНЕ ПЕ И ЕГО РУЧНОМ ЖУРАВЛЕ

О поэте Лине Пе, которого во всём царстве Цунгкуо любили и ценили за его поэзию, особенно за «Песни о Любви и Вечности», легенда гласит, что он, достигнув возраста 69 лет, внезапно исчез с поверхности земли. Иные считали, что он утонул в горной реке Улан-Муррен, на берегу которой стоял его дом, и был унесён её бурным течением. А другие уверяли, что он в награду за свои огневые стихи, за своё благочестивое и прилежное изучение трудов Лао-Цзы, а также за сердечную доброту и ум был взят живым в Вечность.

Как мы сейчас услышим, эта последняя догадка ближе всего

к истине...

Однажды вечером, когда престарелый поэт сидел возле своего дома и восторженно взирал на закат, он почувствовал лёгкое головокружение, и в воздухе перед ним показались чёткие красивые письма. Он истолковал эти письма так:

– Встань, Лин, застегни башмаки свои, возьми посох свой, ибо тебе предстоит последнее путешествие!

Лин Пе склонил голову, простёр руки к небу, как бы защищаясь, и жалобно прошептал:

– А как же Хсюн, моя младшая дочь, которой всего одиннадцать лет? Разве можно оставить бедного ребёнка, у которого нет матери?

Необыкновенно красивый и недвусмысленный знак был ему ответом. Лин Пе прочитал:

– Вечность зовёт.

Престарелый поэт понял, что высшие власти диктуют ему такие условия, перечить которым нельзя. Он бодро встал, застегнул башмаки и взял посох.

Чтобы избежать бурных сцен, он не стал рассказывать Хсюн, куда на самом деле направляется, а выдал это за самую что ни на есть обыкновенную вечернюю прогулку по саду. Девочка, трудившаяся над приготовлением ужина, также не почуяла неладное. Но об этом смекнул ручной журавль Лина Пе по имени Ра-Хой, который вёл себя весьма бурно и рвался в дорогу, и тут уж ничего нельзя было поделать; эта сумасшедшая птица хотела, чтоб всё было по её, так что поэт решил до поры до времени не думать о тех невообразимых последствиях, к которым может привести общество этого упрямого и строптивого создания.

Хотя Лин Пе годами, путём самодисциплины и истового погружения в мудрые великие письма Дао-Де-Цзин, пытался закалить свой чувствительный разум и набраться сил и мужества для того, чтобы рано или поздно покинуть этот мир, – ему было очень тяжело оставлять свой дом у реки, где он родился и вырос, где долго прожил в счастливом браке и выпустил восемнадцать детей в жизнь, навстречу благословляющему чуду любви. Когда старая садовая калитка со скрипом захлопнулась, и в последний раз брякнула её маленькая задвижка, он скорчился от боли и уронил горькую слезу по Хсюн, которую безумно любил. Но когда привычный уютный шум реки зазвучал в тишине, постепенно

ему стало ещё хуже: тогда вся кровь словно бы отхлынула из жил Лиана. Он почувствовал себя обессиленным, уселся в траву и захныкал как ребёнок.

По сторонам горной тропки, которая вела сквозь высокогорный лиственный лес, стояли большие мягкие одуванчики и сияли. Иные из них уже отцвели, превратились в семена и были похожи на погашенные фонари. Поэт осторожно сорвал одну из призрачных цветочных головок, поднял её к небу и стал разглядывать пушинки на стебле, напоминавшие прелестную группу маленьких танцовщиц, не могущих взять в толк, чего им ждать. Опечаленный старик пожалел их и нежным дуновением отпустил их в полёт. Но одновременно с этим он почувствовал, что бремя его тоски по дому, как по мановению волшебной палочки, ослабло. Шум реки теперь совсем замолк, и нежный взгляд Хсюн, переполненный мечтами и юной любовью, был уже не для него. Лин Пе почувствовал бы себя совсем утешенным, если бы не Ра-Хой. Бедная, глупая земная птица, не имевшая ни малейшего понятия о том, что это за путешествие, беспрестанно дурачилась и неистовствовала, хлопала крыльями, перебегая с кочки на кочку, и не думала ни о чём, кроме пищи. Увы, с этим ничего нельзя было поделать.

Лин Пе поднялся, схватил посох и продолжил путь. Солнце стояло в небе низко; оно вырисовывалось, большое и красное, за длинной размытой вуалью разнообразных прелестных кучевых облаков, и лёгкие лиственные шли, танцуя, ему навстречу, словно дети, полные радостного ожидания.

Постепенно лес закончился, перед взором открылся простор. Насколько хватало глаз, тянулись горы: гребень за гребнем, вершина за вершиной, и всё это открывалось с большой высоты, так что казалось, будто человек окидывает взглядом равнину. Но между этой зачарованной равниной и кромкой леса лежала глубокая, полная туманом, пропасть. И смотрите: над этим величественным ландшафтом стояло вечернее солнце, затуманенное дымкой, но полное любви и щедрости, словно престарелая мать.

Закатываясь, солнце разделилось на два, потом – на четыре, и в конце концов на восемь солнц; это было необычное, захватывающее зрелище, – но вместе с тем это был и знак. Лин Пе знал, что предвещает это небесное знамение, и глубоко вздохнул. Вечер был совершенно тихим, и в волшебном восьмикратном свете

все тени вырисовывались, как изящные штриховые узоры, изображённые кистью талантливого художника. Лин Пе ощутил, как его душа расширяется в доселе незнакомом счастливом чувстве. Но внезапно Ра-Хой дал о себе знать отвратительным грубым криком, который не только разорвал священную тишину, но и возымел тот ошеломляющий убийственный эффект, что восемь солнц вновь слились в одно.

Лин Пе поднялся и с тоской взглянул на эту убогую ограниченную птицу, которая своим глупым поведением внесла в небесные знаки смятение. Но здесь пришлось лишь смириться и надеяться на лучшее. Он беззлобно подозвал птицу к себе и приласкал её голую красную макушку. Она уткнулась упрямой головой в его руки и успокоилась. Через некоторое время знамение вновь заиграло на небе, и вновь выстроились чудесные восьмикратные тени, словно линии в гениальном рисунке великого талантливого мастера Хсия Куай.

И вот, эта сетка теней начала удивительным образом колыхаться, легко и проворно, будто тени ветвей на лесной подстилке. То тут, то там тёмные поля сгущались, и от этих полей разом отделился образ, почти напоминающий человеческий.

Лин Пе знал, что этот образ – дух Ти-Те, посланец небес, и престарелый поэт почувствовал, как его пронзила мощная радость, к которой всё же примешивалась нотка страха. Ведь Лин Пе представлял себе небесного посланника совершенно по-другому, не таким невообразимо тощим и пустоглазым духом с пепельно-белой лысой головой, маленьким озорным носом и большим насмешливым рядом зубов.

У этого духа не было ни взгляда, ни голоса, он общался с человеком письменами в воздухе, и Лин Пе прочитал эти знаки так:

– В силу неоспоримых заслуг, к коим относится твоя, Лин, поэзия, и в силу твоих честных, хотя в какой-то мере ошибочных попыток понять таинственную взаимосвязь жизни и смерти, путь в вечность для тебе всемилостиво сокращён, так что ты освобождаешься от необходимости спускаться в глубокую пропасть Пюх,

которую должны пройти все смертные!

Глаза Лина Пе увлажнились от умиления, он бросился ниц к ногам небесного посланника и от глубокого потрясения и глубо-

кой растроганности лишился дара речи. Когда он вновь поднял лицо, он увидел сквозь слёзы знак в воздухе, который говорил:

– Встань, Лин Пе, отбрось башмаки свои и посох свой!

Престарелый поэт тотчас послушался этого приказа и в смешанном со страхом восторге заметил, как его тело тотчас стало лёгким и готовым к полёту. Но, к большому огорчению, именно в этот решающий миг надо ж было так случиться, что Ра-Хой, который при явлении духа стоял, углубившись в куст шелковицы, взлетел и издал неописуемо жуткий пронзительный крик. Из-за этой помехи небесный знак вновь исчез, а все красивые тени стянулись и обвилились вокруг посланца небес.

И вновь поэт сидел один на горном склоне вместе с этой дурацкой птицей, которая, встав на одну ногу, чистила у себя под крылом и ни сном, ни духом не ведала о тех несчастливых последствиях, которые вызвало её нелепое поведение.

Лин Пе вздохнул. Но, несмотря на своё глубокое разочарование и горе, не мог сердиться на несчастное создание. Он с болью взирал на этого забавного долговязого бездельника и его ещё более долгую и ещё более забавную тень. А Ра-Хой поднял голову и послал ему незамутнённый преданный взгляд.

А солнце в то время медленно зашло, являя собой бесподобную красоту. Никогда ещё Лин Пе, этот страстный любитель и почитатель небес, не видел такого зрелища. Этот закат был так величествен, что любое сравнение с золотом, драгоценными камнями и земными сокровищами показалось бы здесь жалким: его волшебные бурные цвета были словно детские грёзы о счастье, словно стремления молодой любящей души, словно то умиротворение, которое незримо излучают добрые деяния.

Пока престарелый поэт предавался этому захватывающему зрелищу, омывая своё сердце в этом свете, как в бурлящем источнике силы и благожелательности, дух Ти-Те снова возник перед ним и написал пальцем в воздухе. Поэт прочёл:

– Мое предложение, Дин, остается в силе, как и прежде, но я требую, чтобы ты избавился от своего шумного и непонятливого спутника.

От такого требования старику поэту сделалось больно, он стал просить за птицу и сказал дрожащим голосом:

– Ах, я прекрасно понимаю, о высокий дух, что мой несчастный журавль – прескверная птица. Я также понимаю, что свои-

ми неистовыми криками он испытывает терпение самого неба! Но как мне, по-твоему, избавиться от него?

– Повернись, – был ответ духа, – и ты увидишь горящее шелковичное дерево. Загони свою птицу в огонь, возвращайся и иди за мной!

Лицо Лина Пе исказила гримаса великой боли и сомнения. Он жестом подозвал Ра-Хоя к себе, погладил его шею, мягкую как бархат, и тот доверчиво уткнулся головой в его руки. Поэт обратил к посланцу небес подавленный взгляд и сказал:

– Ах, высокий дух! Если бы ты только знал, в каком неоплатном долгу я перед этим – очевидно, столь ничтожным – созданием! Однажды, когда я задремал у стены моего дома, эта птица разбудила меня своим криком как раз в подходящий миг, чтобы я успел вскочить и спасти мою дочь Хсюн: девочка свалилась в реку, и её могло бы унести неистовым течением, если бы я в последний момент не схватил её за волосы!

Лин Пе прибавил в своём великом отчаянии:

– Прими также во внимание, о высокий дух, что этой бедной птице не более сорока двух лет, и она могла бы прожить ещё три тысячи лет, если бы ей милостиво позволили дожить свой век!

– Это хорошо весьма, – написал дух в ответ и сурово улыбнулся, – но если ты хочешь войти в небесную вечность, ты должен разорвать все нити, привязывающие тебя к земному. И я даю тебе достаточный срок, чтобы решиться.

Ра-Хой предпринял новую попытку вскрикнуть, но Лин помешал этому, зажав голову птицы у себя под мышкой.

А дух тем временем опять сделался невидимым. Поэт обернулся и увидел горящее дерево. Мощная сеть его пламенеющих белым ветвей вырисовывалась на фоне бегущих туманов в потемневшей пропасти Пюх. Лин Пе засмотрелся на это редкостное растение-сокровище и на миг совершенно забыл, где и в какое время находится. Но когда Ра-Хой, в своей безграничной простоте решивший, будто там есть что-то вкусное, беспечно приблизился ко всепожирающему огню, поэт подманил птицу к себе, погладил его голову и шею в чёрных полосках, бережно расправил его оперение, похожее на длинные полумесяцы.

После этого он, напевая, загнал верную птицу в густой кустарник, оторвал полоску ткани от подола своего одеяния, разо-

рвал её на две части и одной половинкой стреножил ноги журавля, другой связал его клюв и поспешил занять своё место на траве.

Немного погодя Ти-Те вновь стоял возле него. Пепельно-белый дух с сумрачными глазницами и лукавой улыбкой поднял костлявый палец и написал в воздухе:

– Не ожидал я, Лин, такой жертвы от слабого человека, подобного тебе, но теперь я вижу, что ты созрел для похода в Вечность, к которой ты так истово стремился. Подготовься и ступай за мной!

Тут Лин почувствовал, что он поднимается, будто на громадных крыльях, увидел, как горный склон с его зелёной растительностью уходит у него из-под ног. Какое-то время он парил низко над полом из великолепных облачных мозаик, в котором то тут, то там открывались зияющие чёрные или льдисто-зелёные прорехи. Престарелый поэт немилосердно мёрз, его зубы стучали, и внезапно его взгляд затуманился, он как будто вот-вот готов был ослепнуть. Испуганный выкрик вырвался из его груди, и он, полный страшных предчувствий, спросил:

– Что означает эта ледяная тьма?

И прозвучал ответ:

– Сейчас наш путь пролегает сквозь туманы, поднимающиеся из бездны, но вскоре мы переправимся на другую сторону.

И вот туман рассеялся, и показалась широко раскинувшаяся равнина тёплого медного цвета. Воздух стал мягче, быстро прояснился и сделался сухим. Но как же здесь было пустынно: ни травинки, ни кочки, даже ни горной вершины в отдалении, только бесконечная красная плоскость без теней под таким же красным небом без солнца и туч.

– А где мы сейчас? – отчаявшись, спросил Лин Пе.

– В преддверии Вечности, – был немой написанный ответ. – Ты видишь восемь кван?

Лин Пе вращал головой, но ничего не видел, кроме маленькой тёмной точки, которая почти незримо вырисовывалась в той стороне, откуда они удалялись.

Ти-Те вытянул палец и указал на середину неба, и тут поэт действительно увидел величественные образы восьми кван из сплошных и пунктирных линий, высший знак мудрости, вечные символы Инь и Ян.

Из своего изучения великих книг Дао-Де-Цзин и И-Цзин, длившихся годами, Лин Пе вынес знакомство с этими великими системами и уже достиг значительного опыта в толковании их мудрого языка. Но, к своему отчаянию, он должен был признать-ся сам себе, что сейчас эти знаки ничего ему не рассказывали. Сплошные и пунктирные линии выступали без гармонии, без связи и больше всего напоминали случайные детские каракули на доске. Ему стало не по себе от душевного бессилия, и он поспешно оглянулся через плечо, чтобы увидеть, на своём ли ещё месте чёрная точка. Да, она была там, она даже слегка увеличилась, и из неё выходила тонкая волнистая линия.

Престарелый поэт почувствовал себя несчастным, его прошиб пот, резкие боли пронзили его глаза, и он ощутил, как его сердце сжалось, словно его сдавила сильная беспощадная рука.

– Ах, горе мне! – закричал он в своей нужде, но уже Ти-Те исчез, и отчаявшийся поэт остался один-одинёшенек на безбрежной равнине под искажёнными небесными кван.

Письмена, которые у него почти уже не было сил толковать, замерцали перед ним в воздухе.

– Лин Пе, – прочёл он. – Сейчас ты находишься в небесной Вечности и приближаешься к той точке, в которой больше уже ничего не случится, к самой ступице колеса вечных сил, где верх внизу, а низ вверху, где свет есть тьма, а тьма есть свет, всё есть ничто, и ничто есть всё, Инь есть Ян и Ян есть Инь. Твои уши больше ничего не услышат, свет твоих очей померкнет, но твоя душа, если она чиста, взойдёт в средоточие мировой мудрости и в гармонию вечных законов. Через восемь шагов от тебя ты найдёшь трапецию. Сядь на неё и займи своё окончательное место в непогрешимой связи вещей!

В поспешно наступающей темноте, которая внезапно нахлынула со всех сторон, Лин Пе едва различал ту самую трапецию. Но когда он собрал последние силы, чтобы вскочить на неё, она отдалилась от него, и он остался один, покинутый, в темноте, и душа его была полна боли, которая, как он чувствовал, была неотвратимой и вечной.

И именно в этот отчаянный момент внезапно послышались жёсткое, неистовое хлопанье крыльев, и дикий, душераздирающий птичий крик прорвал гнетущее молчание. Лин Пе почувствовал, как его с беспощадной силой отбросили в темноту, и он

завертелся в головокружительных спиралях. Звёзды и солнца танцевали перед его глазами, его грудь как будто наполнилась раскалёнными иголками, и не было ни одного места в его теле и душе, которое бы не испытывало невыносимую боль. Постепенно боль одолела старика, и он рухнул в бессилии.

Когда он вновь пришёл в себя, то вновь сидел в траве на горном склоне на опушке леса, и всё было как прежде. Солнце закатилось за зубчатые горные вершины на западе, но небо всё ещё светило прелестным светом, и чуть поодаль стоял Ра-Хой, углубившись головой в ягодный куст. Старик растрогался и позвал птицу к себе. Она подняла голову, не переставая жевать, но вновь уткнулась в куст и явно никуда не торопилась.

Тогда Лин Пе повернулся к закату и ощутил, как добрый милостивый свет мягко и исцеляюще вливается в его кровь. Чаша его сердца переполнилась благодарностью, и он поднял лицо и простёр руки в смирении и беззвучной хвале, а душа его наполнилась ароматом милосердной земной зелени.

Но внезапно он почувствовал холодное дуновение в затылок, а когда он обернулся, там стоял Ти-Те – пепельно-белый дух с непредсказуемой улыбкой и смотрел на него в упор своими глазами без зрачков. И вот, посланец небес поднял палец и написал:

– Твоё жалкое упрямство и духовная незрелость, Лин, сделали тебя недостойным принять гармонию и милость неба, и Вечность с прискорбием и отвращением изрыгнула тебя. И в качестве наказания за свою слабость и ненадёжность ты приговариваешься к тому, чтоб прожить всю твою земную жизнь снова!

Лин Пе склонил голову, как будто он раскаивался и сокрушался духом, но в действительности его сознание до краёв переполняли глубочайшая радость и облегчение. И когда Ра-Хой в тот же миг разразился ликующим каскадом роскошных трубных звуков – в результате чего дух, скрипя зубами, удалился с поверхности земли, – сердце престарелого поэта возрадовалось, и его бледные губы расплылись в широкой благочестивой улыбке. Он нагнулся и развязал путы, которые до сих пор болтались на одной ноге птицы, и Ра-Хой длинным лихим плевком освободил свой клюв от кожурок и стебельков ягод, и после этого уткнулся головой в руки поэту.

Но тут стариком овладело великое беспокойство; он поспешно поднялся и направился назад по тропинке к родному до-

му. В его голове что-то странно скреблось и болело, его члены ныли, как будто бы засохшая травинка напитывалась водой и распрямлялась. Он разом почувствовал себя на двадцать лет моложе. Лёгкие лиственницы приплясывали при встрече с ним, цветы львиного зева смеялись и кивали в траве, гордый шум знакомой реки вернулся и вновь обрёл былую силу.

Лин Пе прибавил ходу; он не чувствовал ни капли усталости, а когда он увидел, как очертания знакомых гор поднялись на востоке, его тело наполнилось такой резвостью, что он как ошалелый подросток принялся высоко подскакивать в воздух. Точно во хмелю, он видел, как цветы, кусты, деревья сказочным образом увеличиваются и вздымаются в воздух вокруг него, а когда он подошёл к старой садовой калитке, она тоже подросла, так что он лишь с большим трудом дотянулся до задвижки.

Но когда он на лёгких маленьких ногах пробежал сквозь благоухающий, мокрый от вечерней росы сад, его уши внезапно наполнил гром, как будто из пасти ужасного дракона. Он обернулся и, к своему изумлению, увидел огромную птицу, разевающую навстречу ему пасть. Он стал вне себя от ужаса и побежал что есть духу, но последнюю часть пути ему пришлось ползти, потому что ни руки, ни ноги больше не слушались его.

— А-а-а! — закричал он. — Мама! Там птица страшная...! Птица стьясная...! Пти, ти, эв-эв-эв...!

И вот его подняли сильные руки, и он, успокоившись, припал к чему-то очень упругому и большому. Он с жадностью пил утешающий сок, исходящий из этого большого, и вот он почувствовал блаженную сытость, и его стало клонить в сон.

Счастье Лина Пе было абсолютным.

Перевод с датского Ольги Маркеловой

ФРАНЦИСК ЛОКАТЕЛЛИ (1691 – ?)

МОСКОВИТСКИЕ ПИСЬМА

ПИСЬМО II¹.

Сударь,

Я использую моё пребывание в Казани как для того, чтобы поправиться от большой усталости, так и для того, чтобы наверстать, насколько возможно, всё то время, которое я потерял. Но как трудно возместить потерю для вас полных двух лет, в которые я хранил полное молчание. Напрасно я думал об этом, эта задача мне кажется полностью невозможной. И в самом деле, каким образом засвидетельствовать мою признательность, которой я вам обязан за то, что вы для меня сделали. Нет, сударь, я думаю, что никогда не смогу быть в состоянии ответить на вашу доброту, *Nec si Nestoreos compleam annos*².

Моё последнее письмо известило вас о моём прибытии 20 октября в Казань. Тогда был такой страшный холод, что того же дня река замёрзла наполовину. У меня было так мало решимости побыть в Казани некоторое время, что моей первой заботой было узнать, не отправляется ли какое-либо судно в Астрахань. Труды мои были напрасны, время года для этого было уже слишком позднее, чтобы я мог что-нибудь найти. Я был вынужден нанять для себя одного барку. Вскоре были сделаны приготовления для моего путешествия. Узнав о моём отъезде, мои друзья пустили в ход все средства, чтобы я остался. Особенно господин де ла Круайер представил мне множество ожидающих меня трудностей, с такой силой изобразил опасности, которым я собираюсь себя подвергнуть, что я решился, наконец, подождать случая совершить путешествие по суше. Было трудно не уступить настоятельным просьбам, сделанным по этому поводу. После принятия этого решения, мне стали искать небольшое жильё, и так как я предвидел, что моё пребывание в Казани будет долгим, я озаботился

¹Вступительная статья «Московитские письма» Локателли и пер. с фр. Письма I опубликованы в 14 выпуске журнала «Переводчик», СС. 137–151. (Прим. ред.).

²Даже если доживу до несторовых лет (лат.). Нестор, царь Пилоса (в Мессении, старейший участник Троянской войны.). (Прим. пер.).

покупкою вещей, в которых видел необходимость. Затем возник вопрос об образе моего поведения в этом городе. После долгого размышления я заключил, что мне не следует в нём оставаться неизвестным и подозрительным человеком. Я нисколько не сомневался, что господа профессора не говорили обо мне, но я абсолютно не знал, что об этом думают. Известившись, что губернатор¹ был человек знатного происхождения, путешествовал и понимал по-французски и по-итальянски, я принял решение, которое мне показалось самым подходящим честному человеку.

Я отправился к нему с визитом 28 октября и сказал ему следующее:

— Сударь, поскольку я уверен, что позволено злоупотреблять вниманием публики лишь по предметам, которые касаются только меня лично, я также считаю, что не позволено быть навязчивым человеку вашего положения и ранга. Вот мой паспорт, в котором я назван купцом под вымышленным именем, хотя я человек знатный и офицер. Я намереваюсь поехать в Персию и представиться принцу Гессен-Хомбургскому, чтобы служить под его командой в войсках его величества. Я прошу вашей милости дать мне сопровождающих, чтобы мне путешествовать в полной безопасности. Я не преминул сообщить ему моё настоящее имя и сослался на обстоятельства, которые вынудили меня его скрыть. Он мне ответил вежливо, но сильно смутившись. «Я сочувствую вам, — сказал он, — в ваших несчастьях, и я позабочусь отправить вас с первой представившейся okazji». Он попросил меня повторить моё настоящее имя и записал его. Речь, с которой он ко мне обратился, была весьма любезной, но видя, что его вид и состояние ей не соответствуют, я ему ответил: «Сударь, поскольку моя личность может показаться вам сомнительной, вот моя шпага, я готов сделаться заключённым, где вам будет угодно, до тех пор, когда вы узнаете, кто я и каково было моё поведение». Губернатор прибавил к своим словам: «Сударь, не бойтесь ничего, я признаю по вашему виду и речи, что вы тот, каким себя называете, не беспокойтесь ни о чём и считайте, что я вам дам место на первом корабле, который отправится в Астрахань». На этом я распрощался, тем не менее, не зная, какое решение принять:

¹Казанским губернатором в 1732–1735 гг. был Мусин-Пушкин гр. Платон Иванович, действительный статский советник. (Прим. пер.).

удивление, которое я заметил на его лице, не предвещало мне ничего хорошего.

По выходу от губернатора я отправился к господину де ла Круайеру, чтобы ему сообщить, что только что произошло. Я был слишком обязан ему, чтобы что-либо скрывать от него. Поскольку он был в компании, я рассудил неудобным сказать ему что-либо на людях и хотел дожидаться, когда он останется один, чтобы поговорить с ним. И только я было уселся, как вошёл комендант города с полудюжиной солдат с примкнутыми штыками. Первым его требованием было сдать шпагу. Не колеблясь, я передал её ему, говоря, что господин губернатор мог бы получить её сам и избавить его от этих хлопот. Он меня не слушал, но делал всё с гораздо большей вежливостью, чем можно было ожидать от москвиты. Я должен отдать ему справедливость, что из всех тех, с кем я имел дело, он был единственным, кто поступал так учтиво. Я готов почти поклясться, что он происходит из какой-то татарской семьи: по меньшей мере, очевидно, что в его сложении и лице много черт этого народа, у которого ничего общего с москвитами. Прежде всего, под его власть попала моя комната, он удалил из неё г. де ла Круайера и его собеседников, оставив меня под охраной капрала и шести солдат с примкнутыми штыками, отправился отчитаться об исполнении приказа к губернатору. В то время, когда он выходил, я сказал господину де ла Круайеру не беспокоиться ни о себе, ни обо мне, и что его вежливость по отношению ко мне не принесёт ему никакого вреда. Комендант вернулся через полтора часа и, усадив меня в свои сани, повёз меня на мою квартиру, где с крайней точностью было обследовано всё, что мне принадлежало. Один молодой человек офицерского вида, но нисколько не манер, выполнял эту функцию. Потребовалось, чтобы все мои тряпки прошли перед его глазами. Он развертывал и свертывал мои рубашки, чтобы увидеть, нет ли там чего-нибудь спрятанного. Наконец он обшарил всё в квартире, ничего не оставив без внимания. Комендант, довольный тем, как он справился со своим поручением, насмешливо сказал ему: *«Ты понимаешь в лакействе, как нельзя лучше»*. Я принял этого человека за офицера, поскольку он был в мундире, но если это так, судите, что это за офицеры в Московии. После подробного осмотра найденного, был сделан пакет из моих книг и нескольких

записей, в которых не было ничего важного. Всё это было собрано и унесено.

Когда таким образом было поступлено с моим добром, занялись моей персоной. Я был отведён в кордегардию, которая находится напротив дома губернатора. Там меня поместили в комнату офицера, где солдат со шпагой в руке не спускал с меня глаз. Я с нетерпением ожидал, что губернатор пошлёт за мной или даст знать, что было решено сделать со мной. Было уже за полдень, а я ещё никого не видел, кроме дежурного офицера караула и входивших и выходивших солдат. Потом принесли очень скудный обед для офицера и другого человека, с которым он должен был есть. Меня пригласили порядочным образом разделить их трапезу. Я посчитал долгом их благодарить, но спросил знаками, не пошлёт ли губернатор мою порцию, мне дали понять, что нет. Настойчивость, с какой я пытался найти, с кем говорить, также оказалась бесполезной: мне дали понять, что на это не стоит надеяться. Тем не менее, голод давал о себе знать и, видя, что ничего не происходит, мне пришлось принять сделанное мне предложение. Никто ко мне не приходил и не сообщал ничего до конца дня. Когда настала ночь, я вынужден был провести ночь на скамейке, где довольно спокойно продолжал спать, вынув из кармана нож, сильно мне мешавший, который у меня отобрали со стола, где я его оставил.

На следующий день ко мне относились не лучше, чем в предыдущий. Бесполезно прождав до полудня решения моей судьбы, я вызвал офицера, которому знаками весьма резко дал понять, что со мной поступают плохо и что нужно, чтобы он отправился сказать это к губернатору или отправить мне переводчика, или пусть он позволит мне самому с ним поговорить. Этот офицер был удивлён до последней степени: видеть заключённого, жесты которого выражали не меньше гордости, чем угрозы в тоне голоса, — немедленно вышел, чтобы через мгновение снова войти, и сказать, что губернатор отсутствует. Хотя ответ этот не был удовлетворителен, я, однако, попытался дать понять о многих других вещах с тем же самым успехом: он понял только, что я хотел знать, пошлют ли мне поесть, и он снова ответил, что нет. Я понял, что придётся раскошелиться: я бросил рубль на стол и сделал знак, чтобы мне принесли что-нибудь поесть.

Будет уместным заметить, что в Казанском царстве рубль большая сумма, на которую человек может весьма хорошо питаться, прожить целый месяц. Поскольку деньги чрезвычайно редки в этой местности, всё продаётся чуть ли не за гроши. Целый баран стоит десять солей¹, курица одно су, и тридцать яиц не больше. За четыре-пять рублей можно купить самую лучшую лошадь на рынке. Лучший бык стоит только две таких монеты. Без сомнения, вам известно, что рубль – это серебряная монета и стоит приблизительно четыре ливра десять солей во Франции.

Мне вернули сдачу с рубля, который я дал, но нетрудно было заметить, что поставщик провизии москвит, по крайней мере, такой же вор, как и в других странах. Тем не менее, я вынужден был быть часто обманутым таким образом во всё время моей неволи. Я считал себя счастливым, когда находил людей, довольствовавшихся малым; но это редкое явление в Московии. Простите мне, пожалуйста, это маленькое отступление. Вам будет, может быть, любопытно узнать, чем я угощался на моём обеде. Вот из чего он состоял. Мне дали хлеба, пива и большой кусок варёного осетра. Как только я уселся за стол, присутствующий при этом капрал посчитал своим долгом мне служить столыником с тем же самым ножом, который он у меня отобрал предыдущей ночью. Я расхохотался, положив руку на нож, показав знаком, что я не нуждаюсь в его услугах. Видя, что капрал не хочет его выпустить из рук, я повысил голос и начал злиться; моя стража, испугавшись, посчитала уместным вызвать офицера. Тот прибежал испуганный и, узнав в чём дело, подал мне руку, попросив дать слово, что не произойдет никакого зла. Удовольствовавшись моим обещанием, приказал вернуть мне нож, но не разрешил держать его после обеда. Эта маленькая сцена дала мне понять, в чьих руках я нахожусь, и рассудить, какое обращение ждёт меня в будущем. *Me scivi in media vivere Barbaria*².

Мне вернули вещи после обеда, и я обнаружил, что часть из них была украдена. Бельё, которое я отдал в стирку, мне вернули совсем мокрым, поскольку у меня забрали вместе с другими бумагами счёт моей прачки, который, я думаю, отправлен тоже в

¹ Соль (sou, sol) – франц. монета в 5 сантимов. Сантим (centime) сотая часть франка. (Прим. пер.).

² Я понял, что живу в стране варваров (лат.).

кабинет Императрицы. Что до квитанции оплаты за жильё, которую я оплатил заранее, и другие купленные мною вещи, никто не потрудился мне их вернуть, и они даже нигде не были упомянуты. Однако я упорствовал в требовании переводчика или, по крайней мере, чтобы привели к губернатору, но все мои настояния по этим вопросам были бесполезны. Я понял тогда, что мне следует приготовиться к возвращению в Петербург и, как следствие, к путешествию длиною в 500–600 лье¹. Для этого я захотел купить что-либо, чтобы укрыться от холода, но не нашёл никого, кто мог или хотел меня услышать. Что же до моей судьбы, о ней абсолютная неизвестность.

На следующий день человек принёс мои книги, которые положил в сундук, оставив в моём распоряжении только русский календарь и словарик. Мне разрешили иметь несколько рубашек, а всё остальное было сложено и запечатано. К четырём часам вечера меня под охраной одного сержанта и двух солдат привезли в предместье, где я провёл ночь в крестьянской избе. И там я начал просто-напросто поднимать шум. Я отдал мою шпагу коменданту города, как я сказал выше, и она осталась в тюрьме. Когда меня из неё выводили, я сказал сержанту забрать её, но караульный офицер, которому, видно, она понравилась, отказал ему под предлогом, насколько я мог понять, что комендант мне её перешлёт. Прождав бесполезно некоторое время, я заявил сержанту, что не поеду без шпаги. Я стал так резко говорить об этом, что он решился идти за ней и вскоре принес её мне. К счастью для меня, у хозяйки дома, где я был, была совершенно новая шуба из овчины, от которой, как мне показалось, она с удовольствием избавится, потому что из неё осыпался мех. Она предложила мне её купить, что я и сделал, и эта шуба впоследствии сослужила хорошую службу. Во время моего пребывания в Твери я заказал чёрную лисью шапку, которая дорого мне обошлась и в то время была бесполезна. Я храню до сих пор эти два предмета из меха наряду со всеми другими принадлежностями моей неволи с надеждой вам их когда-нибудь показать.

Следующий день был днём моего отправления. Меня посадили в самые отвратительные, какие только можно найти, сани. И впервые в жизни я переезжал по льду замёрзшей реки. Эта река

¹ Лье (lieue) – четыре версты и 84 сажени. (Прим. пер.).

называется Казана, которая так замёрзла, что могла выдержать тяжёлый груз. Переезд через Волгу казался мне смертельно опасным. Эта река чрезвычайно широка в том месте, где я должен был переехать: я думаю, что не преувеличиваю, что она в половину лье шириной. У берега лёд был довольно крепкий, но по мере того, как мы продвигались далее, появились большие плывущие льдины. Посреди реки нас ожидала барка. Чтобы добраться до барки, нужно было преодолеть пространство шагов в триста-четырееста, перепрыгивая с льдины на льдину. Сначала меня эта опасность ужаснула, и я посчитал безрассудством на это решиться. Однако подумав, я осмелел и решился рискнуть и одолеть этот опасный участок. Я хотел показать пример трём москвитам, которые должны были последовать за мной. Множество людей собиралось перебраться через реку, но, увидев ожидавшие их опасности, мудро решили воздержаться.

На берегу осталось только двое татар и один московит. Семь или восемь человек предложили помощь из нескольких досок, которые можно использовать в самых опасных местах, но снова поразмыслив, я посчитал, что будет уместно раньше проверить, как два татарина сумеют преодолеть этот опасный участок. Я не без смеха видел, как они прыгают с одной льдины на другую, и через некоторое время добираются до барки, без каких-либо происшествий. Ободрённый их примером, я уже не колебался последовать их примеру. Сняв шубу, я приказал двоим людям идти впереди меня, а сам пошёл следом за ними. Я считал, что таким образом подвергаюсь меньшей опасности, чем если бы выбрал другой путь. Дорога мне показалась немного длинной, но, наконец, сделав последний и радостный прыжок, я очутился в барке. Два моих татарина знаками показали мне своё восхищение, что я рядом с ними, да и я был рад не менее, избегнув такую большую опасность.

Один московит, менее смелый, чем остальные, хотел пройти последним и чуть не погиб. Он был ещё на половине пути, как провалился между двух льдин, которые, к счастью, оказались довольно крепкими, чтобы он смог удержаться на обеих руках. Один из прохожих, оказавшихся недалеко от него, оказал ему помощь и он выбрался на лёд, но, увидев, что он ближе к берегу, чем к барке, предпочел вернуться, чем подвергнуться новым

опасностям. Барка с большим трудом перевезла нас на другой берег. Беспрерывно мы наталкивались на льдины, не имея возможности их обойти.

Перебравшись на другой берег, я побежал к ближним домам, чтобы укрыться от пронизывающего холодного ветра, дувшего с севера с огромной силой. Мои конвоиры ещё не пришли в себя от такого опасного переезда и, занятые моим багажом, и не думали следить за мной. Между тем я вошёл в маленькую церквушку, поскольку дома были закрыты. Там я возблагодарил от всего сердца Господа Бога за спасение от такой большой опасности и остался там без какой-либо другой мысли, кроме как укрыться от холода.

В это же время конвоиры, не видя меня, встревожились и бросились бежать к домам, не подозревая, что меня там нет. Когда они прибежали, то были сильно удивлены, а я, видя их в сильном недоумении, с удовольствием не пытался их разуверить. Все-таки скоро я появился, не желая чересчур их беспокоить, так как они боялись, как бы я не убежал.

Мы разместились в доме невдалеке от места нашей высадки, настроившись провести ночь и оправиться от большой усталости. Этот день мог считаться одним из самых тяжких, из тех, которые мы должны испытать, хотя наш путь был и короток. Когда мы добрались до нашего крова, я постарался убедить сержанта, на обязанности которого было моё конвоирование, что он должен быть спокоен на мой счёт, и что я ему обещаю не предпринимать ничего, чтобы противоречило полученным им приказам. Он меня понял и протянул руку, очень довольный моим поступком. С тех пор со мной не поступали, как с арестантом, и мои конвоиры стали моими слугами. После лёгкого ужина я улёгся спать. Ночь оказалась очень длинной, у меня было время выспаться и подумать не спеша о моей несчастной судьбе. Может быть, вы не рассердитесь узнать об этих размышлениях.

Эти мысли вертелись в большинстве случаев вокруг того, что только что со мной произошло. Сначала я вспомнил о том, что сделал Петр Великий, тяготы, которые он взвалил на себя, потоки крови, которые он вынужден был пролить, чтобы вытащить своих подданных из моря варварства и невежества. Перед моим мысленным взором снова прошли его путешествия, иссле-

дования, труды и учреждения, и я говорил себе: каковы результаты усилий великого монарха в преобразовании своего народа? Возможно ли, что его подданные остались такими же варварами, какими были задолго до его царствования? Где плоды его трудов? Я не мог увидеть, что этот государь изменил дух своего народа, и я слишком испытал это на самом себе.

После этого я перешёл к испытанному обращению по отношению к себе, обращению самому несправедливому, затем задумался о другом. Управление Казанской губернией, говорил я себе, должно рассматриваться по многим основаниям, как одно из главных назначений, даваемых Двором. Как следствие, тот, кто занимает это место, должен считаться одним из лучших подданных. Однако этот самый человек, считаемый таковым, ведёт себя самым несправедливым образом. В нём нет ни христианства, ни человечности. Это самая низкая и подлая душа, какую только можно представить. Одним словом, это варвар. Не показал ли он по отношению ко мне, что он последний из людей? Какое право имел он арестовать иностранца, который, опираясь на международное право, путешествует под вымышленным именем и о котором неизвестно ничего, что могло бы подать повод к малейшему подозрению? Будет ли актом христианского милосердия заставлять ехать в такое время года, когда самый загробелый в трудах москвит не покидает свой дом? Не должен ли бы он осведомиться, имею ли я чем укрыться от зимней непогоды, в климате, к которому я совершенно не привык. Не жестоко ли, заключить меня в тюрьму, не осведомившись, могу ли я там прокормить себя? Он прекрасно знал, что, не зная языка, я не был в состоянии попросить самое необходимое. Не должен ли бы он отдать приказание, чтобы у меня не отобрали часть моего имущества? Наконец, сударь, вам не жалко было видеть меня при переправе через Волгу? И если бы я погиб на ней, не был бы казанский губернатор виновным в моей смерти? Я не могу не рассматривать это происшествие как самую большую опасность, испытанную мною в жизни.

Но пойдём дальше. Кто тот, к кому проявил он столь недостойное отношение? Это знатный человек, что он признал сам и кого он пожалел в его несчастьях. Это откровенный человек, который с открытым сердцем прибег к нему, чтобы попросить по-

мощи. Чтобы успешнее захватить и предать меня, он начал с красивых слов, он уверил меня, что я не должен ничего бояться и что он обеспечит мне средства для моего путешествия в полной безопасности. Какая низость и какая бесчувственность! Скажите мне, прошу вас, разве не было другого средства взять меня под стражу, кроме предательства? В другой, во всякой другой, немного более цивилизованной стране губернатор повёл бы себя совершенно отличным способом. Он сказал бы: «Сударь, я расстроен тем, что не могу вам предоставить одолжение, которое вы просите, обстоятельства времени и распоряжения, полученные от правительства, обязывают меня вас задержать, чего я не могу не исполнить, но, тем не менее, будьте уверены, что я сделаю всё, что будет от меня зависеть, чтобы вам помочь и облегчить ваше состояние во всё время вашего задержания». Если бы казанский губернатор так говорил со мною, он выполнил бы приказы правительства, если имел таковые, а я совершенно был бы далёк от того, чтобы жаловаться на подобный приём, я бы не преминул засвидетельствовать ему мою признательность. Но так не поступают в Московии. В ней человека арестуют без всякого основания, без проверки, без заявления ему малейшего предлога, с ним немедленно поступают, как с государственным преступником, его держат под стражей, отказывают в ноже и вилке, обкрадывают его. Народы, ведущие себя таким образом, могут ли считаться цивилизованными? И кто же тогда варвары, если не они? Конечно, если бы я попал в руки мурзы, татарского вождя, живущего в Казани, я б никогда не встретил подобного обращения. Однако тех, которые считаются варварами, никто ещё не вознамерился извлечь из их варварства. Между ними и москвитами есть огромная разница; но у них нет пороков, в которых с большим основанием упрекают москвитов. Видя татар, я склонен верить тому, что нам было сказано об их великих деяниях, в результате которых они распространились по всей Азии и в части Европы. Но нынче, к самому великому несчастью, многие ветви этого отважного народа находятся под московитским игом. Признаюсь, что этот факт выше меня, и я с трудом его понимаю. Правда, что русские относятся к ним с большим почтением, это частично объясняет тот факт, что они держатся спокойно; но поскольку

они не рождены, чтобы пресмыкаться перед подобными господами, я почти не сомневаюсь, что однажды они свергнут это иго.

Вы рассудите, сударь, о долготе ночи по этому из моих размышлений. Но, наконец, настаёт день, надо вставать и отправляться по дороге на Москву во время, когда земля засыпана снегом. Мы много проехали в этот день, и большей частью по лесным дорожкам и тропинкам. Я вынужден был лежать в санях, чтобы не задеть за ветки деревьев, но, тем не менее, ехал весь засыпанный снегом, который поминутно падал на меня. К вечеру мы приехали в небольшую деревню, дома в ней показались отличными от московитских. Мужчины и женщины были одеты иначе, и речь их была нерусской. Я понял, что я нахожусь среди татар черемисов, и был этим очарован. То, что я узнал об этом народе, я заметил сам в Казани, и вынес о нём самое благоприятное впечатление. Я с большим удовольствием рассматривал их дома, мебель, в особенности одежду женщин, которая показалась довольно примечательной.

В то время, когда всё это меня приятно занимало, я испытал досаду, когда мои конвоиры стали буяннить и нападать на хозяйку. Эти негодяи имели свои виды, когда поехали не по обычной дороге. Самый дикий среди них посчитал своей обязанностью обижать бедную старушку, виноватую только тем, что захотела защитить свое добро. Я посчитал нужным стать на сторону этой женщины: я вырвал толстый кол из рук солдата, и при помощи нескольких знаков и слов мне удалось его утихомирить. Тем не менее, я понял, что добрые черемисы были обязаны угощать моих конвоиров и снабжать всем, что они ни потребуют. Что до меня, то я хотел удовольствоваться немногим, в соответствии с планом, который я составил по способу своего питания во время путешествия. Вам следует знать, что во всей Московии нет ни одного трактира, где можно остановиться и поесть; в них продают только пиво и водку. Бросив на стол несколько монет, я сделал знак, чтобы мне принесли несколько яиц. У меня взяли только один соль, за который принесли три десятка. Я засмеялся, увидев, что с такой малостью денег мне купили такое большое количество. Я взял полдюжины самых свежих, остальные оставил хозяйке. Один из моих конвоиров из жадности хотел их забрать, но я ему показал знаками, что у него было чем хорошо угоститься. Весь

мой ужин состоял из шести яиц и винной водки, смешанной с водой. Я мог бы выпить и пива, но оно было такое плохое, что не было никакой возможности его попробовать. Таково было моё питание от Казани до Москвы, но это ни мало не повредило моему здоровью, и по приезде в Москву оно было превосходно. Когда встал вопрос о сне, мне предложили скамью, так как во всей Московии путешественнику не следует ожидать другого ложа. К счастью, я достал перед моим отъездом хороший матрас, который сильно выручал меня впоследствии.

На следующий день мы продолжили нашу дорогу. Мои конвоиры, с мыслью о грабеже, захотели сделать остановку к полудню: я прекрасно видел их цель, но у меня не было возможности противиться этому. Однако, подумав, насколько это замедлит мой путь, я отвел сержанта в сторону и по-доброму пытался убедить его, что поведение его людей может стать источником какой-нибудь неприятности. Это представление не произвело большого эффекта: он привёл мне весьма неубедительные доводы, которыми пришлось удовольствоваться. Каждый день я с печалью видел, как эти разбойники переходили из дома в дом бедных татар, у которых требовали всё, что хотели. Я посчитал нужным принять некоторые меры предосторожности в случае какого-нибудь беспорядка. Следовало опасаться, что татары, доведённые до крайности, убьют конвоиров вместе с их пленником. Я решил при таком состоянии дел необходимо примкнуть к более сильным. Я никогда не терял из виду мою шпагу – единственную мою защиту. Чтобы быть в хороших отношениях с татарами, я не входил ни в один дом, чтобы не раздать немножко денег детям, и поскольку у меня был большой запас белого хлеба, я непременно раздавал несколько кусков, за которые меня всегда благодарили. Мои конвоиры, хотя и с большой придурью, всё-таки соблюдали предосторожность в том, чтобы не останавливаться в больших деревнях, чтобы грабить с меньшей опасностью для них. Я мог только жалеть о своей судьбе, бросившей меня в руки этих разбойников. Тысячи раз я проклинал губернатора, отдавшего меня под их охрану. Когда я обращал внимание на плохое соблюдение ими дисциплины, я говорил сам себе: *Quid Domini facient, audent cum talia Servi!*¹

¹ Что господа делают, на то отваживаются и слуги! (лат.).

Моё тягостное настроение, в которое я был приведён, дошло до крайней степени печали, я не мог об этом подумать, не погружившись в смертельную тоску. Я видел себя вынужденным проезжать по почти неизвестной стране в санях меж снегов, одетым, как дикарь, не находя в этой обширной пустыне ни еды, ни питья. Трое солдат рядом со мной, люди безнравственные и бесчеловечные, с которыми я не мог общаться. Иногда я пытался разгонять мои чёрные мысли выражением *sic erat in fatis*¹.

Я должен не забыть сказать, что по дороге у меня произошла стычка с тем, кто правил моими санями. Это маленькое происшествие многого не даст в понимании характера москвитов. Этот мерзавец, который заслуживает это имя и имя предателя тоже, находил удовольствие приветствовать ударами кнута со всего размаха всех черемисов, которых встречал по дороге. Сначала я считал, что будет достаточным дать ему понять, что это развлечение мне не нравится, и ему следует его прекратить. Но мои призывы были бесполезны, а терпение подходило к концу, и я ударом кулака сшиб его с саней. В своё оправдание он привёл довод, что эти люди не христиане. Это был бы прекрасный повод прочитать урок морали, но тогда бы понадобилось, чтобы меня могли понять, а с другой стороны, чтобы этот человек имел какие-то религиозные принципы, что весьма редко среди москвитов.

Кстати о христианах. Следует сказать здесь, что москвиты считают себя единственными обладателями права носить это имя. Они смотрят на все остальные народы, даже на европейцев, как на идолопоклонников, которые не имеют представления об истинном боге: *Qualibus in tenebris vitae*². Как они жалки! Они не замечают глубокого невежества, в которое сами погружены. Какое богослужение среди них! Какая вера! Какие нравы! Я особенно имею в виду тех, которые занимают высшие должности и кто должен бы был служить примером для других. Чтобы ограничить мои размышления на эту тему, я удовольствуюсь рассмотрением, что такое монахи. Этот род людей встречается везде по стране, в большинстве своем пьяницы, живущие в преступной праздности, и предающиеся всем видам пороков. Суеверие цар-

¹ Так было суждено судьбою (лат.).

² Которые прозябают во мраке (лат.).

ствуется в их монастырях гораздо больше, чем где-либо. Они совершают преступление, поклявшись в целомудренном воздержании, которое никогда не соблюдают. Они мечтают только жить в своё удовольствие, без трудов, на покое; они укрываются в монастырях из-за страха умереть с голоду или идти на военную службу. Когда я спрашивал, к чему служит такое большое число тунеццев, мне всегда отвечали, что у них обязанность молиться Богу.

Таков характер монахов и всего духовенства в Московии. Если бы эти лицемеры, выдающие себя за святых, имели хоть какое-нибудь рвение к религии, страдали ли бы они от того, что среди них находятся народы-идолопоклонники, в число которых входят черемисы, живущие в самом центре московитской империи? Правда, что эти духовные лица должны бы были изменить свои нравы перед тем, как отправиться проповедовать евангелие: иначе они рискуют не обратить ни одного человека в христианскую веру. Все эти язычники живут в простоте и в соответствии с законами, которые природа предписала всем людям, и конечно, они будут мало расположены слушать людей, ведущих совершенно скандальный образ жизни. Вы найдёте, сударь, это отступление несколько длинным, но этот предмет незаметным образом перенёс меня за границы, которые я сам себе предписал. На эту тему мне будет ещё много что сказать; *Verum animo satis haec vestigia parva sagaci*¹.

И вот я приезжаю в маленький город по имени Сабацар, когда-то бывший столицей края. Запасшись провизией и купив, чем покрыть сани, мешок для ног, продолжаю мой путь с несколько бóльшим удобством. Мои исполнители поручений, на кого я возложил покупки, себя не забыли. Мало довольные тем маленьким подарком, который я им сделал, они удержали часть доверенных им денег. Я не преминул указать им на эту мелкую кражу, но оказалось, что я разговариваю с глухими, впрочем, москвит никогда не возвращает. Что меня немного утешало во всех моих обидах, так это то, что эти люди служили мне вместо слуг. Я был им как вождь и начальник, а не как арестант. Я был рад сохранить некоторую власть над моими конвоирами, особенно с теми, с кем имел дело с начала и до конца моей неволи. В некоторых случаях я использовал строгость по отношению к ним, а в других я был

¹Но проникательной душе довольно и маленького шага (лат.).

мягок, как ягненок. Хорошо с самого начала держать их в узде, не будь этого, я рисковал бы быть дважды их невольником. По природе своей московиты очень грубы, но в то же время боязливы и трусоваты; и как только они увидят, что им сопротивляются, они не осмеливаются больше предпринимать что-либо. Трусливый человек обычно предатель по натуре, но, чтобы не опасаться его, не следует его щадить и бережно обращаться с ним.

Из Сабацара мы отправились в Нижний Новгород и оттуда в Москву, куда приехали 23 ноября. Без сомнения, вы думаете, что после моего приезда в столицу такой обширной империи, вещи должны приобрести другой оборот; что я там найду других людей и особенно более просвещённого губернатора, более справедливого и человеческого, чем в Казани и, как следствие, что вскоре я буду отпущен на свободу, или, по крайней мере, со мной будут обращаться с манерами, более соответствующими моему рангу. Если вы, сударь, так думаете, то сильно ошибаетесь. Московиты везде московиты, вы найдёте их в Москве такими, какими их видели в Казани. Представьте жителей этого большого города как новую колонию лапландцев, самоедов и остяков, которые считаются самыми глупыми народами севера, и тогда вы, по меньшей мере, будете представлять характер тех, кто живёт в этой столице. Не думайте, однако, что эта параллель верна во всех отношениях. Московиты бесконечно ниже всех этих народов: они больше варвары, более несправедливы и менее милосердны. Доказательства, которые я вам дам в будущем, не оставят вам никакой возможности сомневаться в этом. Я хотел бы это сделать сейчас, но уже время кончать это письмо, которое и так слишком длинное. *Verbum non amplius addam*¹.

(Из книги Ф. Локателли «Московитские письма». Перевод с французского Н. Епишкина. Чита: «Профи», 2014).

Перевод с французского Николая Епишкина

¹Больше не добавлю ни слова (лат).

ЛЕГЕНДЫ АЛЯСКИ

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ РАЗВЛЕКАЛ МЕДВЕДЕЙ

Жил некогда человек, который потерял своих близких во время ужасной эпидемии, поразившей людей его деревни. Остался он совсем один в целом свете и очень загрустил. Не знал, что делать. Сначала он думал сесть в своё каноэ и плыть куда глаза глядят, пока не приплывёт к другому поселению. Потом ему в голову пришла мысль: люди ведь могут решить, что он сбежал из дому из-за обвинения в колдовстве или другого постыдного дела.

Подумывал он и том, чтобы лишиться себя жизни, но не захотел. И наконец, он пришёл к выводу: нужно идти к медведям и позволить им его убить. Нашёл человек медвежью тропу и шёл по ней до тех пор, пока не услышал, как трещат кусты, и не увидел нескольких гризли. Во главе стаи был невероятно огромный медведь.

И вдруг человек испугался, осознав, что выбрал тяжкую смерть. Он встал и заговорил с вожаком.

— Брат, — сказал он. — Я пришёл пригласить тебя на пир в честь моей смерти. Я потерял своих детей, жену, и не осталось никого из моего рода и племени. Ты поможешь мне почтить их духов?

Самый огромный медведь повернулся к остальным и заскулил, будто передавал им приглашение. Потом все звери ушли, и человек поспешил домой, готовить угощение. Он убрал весь старый песок из очага и засыпал свежего. Он принёс кучу дров и собрал много ягод, и клюкву, и чернику. Он также сказал соседям, кого ждёт в гости, и все они решили, что он сошёл с ума от горя.

На следующее утро он рано встал и раскрасил себя с необычной тщательностью. Когда всё было готово, он встал у двери, ожидая гостей. Наконец он увидел их: медведи входили в устье реки, один за другим, во главе топал громадный медведь, как и днём раньше. Другие жители деревни тоже их увидели, разбежались по домам и спрятались, дрожа от ужаса и страха; но хозяин стоял, как и прежде, чтобы встретить их и усадить на почётные места, а вождю определить место в центре, как велел обычай.

Вначале он подал им на больших подносах клюкву в топлом сале, и как только медведь-вожак начал есть, другие после-

довали его примеру. Остальные блюда были поданы и съедены точно так же. Когда все закончили трапезу и собирались уходить, каждый медведь подошёл к нему и слизал немного краски с лица и рук в знак симпатии.

На другой день самый маленький медведь вернулся к нему в человеческой форме и заговорил на понятном языке. Он поведал, что когда-то был человеком, его похитили и усыновили в племени медведей.

— Вождь медведей, — сказал гость, — очень соболезнает тебе, потому что тоже потерял всех своих друзей. Он понимает твоё горе и поэтому отказался убивать тебя. В его присутствии мне не позволялось говорить, но теперь вот что: помни о нём, когда захочешь смерти.

С тех самых пор старики, убивая гризли, рисуют крест на его шкуре. Также обычай требует, чтобы ты, готовя пир, пригласил всех, даже своих врагов, как сделал это человек, пригласивший медведей — врагов его племени.

БОБЁР И ДИКОБРАЗ

Давным-давно бобёр и дикобраз были товарищами и всюду ходили вместе. Известно, что бобры очень боятся медведей, ведь те ломают плотины, выпускают воду, ловят бобров и съедают. Но медведи опасаются острых игл дикобраза, потому-то он и охранял своего товарища. Дикобраз частенько навещал бобра в его домике, сухом и уютном, и порой, увы, раздражал хозяина, оставляя на полу свои иголки.

Как-то раз дикобраз позвал своего друга, и бобёр предложил подвезти его на своей спине, поскольку колючий зверёк не умел плавать. Но вместо того, чтобы отнести дикобраза в свой домик под запрудой, бобёр доплыл до высокого пня в центре озера, и бросил его там!

Пришлось дикобразу сидеть на пне, пока озеро не замёрзло, и он не сумел добраться по льду до дома.

Бобёр сказал, что все это была просто шутка, и парочка снова стала дружить, как раньше. В один прекрасный день пришёл медведь.

– Что делать? Спаси меня! Помоги! – кричал бобёр в панике.

– Конечно, друг, влезай мне на спину, и я отвезу тебя в безопасное место, – сказал дикобраз.

Бобёр сделал так, как велено, и друг поднял его на вершину очень большого дерева и оставил там. Бобёр понятия не имел, как лазать, и боялся спуститься самостоятельно.

– О, помоги мне! – закричал он, но без толку. Бобёр просидел на дереве так долго, что голова закружилась, и он едва не погиб от голода. Наконец, он сумел сползти вниз, и говорят, что именно после этого кора деревьев стала такой грубой и в царапинах. Говорят также, что после этой истории даже лучшие друзья, поссорившись, окончательно расходятся.

ГОРНЫЙ ЖИТЕЛЬ

Как-то раз две сестры из хорошей семьи очень проголодались и украли у матери немного жирного мяса, хотя им строжайше запрещалось есть что-либо между завтраком, обедом и ужином.

Когда мать это обнаружила, она сильно разозлилась, особенно на старшую дочь, потому что младшая была совсем ещё ребенком. Женщина не только обругала дочь, но и жестоко её побила. А в конце сказала: «Если уж ты так любишь есть, иди-ка лучше, да стань женой Горного Жителя!»

Говорят, Горный Житель – существо, которое селится в одиночку в горах, и он великий охотник. До того случая ни один смертный никогда его не видел. Девочки гораздо больше обиделись из-за слов матери, чем из-за ударов, нанесенных старшей из них, и в ту же ночь, когда женщина уснула, они сбежали в лес.

Долго брели они там, плача от страха и голода, и наконец, услышали, как кто-то рубил лес вдалеке.

– Наверное, это и правда он, – сказала старшая сестра, и они пошли на звук.

Там стоял мужчина, чье лицо было раскрашено красной краской. Он был добр и спросил, что девочки делают так далеко от дома.

Как только сёстры всё ему объяснили, мужчина пригласил их зайти в его дом, стоявший рядом, и оказалось, что он велик и в нём большие запасы мяса. Они остались там по его просьбе, и старшая со временем стала его женой.

А мать скоро раскаялась в своих злых речах, и вместе с отцом отправилась на поиски дочерей. Когда же они не нашли девочек, то стали их оплакивать, как мёртвых. Прошёл год, и они уже справили поминальный пир, когда однажды Горный Житель сказал своей жене и её сестре:

– Хотите ли вы повидать снова отца и мать?

– О да, да! – воскликнула младшая, но старшая не хотела, поскольку обиду ей было тяжело простить. В конце концов, и она согласилась пойти, а муж тем временем поохотился и подготовил в подарок отцу жены много мяса.

– Сделай маленькую корзиночку, не больше кончика своего большого пальца, – сказал он; и когда всё было сделано, Горный Житель положил в неё все огромные запасы мяса, повесил себе на палец, и все трое спустились с горы к дому, где раньше жили девушки.

Их маленький брат играл у хижины и увидел всё первым. Он вбежал внутрь.

– Мама, мама! – закричал мальчик. – Мои сёстры приближаются!

– Чушь, – обругала его мать. – Твои сёстры давным-давно умерли, ты это прекрасно знаешь. Разве мы не устраивали поминального пира в прошлую луну?

– Что ни говори, я отлично знаю своих сестёр, и уверен, что это они, – настаивал мальчик. – Они идут – они уже здесь!

Мать подошла к двери, взглянула, и тут же кинулась обнимать своих дочерей, плача от радости.

На следующее утро старшая дочь сказала ей:

– Мама, неподалеку, в лесу, лежит корзина тебе в подарок. Пошли моего брата, пусть принесёт.

Мальчик пошёл и вскоре вернулся, жалуясь, что корзина слишком тяжела для него. Жители деревни тоже пошли на помощь, но даже все вместе не смогли поднять её. Наконец молодая жена сама сходила в лес и легко принесла корзину в одной руке. Но когда она поставила её в доме и начала раскрывать – о чудо! –

все кругом заполнилось и даже переполнилось всевозможными видами мяса. Случился большой пир, и все остались довольны. Одна беда – мать девушек так наелась, что ночью ей стало плохо, а к утру она умерла.

Эта история рассказана, чтобы ты победил жадность.

ТОТЕМ ОРЛА

Как известно, есть на свете племя, которое считает своим тотемом орла. Послушайте, как это было.

Давным-давно жил очень бедный человек, такой бедный, что не мог добыть себе достаточно пищи. Он плавал повсюду в маленьком каноэ, пытаясь поймать несколько мелких рыбёшек, чтобы не умереть от истощения. Как-то раз он ничего не поймал, а поскольку еды в лодку человек не положил, то сильно проголодался.

Ранним утром, лежа на берегу, он услышал голос – непонятно, откуда тот доносился. Голос промолвил: «Я пришёл за тобой». Человек огляделся, но увидел только молодого орла, сидевшего на ветке дерева. Голос произнёс вполне отчетливо: «Мой дед прислал за тобой». В этот раз орёл смотрел так, как будто у него была душа, и человек последовал за ним в лес.

Тропинка привела его в прекрасный большой дом, стоявший на вершине скалы, внутри которого было много хорошей еды. Были там и циновки, и другие удобные вещи, совсем как в настоящих домах. Орлы были добры к человеку, и, вспоминая о том, как люди обзывали и презирали его, он захотел остаться в этом доме навеки. Он женился на женщине-орлице и стал одним из них.

Мать и братья человека, как и он когда-то, прозябали в бедности, и хотя он сам теперь был богат, все-таки пожалел их. Когда бы он ни встречал брата на рыбалке, подбрасывал ему рыбу так, чтобы тот смог её найти. Брат поражался такой удаче и не мог объяснить её причины.

Однажды ночью матери приснился сон. Ей снилось, что в некоем месте лежит огромная рыба. Когда семья отправилась туда, рыба и вправду находилась там же, где и во сне. Вскоре женщине снова приснился сон – о том, что нужно переселиться на

определённое место, где они найдут много еды. Как только они пришли, увидели орла. Он принёс в клюве рыбу, сел на ветку неподалеку и воскликнул: «Не бойтесь, это я!»

Вот так и появилось племя Орлов, которое сейчас многочисленно и пользуется уважением всех людей.

ДЕВУШКА, КОТОРАЯ СТАЛА ЖЕНОЙ ДУХА ОГНЯ

Многие мужчины желали взять в жены прелестную дочь вождя, но она смеялась над всеми. Как-то раз, когда девушка сидела возле огня, искорка упала на её платье и прожгла в нём крохотную дырочку. В гневе она указала на огонь и обругала его плохим словом – характер у неё был вспыльчивый.

В ту же ночь дочь вождя исчезла. Все люди искали её. Они обыскивали каждый дом в деревне и в соседних деревнях, откуда родом были женихи девушки. Когда нигде не обнаружили следы, люди решили позвать мудрейшего шамана. В дальней деревне жил один прославленный шаман, и когда его призвали, он сказал вождю:

– Должно быть, дочь твоя молвила что-то, что огорчило Духа Огня. Разожги очаг как следует, и пусть каждый житель деревни сделает то же самое, тогда вы кое-что узнаете.

Вождь вернулся домой и послал глашатая попросить всех обитателей деревни разжечь огонь в очагах. Когда всё было сделано, девушка появилась среди очажных камней. Дух Огня взял её в жены!

После этого девушке было позволено проводить часть времени с родными, но каждый раз, когда горящее дерево потрескивало (ты, наверное, слышал, как это бывает), она знала, что муж-дух зовет её и вынуждена была уходить к нему.

Однажды, когда девушка была у отца и помешивала кипящий котелок с плодами мыльного дерева, молодой человек, давно в неё влюбленный и получивший заверения её матери в том, что сможет удержать желанную в мире людей, схватился за ложку. Внезапно огонь громко затрещал, и молодая жена испугалась.

«Он зовёт меня», – прошептала она и пропала. Больше никто её не видел.

ЖЕНА-ТЕНЬ

Один молодой мужчина потерял свою жену после нескольких дней брака и очень горевал. Ночью он лежал без сна и думал о ней. Так было и на вторую ночь, и на третью. Утром тело жены унесли, чтобы похоронить, а мужчина надел лучшую одежду и ушёл, куда глаза глядят.

Он шёл весь день и всю ночь, не останавливаясь; рассвет застал его в пути. Ему слышались вдалеке голоса, и он пошёл туда. Наконец он увидел в чаще леса просвет и вышел на берег тихого озера. Всё это время он шёл по дороге мёртвых, дороге духов, но не знал об этом.

На другом берегу озера мужчина увидел людей и позвал их, но, к его изумлению, никто его не заметил. Охрипнув от крика, он прошептал сам себе: «Отчего же, отчего никто не слышит меня? Ведь это не так уж далеко!»

И тут же они услышали. Один из них сказал: «Это пришедший из Страны Снов. Идёмте, перевезём его к нам!»

Они приплыли на каноэ и перевезли мужчину на тот берег, и едва он попал туда, как увидел первой свою жену! Её глаза покраснели, и он понял, что она оплакивала его. Какое блаженство – видеть её снова! Мужчина почувствовал неизъяснимую радость. Люди предложили ему поесть, но жена отговорила, сказав, что из-за этой пищи он никогда не сможет вернуться на землю.

И вот они вместе вернулись на Каноэ Духов, и рука об руку пошли вниз по длинной тропе к дому его отца. Они шли день и ночь и когда пришли, он оставил её снаружи и отправился поговорить с отцом.

– Отец, – сказал юноша. – Я привёл жену домой!

– Почему же ты не пригласил её сюда? – спросил отец.

Вместе они постелили шкуры, чтобы приготовить ей мягкое сиденье, юноша вышел, чтобы позвать жену, и вернулся, но люди увидели, что он один. За ним шла тень. И куда бы он ни направился, видно было, как она идёт следом. Днём жена-тень не разговаривала, но по ночам её голос был ясно слышен. Люди в доме жаловались, что этот голос не даёт им спать. Казалось, что супруги разговаривали и любили друг друга ночь напролёт.

Бывший возлюбленный женщины очень завидовал тому,

что муж своей любовью вернул её из Страны Духов, и однажды ночью спрятался за их постелью и внезапно отдёрнул занавес. Как только он это сделал, все услышали стук костей, потом тишину. Утром мужа нашли мёртвым, и души супругов ушли обратно в Страну Духов.

КОСТЕР, КОТОРЫЙ ГОРИТ САМ ПО СЕБЕ

Однажды зимой случился великий голод на реке Коппер. Люди начали умирать от истощения, вначале дети, затем старики, и наконец, погибли молодые и сильные – выжило только восемь мужчин.

Эти люди собрались вместе и пошли в другую деревню, чтобы отыскать еду. Однако не успели они отойти далеко, как один свалился от холода и голода. Спутники похоронили его и двинулись дальше. Вскоре ещё один замёрз до смерти, потом следующий не выдержал голода, и так продолжалось до тех пор, пока не остался лишь один человек.

Выживший почувствовал в себе необыкновенную силу и быстро пошёл вперед, хотя в сердце его была скорбь из-за потери товарищей. Позже, вечером, он услышал окрик с тропы. Он пошёл на звук и нашёл огромный костёр, который горел посреди снегов и льда. И мужчина понял, что это костёр звал его недавно.

Когда человек хорошенько согрелся и был готов идти дальше, то услышал треск кустов за спиной. Он обернулся, и увидел: один за другим его замёрзшие друзья подходили к огню и грелись, а за ними шли все погибшие от голода в деревне.

Это рассказ о Костре, который горит сам по себе – он обладает таинственной силой, и индейцы поклоняются ему.

ДОЛГАЯ ЗИМА

Случилось это ранним летом: когда мальчики играли в лодке, вытащили из воды дрейфовавшую водоросль и скинули её обратно с другой стороны лодки. За эту проделку не только озорные мальчишки, но и все жители деревни были наказаны.

Зима набросилась на них с новой силой, и снег громоздился перед домами такими высокими сугробами, что людям стало не хватать еды. Их зимние запасы истощились, и они бы умерли с

голода, если бы не прилетела голубая сойка. Она села на краешек дымохода, держа в клюве свежие ягоды бузины.

– Килнакс! Килнакс! – прокричала сойка.

Это было название соседнего города. Поэтому люди сели в лодку из кедра, которую хотели пустить на постройку летних домов, и поплыли в Килнакс. А в этом городе лето уже наступило, и ягоды успели созреть. Зима продолжалась только в их родной деревне.

Эта история учит нас тому, что нельзя никого оскорблять – даже маленькую морскую водоросль.

/Из сборника «Индийские легенды в пересказе¹», составители Элейн Истмэн и Чарльз Истмэн/

Перевод с английского Эльвиры Фарниевой

БАТОЖАБ ЦЫБИКОВ (1933 – 1998)

ТОТ, КТО ИЗЛУЧАЕТ СВЕТ...

Весной 1987 года я летел из Сахалина в Читу. Забайкальские леса были окутаны густым дымом. Впервые я увидел такие масштабные пожары. Но ведь раньше, также летая самолетами в Амурскую область или на Дальний Восток, я не замечал таких пожаров! То, что я видел весной 1987 года, говорило о том, что беспечная жизнь проходит, наступает мрак. Почему так получается, что раньше леса не горели, небо и воздух были чистыми, а теперь вдруг леса запылали, да ещё в таком масштабе, дым закрыл солнце? Образно говоря, всё превращалось во мрак. Время мрака. А как во мраке найти человека?

Вот об этом я и разговорился в номере гостиницы аэропорта с довольно респектабельным на вид стариком, бурятом, Хилтухиным. Звали его не то Сократ, не то Цезарь. Он сказал, что писатель Данри Хилтухин – его брат. Вот он и сказал мне (спасибо ему):

– Хороший человек найдётся всегда. Он ведь не поглощает свет, а светится во мраке.

Картина горящих лесов возникает в памяти, когда я думаю о Чите того периода и о своём друге Батожабе Цыбикове.

¹ <http://www.gutenberg.org/files/35909/35909-h/35909-h.htm>

Чита бурлила. Евгений Куренной, возглавлявший Читинское отделение Союза писателей России, предложил мне переехать в город, поселиться в общежитии, где он выбил комнату. Друзья помогли мне довольно сносно обустроить жильё. Жил я в те годы на гонорары от областных и районных газет и выступления перед читателями от бюро пропаганды художественной литературы. Моими частыми гостями были художники, скульпторы, литераторы, бывшие заключённые с лагерными стихами и рассказами.

С Мишей Вишняковым мы засиживались допоздна. А город неутомимо погружался в пучину бандитизма, нищеты, разврата и пьянства. Митинги стали обычным явлением. Волновалось, как видимо и полагается, русское население.

Бурят я на митингах не встречал.

Не были буряты и моими гостями. Сейчас я думаю: а что делать нормальным людям в компании полоумных людей, половина которых сверкает фиксами, пугает народ синими татуировками и ботает по фене? Некоторые из них разрисованы от лба до пяток. Зачем бурятам вообще их знать, когда у каждого своя среда и своя культура?

Иногда я ездил домой в Ононский район, заезжал в Агинское. И всё равно – с бурятами общался очень и очень редко. А Чита, на мой взгляд, была занята только поглощением света. Никто света не излучал.

И вот весной 1989 года в редакции газеты «Агинская правда» ко мне неожиданно подошёл невысокий, плотно сложенный человек, как-то странно обхватил мою правую ладонь и спросил на бурятском языке:

– Это Вы – Виктор Балдоржиев? Вы книгу мою не переведёте на русский язык? Я Цыбиков Батожаб.

– Хорошо, хорошо. Переведу я Вашу книгу, – брякнул я от неожиданности и тут же пожалел о сказанном.

– Когда?

– Сейчас, – снова брякнул я против своей воли, но уже чувствуя какую-то привязанность к новому знакомому.

– Хорошо. Тогда едем ко мне в Новоорловск! – радостно заключил мой новый знакомый и потащил меня к выходу. – Я на машине.

Почему так получилось, почему я так неожиданно и глупо дал согласие? Дело в том, что у человека не было пальцев на двух руках и он обхватывал мою ладонь культиями. Были только отросточки больших пальцев. Естественно, я растерялся... С тех пор прошло 25 лет, но я ни разу не пожалел о своей растерянности.

Батожаб Цыбиков стал для меня огромным открытием настоящего бурят-монгольского языка и мира. Он не поглощал, а излучал свет! Старик Хилтухин был прав...

Десять лет мы дружили и работали с ним. В тот год я перевёл его книгу «Сокто улын сууряан», которую я переназвал в «Свет родимых вершин». Он был родом из Урдо-Аги. 1933 года рождения. Жил в Новоорловском. Оказалось, что он много лет работал учителем в школе, которая была в тамошней колонии общего режима. Ведь Новоорловский ГОК построен заключёнными. Дядя Батожаб дружил с ними. Знал их мир. И говорил: «Все они – наши дети».

С огромным воодушевлением и восторгом он читал мой очерк «Дорога к храму», а потом заявил мне, что будет писать роман.

– Надо расшифровать твой очерк на бурятском языке! – заявил он.

И взялся за работу... Получился двухтомник, роман «Тугулдуртайша». Он успел опубликовать роман в журнале «Байгал», познакомиться со многими писателями Бурятии, почувствовать, что принят и понят. Умер дядя Батожаб осенью 1998 года. Точно знаю, что перед самой смертью, он с ясным осознанием неизбежного сказал своей жене Намсалме:

– Ну что ж, пришла пора, я уйду.

В то время, когда страна погружалась в бездну, Батожаб Цыбиков писал о прошлом своего народа. Миновало совсем немного времени после его похорон и, как это обычно бывает, о Батожабе Цыбикове забыли. За все эти годы его имя не было упомянуто нигде. Но я помнил, и всегда буду помнить. Творчество его должно остаться. Ведь оно имеет непреходящее значение для развития бурят-монголов. И это не просто слова. Это надо читать. И это будут читать, когда перестанут гореть леса, когда большой фейк и симулятор заменит Настоящее!

В 2000 году я перевёл на русский язык первую часть его романа. Пока это черновик перевода (публикую только 3 главы). Обязательно будет время, сложатся гармонично обстоятельства, когда я смогу вплотную заняться творчеством своего друга. Ведь мы ещё живы и звучит во мне его голос.

Ведь он всё ещё продолжает и долго будет излучать свет во мраке, где у большинства только одно свойство – поглощение.

Виктор Балдоржиев

ТУГУЛДУР-ТАЙША

Роман. Книга первая

Глава первая

Знойным летом 1816 года цветущая разноцветьем и разнообразьем агинская степь была взбудоражена ликованием народа, звоном литавр и колокольчиков, рокотом раковин и бискуритов¹. Ароматы трав и цветов смешались с запахами и дымом благово- ний, костров из аргала, сытным духом жареного и варёного мя- са...Гудело народное гуляние! Недалеко от извилистой речушки Агинка поднялся и засверкал золочёными углами выгнутой кры- ши, ланями и устремлёнными ввысь тремя ганжурами² белока- менный дацан. Строительство началось пять лет назад. И вот те- перь множество народа собралось на освящение нового дацана. Только одних лам прибыло сто тридцать человек во главе с се- ленгинским настоятелем Ринчинэй. После долгих молебнов и чтений божественных книг решили они назвать дацан – Даши Лхундублинг.

У подножия сопки, вокруг двухэтажного дацана, поставили около семидесяти серых и белых юрт, собралось более трёх ты- сяч человек. Всюду гарцевали на сытых конях нарядно одетые всадники. Два дня и две ночи длилось шумное празднество и мо- лебствие-хурал...

Двадцатилетнему Тугулдуру Тобоеву, служившему писарем в Харгыттыйском управлении делами восьми родов агинских бу- рят, эти дни и ночи показались сказочным сном с радужными красками лета. Теперь у агинских хори-бурят будет свой дацан!

Всё на свете кончается, кончился и праздник. Медленно ис- парились в воздухе последние звуки раковин и литавр, Тугулдур огляделся и с удивлением заметил, что агинские ноёны³, приез-

¹ Бискурит – бишхур (бурятск.) – деревянный духовой музыкальный инструмент типа гобоя, удли- нённый и позолоченный его вариант используют в ламаизме во время религиозных действий. (Прим. пер.).

² Ганжур – в классическом понимании – это свод учения Будды, в архитектуре дацанов – символи- ческие позолоченные навершия, устремлённые в небо. (Прим. пер.).

³ Ноён – чиновник, начальник. (Прим. пер.).

жие тайши¹ и гости куда-то исчезли. Оседлав утомлённого за время празднеств гнедого, он медленно отправился вдоль берега речушки. Гнедой не спешил, то и дело рвал сочную траву и с хрустом пережевывал. Стояла знойная тишина, полуденное солнце припекало вовсю, вокруг голубели и зеленели дали – сопки, леса, степь. Со стороны речушки Челутай подуло прохладой, и парень, расстегнув верхние пуговицы-тобшо зелёного тэрлика², подставил грудь свежему ветру.

Он понукал коня и оглянулся. Взору его снова предстал сияющий золотыми ганжурами белокаменный, двухэтажный дацан с выгнутыми, будто крылья огромной птицы, крышами. На миг Тугулдуру показалось, что на ладонях голубых просторов под пение разноцветных птиц раскачивается сказочный дворец. На сердце стало тепло, круглое, без единой морщины, лицо его радостно разрумянилось, под атласными, вразлёт, бровями повлажнили глаза. Ему вдруг захотелось нарисовать дацан теми красками, которые излучает радуга, или описать его лучшими словами так, чтобы это было понятно каждому степняку. Осенённый внезапной мыслью, молодой писарь спрыгнул с коня, сел, поджав ноги, и, вытащив из-за пазухи плотную тетрадь и карандаш, стал быстро-быстро рисовать и записывать, время от времени поглядывая на новый дацан. Лицо его, осенённое мыслью, покраснелось ещё пуще, взгляд чёрных глаз стал острее, нос с горбинкой и толстые губы зашевелились. Он рисовал, писал и думал. Думал остро и пронзительно. О новом дацане, о степи, земляках...

Потребность записывать свои мысли и рисовать появилась у писаря этой весной, после праздника Белого Месяца. Теперь, под впечатлением освящения дацана и народного праздника, он торопливо записывал: «...Борьба батыров, стрельба из лука, вечерние игрища, ёхор³ вокруг костров. Народа было много, конные скачки никого не оставили равнодушным», – вспомнив прошедшие события, писарь внезапно помрачнел и задумался, покусывая кончик карандаша. Услышал голоса...

¹ Тайша – главный ноён. (Прим. пер.).

² Тэрлик – летний халат. (Прим. пер.).

³ Ёхор – народный танец. (Прим. пер.).

Во время конных скачек первым пришёл знаменитый скакун степняка из рода хубдуд Сэсэгтэ Нэлбэнэй. Серый в яблоках скакун оставил далеко позади себя всех коней, казалось, что копыта его не касаются земли. Он летел вольный и стремительный, и ветер развеивал его атласную гриву и хвост. Неистовая и ликующая толпа пела скакуну хвалебные песни.

Выше толпы, на высоком бугре, сверкал и трепетал всеми красками под солнцем роскошный шатёр, возле которого гордо стояли или сидели на подушках-олбоках тайши и ноёны, прибывшие на праздник из Хойто-Хори. На их сверкающих разноцветных одеждах сверкали серебряные ножи, огнива, кораллы, медали и прочие знаки отличия. Все они изумлённо взирали на летящего по степи скакуна. Впереди всех на самых высоких подушках, опираясь на искусно сделанные подлокотники, устремил вперёд взгляд острых глаз и хищно загнутую вовнутрь бороду главный тайша Хоринской Думы Галсанэй Дэмбэл, его раскрасневшееся лицо сияло от пота и изумления. Рядом с ними сидели – второй тайша Павелэй Бадма, четвёртый тайша Дамбадугарэй Жэгжит, за ними стояли тушэмэлы-сановники. Крепко выпившие на празднике, они переглядывались и оживлённо обсуждали скачки, но взоры их невольно останавливались на сером с белыми пятнами скакуне...

Молодой писарь зажмурился и снова увидел, как вдруг внезапно вскочил на ноги Дэмбэл Галсанай, как перед ним расступилась толпа, и главный тайша оказался рядом с грузным старшим зайсаном¹ восьми агинских родов Мухугай Намжилом, который сидел рядом со своей дочерью-красавицей.

– Намжил, чей это конь? – резко и повелительно спросил главный тайша. Зайсан испуганно повернулся и заговорил, почтительно наклонив круглую голову:

– Скакун принадлежит Нэлбэнэй Сэсэгтэ, господин тайша. Люди называют этого коня Иноходец-Сохор.

– Нэлбэнэй Сэсэгтэ, говоришь? А кто он такой? Богатый, бедный? Говори, говори, зайсан! – надменно спросил тайша, скользнув острым взглядом по фигуре красивой дочери старшего зайсана.

¹ Зайсан – князь (в уменьшит. значении). (Прим. пер.).

– Ой, важный и всесильный тайша обращается ко мне! – вмиг зарделась и засмушалась девушка, поворачиваясь к отцу. Но тот уже стоял на ногах и, низко кланяясь тайше, отчего его мясистое лицо побагровело, докладывал.

– Господин тайша, Нэлбэнэй Сэсэгтэ не бедный и не богатый человек, не ноён и не богол-раб, живёт сам по себе, он из рода хубдуд...

– Кем бы он ни был, уважаемые ноёны, только и только мне, главному тайше одиннадцати родов хоринских бурят, вы должны подарить этого прекрасного скакуна. Вам надо поговорить и договориться с его хозяином. На таком скакуне должен ездить только тайша! Правильно я говорю, ноёны? – громогласно заявил Галсанай Дэмбэл, обращаясь к собравшимся вокруг него ноёнам и требуя от них подтверждения своей справедливости. И они тут же подтвердили:

– Конечно, конечно... Именно на этом скакуне и должен ездить наш главный тайша! Пусть господин старший зайсан Мухуев выполнит волю дорогого тайши, – подобострастно загалдели ноёны.

Толстый Мухуев засуетился и побежал к шумящей толпе народа, в середине которой стоял Нэлбэнэй Сэсэгтэ, держа под уздцы своего серого в яблоках скакуна и слушая хвалебные песни.

– Эй! – закричал старший зайсан Сэсэгтэ, – иди к тайше, ты должен подарить ему своего красавца! Сам тайша и все ноёны желают этого!

Услышав эти слова, толпа застыла в недоумении. Нэлбэнэй Сэсэгтэ, ничего не понимая, оглядел людей, вытер концом жёлтого кушака на широком и чёрном лице выступивший обильно пот и тоже застыл с разинутым ртом. Почему? С чего это он должен подарить тайше своего коня, самого верного друга и помощника? Внезапно он встрепенулся и, повернувшись к ноёнам, громко сказал в изумлённой тишине:

– Где это видано и слыхано, в каком законе сказано, что можно силой брать такие дорогие подарки? Покажите мне такой закон, уважаемые тайши и ноёны!

Раскрасневшееся лицо главного тайши внезапно побелело от ярости. Он резко подскочил к дерзкому степняку, топнув но-

гой, хлестнул его плёткой по спине и свирепо крикнул:

– Получай! Этого закона для тебя достаточно! Ноёны, посадите этого паршивого пса на цепь. Слуги, ведите ко мне его коня!

Сэсэгтэ внезапно очнулся, резко развернулся, вскочил на своего скакуна и, рассекая галдящую и кричащую толпу, помчался вдоль берега Агинки и исчез в темнеющих кустарниках быстрее пущенной стрелы.

– Ай-яя-яя! Такой важный тайша и что себе позволяет! Весь праздник испортил! – заговорили в толпе. – На вид такой величественный, а душа, видимо, у него поганенькая...

Праздничный дух испарился в криках пьяных тайшей, ноёнов и их слуг. Люди стали расходиться...

Тугулдур торопливо записывал события в блокнот, время от времени задумывался и поглядывал на дацан. Потом он привычно сунул за пазуху тетрадь и встал. Вдруг совсем рядом, из травы, стремительно взлетел жаворонок. Испуганный Тугулдур наклонился и увидел уютно свитое гнездо, в котором покоились серые яйца с крапинками.

– Вот оно что, а я не заметил, – задумчиво сказал писарь. – Ну что ж, скоро из яиц вылупятся птенцы, потом они встанут на крыло и полетят. Испугалась ваша мать. Ничего, ничего, осталось совсем немного, и вы полетите, увидите всю землю!

С этими словами Тугулдур сел на коня и поскакал по дороге в сторону управления делами восьми агинских родов хоринских бурят.

Глава вторая

Возле высокого крыльца управления сидели несколько ноёнов, перед ними толпились и что-то кричали люди, в середине толпы стояли здоровяки с засученными рукавами расстёгнутых халатов без поясов. Тугулдур привязал коня, подошел к людям и ахнул. На земле лежал Нэлбэтэй Сэсэгтэ, руки и ноги его были привязаны к толстой доске, на которой секли лозами провинившихся. Он был раздет до пояса, смуглая спина подрагивала мускулами и блестела под лучами летнего солнца. Видимо, тушэмэлы ноёнов поймали и привезли его сюда. На телеге лежал большой пук лозы.

Тугулдур приблизился к грозным начальникам-ноёнам, некоторые из них стояли, уперев кулаки в бока, другие поигрывали плетками. Лица у всех свирепели. Вдруг молодого писаря заметил старший зайсан Мухугэй Намжил и подозвал его к себе.

– А вот и мой искусный писарь! – воскликнул он, кивая на Тугулдура большой головой и злорадно посмеиваясь. – Хоть ты и ноён, Тугулдур, но все-таки возьми крепкую лозу, надо и тебе наказать паршивца, который провинился перед главным тайшой и опозорил всех нас. Ты ещё молодой ноён, пора тебе учиться этому делу. С народом надо обходиться круто.

Свистнула лоза, страшно и пронзительно закричал Сэсэгтэ.

Вздвогнув, Тугулдур невольно повиновался, взял одну лозу и несмело подошёл к стоявшим здоровякам и лежавшему навзничь несчастному, спина которого уже покрылась алыми рубцами и брызгами крови.

– Я... ни в чём не виноват! Не... виноват! – кричал, захлебываясь от боли и выплёвывая алые сгустки, Сэсэгтэ. – Я... не отбирал у людей коней, как хо... хоринский тайша, не воровал, не грабил. О, небо, помоги мне! У меня же тайша отобрал коня, меня же и бьют! О, небо! Люди, смотрите и помните! Лю.. люди!

Писарь попятился назад, всё ещё сжимая в руке лозу и жалея несчастного. Но тут к нему быстро подошёл старый Очирбабай и, выдернув из его рук лозу, укоризненно крикнул ноёнам:

– Ноёны, зачем вы даёте лозу этому ещё чистому душой юноше? Грех!

Освободившись от лозы и облегчённо вздохнув, Тугулдур протиснулся через галдящую толпу и побежал к густым кустарникам речушки... Неужели он мог бы ударить несчастного человека?

Раздвинув кусты, он вышел на полянку, сел на один из валунов и, понурив голову, задумался. В висках ломило, в голове мелькали бессвязные мысли. «Какой несчастный этот захлебывающийся кровью Нэлбэнэй Сэсэгтэ! Родители его называли – Сэсэгтэ, значит он должен быть белым цветком в зелёной степи... А что с ним сделали люди? Кто в этом виноват? Сэсэгтэ ли, имеющий такого сказочного скакуна, или тайша, имеющий право наказывать людей? Господин старший зайсан Мухуев дал мне лозу и велел учиться сечь людей! А уважаемый всеми старик вырвал из

моих рук лозу... Но осмелится ли кто-нибудь в степи вырвать из рук тайши плётку? Как может наказывать невинного человека такой могущественный человек, как главный тайша, откуда у него могут появиться такие мысли? Это же тайша – владыка всех бурятских родов! Или в него вселились бесы? Конечно, нет, он очень властолюбивый, жадный и подлый человек, этот тайша... Кто может победить его? С малых лет нас учили любить родную землю и почитать родителей, защищать слабых и обездоленных, избегать несправедливости. А что же получается на самом деле? Мать моя говорит, что наш тайша обделён великим даром благоденствия и щедрости души... У него слепая мысль и жестокая душа, так говорил мой отец...»

Неожиданно кусты зашевелились, Тугулдур вздрогнул, поднял голову и увидел Галтэхэн-Огонёк – красивую дочь старшего зайсана, с которой он играл в детстве. Этой весной она отпраздновала свой семнадцатый Белый Месяц. Она была младшей и любимой дочерью зайсана, в любое время года ходила в шёлковых халатах, с красивыми серебряными и коралловыми украшениями. Позванивая красивыми подвесками, она подошла к Тугулдуру и улыбнулась.

– Здравствуй, друг моего детства. Если мы сейчас сыграем с тобой в лодыжки, то кто бы из нас выиграл? – звонко спросила она. Длинные ресницы девушки игриво подрагивали, брови вздымались вверх, чёрные глаза смеялись, за припухлыми алыми губками белели зубы.

Тугулдур торопливо поздоровался и, встав с места, посадил подружку возле себя, на соседний валун.

– Моя подружка, Галтэхэн-Огонёк, всё ещё неженка бабушки и дедушки или уже учёная монашка из Непала? – весело спросил молодой писарь, любуясь девушкой. – Галтэхэн, ты откуда идёшь? Видел я тебя на освящении дацана, да времени не было подойти.

– А почему? Или совсем зазнался, узнавать перестал?

– С чего бы это я зазнался. Да ты же сидишь всё время в толпе ноёнов, а подходить к ним мне, простому писарю, неудобно.

– Ладно хитрить-то. Видела я, как ты во время чтения священной книги «Юм» шёл рядом с Бамбанэй Бальжин из Уроная,

которая пела песню про новый дацан, – колко и задорно сказала девушка.

– Перед самым хуралом я помогал нести тяжеленные тома священной книги «Юм», которые подарил нашему дацану тайша Мардайн Галсан. Некогда мне было подходить к девушкам, – рассмеялся писарь и помрачнел – тогда я впервые увидел главного тайшу Галсанэй Дэмбэла и подумал – какой красивый и величественный наш тайша.

Он снова понуро опустил голову и задумался. Девушка толкнула его локтем в бок и спросила, наклонившись:

– А сейчас он каким показался? Там... когда били человека?

– Сейчас? Сейчас он... – замялся Тугулдур и, недоговорив, махнул рукой. – А ты знаешь этого несчастного Нэлбэнэй Сэсэгтэ?

– Слышала. Говорят, он обучает диких коней.

– Правильно. Я хорошо его знаю. Он не только объезжает коней, но хорошо умеет ухаживать за скотом. Коровы и овцы его самые жирные в степи. А ещё он всегда помогает бедным и обездоленным. Об этом все знают! В Саган-Уле все говорят, что он очень хороший человек... Друг моего отца и мой учитель Намхайн Номшо всегда говорил мне, что если взвесить на весах души милосердных и богатых людей, то души милосердных перетянут чашу и им откроются двери сразу в три рая, а для души того, кто наживаетея и мучает людей откроются двери в три ада. И никуда больше! А для того, чтобы выровнять чаши, надо стараться замолить грехи благодеяниями и милосердием, – взволнованно сказал Тугулдур и повернулся к девушке, которая смотрела на него широко раскрытыми глазами.

– А почему некоторые ноёны совершают только грех? – спросила она.

– Э–ээ, Галтэхэн, не могу я ответить на твой вопрос. Молод ещё... Они думают, что власть их не ограничена, богатства – не-сметные. Такие ноёны вместо того, чтобы помогать своему народу только угнетают и мешают ему. Мой учитель говорил, что начальникам следует вести народ за собой, от тьмы – к свету. Ведь начальник – это начало всего. Старые ноёны должны уступать

место молодым и сильным, – задумчиво рассуждал Тугулдур, смотря на синеющие сопки.

– А где эти молодые? – спросила Галтэхэн, заглядывая в лицо парня.

– Милая Галтэхэн, – сказал Тугулдур, не отвечая на вопрос, – почему тебя зовут Галтэхэн? Ты действительно горячая или тёплая, как Огонёк-Галтэхэн?

– Не знаю! – рассмеялась девушка. – Но если тебе интересно, то я расскажу тебе о своём имени.

– Да, интересно.

– Тогда слушай. Мой дедушка Унаганэй Муху – человек из рода Саган. Он перекочевал на берега Агинки со своей семьёй из местности Тугнын Галтэй – Огненная. Он там родился. Вот и назвал меня дедушка – Огонёк. Дедушка мой был высокий и осанистый ноён. Меня он баловал и нежил, – сказала Галтэхэн, смеясь и показывая маленькие белые зубы за алыми губками.

– Так ты с малых лет не знала ни горя, ни забот. И ты можешь спокойно смотреть, как истязают лозой несчастного человека, – задумчиво проговорил Тугулдур, но девушка быстро повернулась к нему и дерзко выкрикнула:

– Я не боюсь смотреть на казнь, мне даже нравится это! Давеча, когда тебе дали лозу, я увидела, как подрагивают твои колени и подумала: «Вот тебе и Тугулдур, да будь я парнем...».

– Что ты! – Тугулдур вздрогнул. – Я не смогу бить человека, сам себе буду противен! Меня не так воспитывали. Может быть, я и вправду трус. Но не смогу!

Он заволновался и сбился. Девушка смотрела на него широко раскрытыми глазами: парень не был красив, как суровый, нарядно одетый, тайша, но в нём было больше жизни и тепла.

– А тебе нравятся симпатичные девушки, Тугулдур? – игриво спросила она, меняя опасную тему разговора.

– Хороший вопрос! – рассмеялся молодой писарь. – Конечно, я люблю красивых девушек. Ещё люблю читать книги. Днями и ночами читаю. Сестра меня ругает, что забываю о сне и работе.

– У тебя тибетское имя? – продолжала интересоваться девушка.

– Нет, конечно. У меня истинно бурятское имя. Ты разве не знаешь, что слово Тугулдур означает – качество и совершенство ума, деловитость и надёжность, скромность и порядочность, кре-

пость духа? Да что это я расхвастался! – воскликнул писарь и покраснел.

– А-аа, вот почему тебя взял писарем мой отец! – звонко рассмеялась Галтэхэн. – Наверное, у тебя такая совершенная родословная?

– Мой отец – Тобо. – Тугулдур начал загибать пальцы и перечислять. – Тобо от Мунхэ, Мунхэ от Хату, Хату от Дахи, Дахи от Хита, Хита от Хабанши, Хабанши от Хундуйн... Мы из славного рода Хуасай. После Хита люди нашего рода становились ноёнами.

– Значит и ты из рода начальников. Твои предки были начальниками только над людьми своего рода?

– Не только... Мой отец, Мунхэн Тобо, ходил в далёкий Тибет. Там он укрепил дух и веру, совершил молебствие во здравие всех агинских хори-бурят и принёс оттуда святыню. Говорят, что пожелания его сбылись, – тихо сказал парень. У девушки округлились глаза и она изумленно воскликнула:

– Что ты говоришь! Эта святыня золотая? Ты мне покажешь?

– Не знаю. Святыня спрятана в надёжном месте.

– Так она же принадлежит всем, тогда почему спрятана?

– Наверное, ещё не пришло время показать всем. Придёт время – покажут.

– Ты говоришь, как пророчествующий шаман. У тебя одни загадки.

– Придёт время, и мы все увидим эту святыню, будем молиться. Если у людей на душе будет хорошо, то это время придёт скоро, – сказал Тугулдур. Глаза его нежно смеялись и смотрели на раскрасневшуюся девушку.

– Рассказывай сказки! – Галтэхэн рассмеялась и встала. Она стала поправлять свои многочисленные косички и вдруг, качнувшись, уперлась руками в плечо Тугулдура. – Ой, что-то голова закружилась.

Писарь быстро встал и обнял девушку, приговаривая:

– Что с тобой? Голова болит? Сядь сюда...

Испуганный, он усадил её на валун и стал поглаживать её виски, где билась тоненькая голубая жилка, потом расстегнул

верхнюю, золочённую и круглую, пуговицу её халата, обнажил белую девичью грудь. Но хитрая девушка вдруг мгновенно очнулась и, прикрывая грудь маленькой рукой, засмеялась:

– Тугулдур, что ты меня щекочешь?

И вдруг, вздохнув, крепко обняла парня за шею...

Глава третья

Праздники закончились, настало время летних работ – стрижка овец, сенокос... Даже служащие управления делами восьми агинских родов стали спешить на работу пораньше. Управление – большой и крепкий дом с высоким крыльцом и несколько изб находилось в местности Харгэта – Дорожная, на пересечении шести дорог.

Господин старший зайсан Мухуев Намжил приезжает на работу раньше всех. Важный и грузный, он садится за шёлковой ширмой на кресло из сандалового дерева, и лицо его сразу становится суровым и грозным, будто бы все перед ним виноваты навечно. С раннего утра предводитель пребывает в каком-то нетерпении. Зная об этом, Тобын Тугулдур сегодня встал с рассветом. Надо торопиться.

На востоке небо только заалело, но уже вовсю заливались над степью и сопками жаворонки. Две просторные и высокие юрты семейства Тобын стояли на берегу ручья Кусочи, впадавшего в Агинку. Тугулдур жил в правой юрте. Тугулдур взял позванивающую узду и отправился к стреноженным коням, которые паслись в высоких травах, поблескивающих росой. Было прохладно и тихо.

Сапоги и штаны сразу промокли в мокрой траве. Парень не спеша взобрался на ближнюю сопку, и взору его предстали раскиданные по степи юрты. На правом берегу Кусочи, около петляющей вдоль берега дороги, стояли избы и юрты управления, на левом берегу, неподалёку от юрты Тугулдура белела юрта тележника Дамбы, дальше – юрта Цыпыла, занимавшегося выделкой шкур и кож, сыромятных ремней, подошв на сапоги, которые он продавал. Ещё дальше, на самом берегу Агинки, шёл дымок из деревянной кузницы, стояли низенькие юрты, это было стойбище Хара-дархана, мастера по железу, серебру и золоту. Ниже по бе-

регу виднелась заимка русских людей Татауровых. Александр Татауров недавно перекочевал сюда из таёжной местности Хойто-Ага со своими стариками, женой и детьми. Детей было много. Русоголовые, они заливисто смеялись и купались в речке. Русские сразу огородили плетнём из ивовых прутьев землю, посадили картошку, зерно...

По берегам Агинки и вдоль дорог – всюду виднелись маленькие стоянки и большие стойбища. У извилистой дороги, тянущейся к местности Догой-Могойтуй, чернеет высокая изба из толстенных брёвен, это лавка торговца разными товарами Дугарэй Манжура. Дальше на ровном месте, между двумя сопками Барун и Зун Кусочи – стоянка Урбанэй Дэлгыра. Кажется, их сын Шобогор поскакал к реке, у берега которого пасутся их кони.

Осматривая степь, Тугулдур поймал коня и повёл его на воду. Солнце окрасило вершины сопки Хонин-Хушун, Харгыта, Бом золотым сиянием и готово было залить всё вокруг теплом. Дороги со всех сторон тянулись к нескольким избам строящегося селения Агинское.

Тугулдур шёл рядом с гнедым и вспоминал: отец рассказывал, что место для нового селения выбрал хоринский тайша Мардэйн Галсан. Это было несколько лет назад, кажется в 1811 году...

Было это в начале лета. Вдоль берегов Онона и Агинки ещё не стояли дацаны и дома, мало было юрт, не видно было кочевий и стойбищ. Тайшой одиннадцати родов хоринских бурят был тогда Мардэйн Галсан. В начале июня тайша выехал из Хойто-Хори в агинские и ононские степи. Иркутский губернатор разрешил построить дацан, надо было выбрать место, начать строительство селения. Сопровождали его чиновники, коноводы, слуги.

Остановившись на аргалейском перевале, воздав почести и жертвоприношения духам, тайша обратился к своим спутникам:

– Мне надо сменить дорожную одежду, сбрую и коня. Пусть никто не узнает во мне тайшу. Так будет легче узнать о жизни простых людей. Дайте мне одежду простого пастуха и ждите здесь.

Сменив одежду, тайша взял с собой одного пастуха и спустился с перевала через таёжные дебри. Он отправился берегом реки Аргалей, достиг берега Агинки. На склоне горы Улиртэ, на лужайке, окружённой густым тальником, тайша увидел множест-

во людей, которые стояли, образовав большой круг. В середине круга неистовствовали девять шаманов в своих звенящих одеждах с рогатыми коронами. Шаманы, видимо, вызывали духов и хозяев местности. Шаманы и люди чрезмерно увлеклись заклинаниями и не заметили подъехавших незнакомых людей. Между тем, приехавшие люди втиснулись в толпу и пробрались к самому краю круга. Но только один из девяти шаманов вдруг насторожился, заплясал ещё быстрее и, сменив тональность, начал протяжно петь:

Кажется, издалека пожаловал к нам гость,
Кажется, сам хан его хозяин,
Кажется, он и сам большой хозяин,
Кажется, люди должны повиноваться ему!
Шойрог, Шойрог!
Птица-лебедь – наш предок,
Дерево-берёза – наша коновязь,
Повинуйтесь, люди!

Этот шаман узнал предводителя хори-бурят, но другие шаманы ничего не видели и не чувствовали. Люди тоже ничего не поняли. Тайша и его спутник незаметно выбрались из галдящей толпы, пробрались через густые заросли тальника к своим коням и отправились на вершину перевала.

Тайша надел свои одежды и уже как настоящий предводитель всех хори-бурят вернулся обратно в сопровождении чиновников, коноводов и слуг... Он оставил в неприкосновенности только одного шамана, того самого, который узнал его в простой одежде, остальным повелел откочевать из агинских степей. Весть о том, что из Хойти-Хори прибыл сам тайша с намерением выбрать место для будущего дацана, разлетелась по степи с быстротой молнии.

Галсан-тайша и старший зайсан восьми агинских родов Унаганэй Муху вместе с предводителями родов отправились на поиски удобного места, где можно было бы построить дацан. Всадники объехали степь от истоков Агинки до устья Догоя. Однажды они остановились на склоне горы Улиртэ, в местности Дулан-Баран, решив переночевать в юрте пастуха Бадархэйн. Тайша уснул под журчание ручья Аргалей, а проснувшись, зая-

вил, что дацан надо строить здесь. «Всю ночь я слушал шум и гам послушников-хувараков, они били в литавры и не давали мне спать», – сказал он своим спутникам. Вбив в землю кол, тайша привязал к нему синее полотнище-хадаг, это и стало местом для будущего дацана.

Дальше всадники отправились берегом Агинки. С двух сторон к реке сбегали ложбины сопок Кусочи и Челутай. Остановившись на высокой равнине, Галсан-тайша слез с коня, оглядел окрестность и сказал: «Волны эти двух речушек разговаривают друг с другом. Справа пророчат по-бурятски о молоке, твороге, простокваше, а слева – квохчут, как курицы, и чавкают, как свиньи. Со временем тут будет большое поселение». С этими словами тайша скинул свою коричневую шерстяную бурку и разостлал на зелёной траве. Тогда предводитель рода Хуасай Мунхэн Тобо быстро прыгнул с коня, извлёк из-за пазухи летнего халата пятьдесят лан серебра и положил на бурку тайши. Потом он взял из своей седельной сумы туес с кислым молоком-айраком, налил в чашу с серебряной каёмкой и, брызнув духам с пожеланиями удачи всем степнякам, подал тайше. И всадники предались отдыху и мечтам о будущем...

Вспоминая рассказы отца, Тугулдур даже не заметил, как подошёл к своей стоянке. Очнувшись, он привязал коня к новой, ещё не отполированной поводками, коновязи. По рассказам отца Тугулдура, Мунхэн Тобо, именно на месте этой коновязи тайша Мардэйн Галсан расстелил свою бурку и пожелал, чтобы здесь размножались хори-буряты.

Дальновидный был тайша! Начал строить дацан, предвидел большое поселение кочевников и то, что многие из них станут осёдлыми и будут сеять зерно. Высокие были думы у этого тайши Мардэйн Галсана. Но почему его сын, Галсанэй Дэмбэл, ни в чём не похож на отца? Отчего у него такие низкие помыслы и поступки, что он не может исполнить ни одного закона предков и государства? Снова из юрты в юрту поползли слухи, что тайша обманывает и обирает людей при помощи тяжёлых рук зайсана Намжилэй Муху. Как быть, когда ты знаешь обо всём, но ничего не можешь сделать? Некоторые чиновники, зная о проделках зайсанов и тайши, помалкивают, думая про себя: «Бурхан им судья». А простой народ живёт, стиснув от ненависти зубы. Зная обо всём этом, как могут спокойно жить ноёны? И как жить дальше

ему, Тобын Тугулдуру?

– Сынок, чай вскипел. Покушай и торопись на работу, к своим бумагам! – вдруг ласково окликнула его старая тётка, вышедшая из юрты, чтобы брызнуть духам первый утренний чай. Тугулдур очнулся и заспешил.

Но и сидя в юрте и попивая горячий чай со сливками и творогом, он думал о тайшах, которые разъезжают по степи с ташуrom-плёткой. Тайша и плётка – совершенно несовместимые вещи. Начальники должны вести за собой людей, а не обирать их!

Он сменил промокшие сапоги на сухие, надел халат, крытый синим шёлком, крепко затянул жёлтый кушак, летнюю красную шапку и, прицепив к поясу серебряный нож, огниво и кресало, отправился на работу. Солнце вышло уже из-за вершины сопки Хонин-хушун, и Тугулдур, заволновавшись, что опоздает, погнал коня резвой рысью...

Перевод с бурятского Виктора Балдоржиева

УИЛЬЯМ ГАРРИСОН ЭЙНСВОРТ (1805 – 1882)

От переводчика. Уильям Гаррисон Эйнсворт – известный английский писатель, перу которого принадлежат 39 исторических романов.

На короткий период между смертью Вальтера Скотта (1771–1832) и приходом в литературу Чарльза Диккенса (1812–1870) Эйнсворт стал писателем национального масштаба, и его по справедливости считали творческим наследником Вальтера Скотта.

«Руквуд» (1834) – один из его лучших романов, а также один из наиболее популярных английских романов 19 столетия.

Основное место действия – Англия, графство Йоркшир.

Время действия – август-сентябрь 1737 года.

Главные герои – Ранульф и Люк Руквуды, сыновья одного отца от разных матерей – борются между собой за титул и богатейшее поместье Руквуд, за руку прекрасной Элеоноры. Ещё два главных героя романа – разбойник, «джентльмен с большой дороги», Ричард Тюрпин (1705–1739 г.) и его легендарная лошадь по прозвищу Чёрная Бесс.

Роман читается с неослабевающим интересом. Эйнсворт сумел соединить в нём несколько жанров: это – исторический роман,

это — одновременно — и «готический» роман (выражаясь современным языком, роман-триллер), и любовный, и даже — криминальный.
На русский язык роман переводится впервые.

ГЛАВА 4. ПОГОНЯ

И джентльмены — вшестером —
Фореитор — в арьергард, —
И всяк — за Джоном, всяк орал,
Орал, войдя в азарт:

«Разбойник! Вор! Остановись!
Тебе спасенья нет!»
И всякий встречный на пути
За ним бросался вслед.
Джон Гилпин.¹

Добравшись до вершины холма, откуда открывался прекрасный вид на окрестности Лондона, Тюрпин² бросил короткий взгляд назад: где там его преследователи. Коутса и Титуса он в расчёт не брал, но Патерсон был серьёзным противником — опытным и решительным. Только сейчас он впервые подумал о том, что ему ещё предстоит упоительная поездка в Йорк. Грудь его всколыхнулась от восторга, и он, не в силах сдержать нахлынувших чувств, привстал на стременах и воскликнул:

— Клянусь Богом, я буду там!

Он бросил последний взгляд на великий город, утопавший в зелени, на закат солнца, изумительный и необыкновенный, и ему невольно вспомнились последние слова Тома Кинга.

«Бедный парень!» — подумал Дик. — «А ведь он сказал правду: он больше не увидит, как дневное светило уходит за горизонт!»

¹ Эпиграф — отрывок из комической баллады английского поэта Уильяма Купера (1731–1800) «Забавная история Джона Гилпина». (Полное название — «Забавная история Джона Гилпина, в которой рассказывается о том, как он зашёл дальше, чем намеревался, и живым-невредимым вернулся домой»). (Прим. пер.).

² Ричард (Дик) Тюрпин (крещён 25 сентября 1705 г. в Хэмпстеде; казнён 7 апреля 1739 г.). Сын содержателя пивной. Входил в банду контрабандистов Эссекса. Занимался разбоем в графствах Линкольншир и Йоркшир. Обвинён в конокрадстве и повешен в окрестностях Йорка. Один из главных персонажей романа Уильяма Гаррисона Эйнсворта «Рэквуд», а также герой многочисленных легенд и баллад. (Прим. пер.).

Его раздумья прервал стук лошадиных копыт: противники были совсем рядом. Дик выехал на узкую тропу, что тянулась справа от дороги, и бодрой рысью двинулся в направлении на Хэмпстед.

– А теперь – будьте внимательны! – закричал Патерсон. – Не теряйте его из виду ни на секунду!

Дорога по-прежнему вела по склону вверх, Тюрпин по-прежнему не желал перетруждать лошадь, и обе стороны, как и в прошлый раз, продвигаясь вперёд, не спешили сокращать дистанцию.

Изрядно попетляв между холмами и спугнув по дороге стаю гусей, Дик въехал в зелёную долину Вест-Энд и, поднявшись на очередной холм, вышел на песчаную Хемстедскую пустошь, поросшую вереском. Свернув налево, Дик очутился в нижней части пустоши и поскакал по тропе, что вела в Норт-Энд, миновав возвышенность, поросшую утёсником, где в наши дни шумят высокие сосны.

Выйдя на открытую местность, преследуемый и преследователи уже не упускали друг друга из виду. Дик пересёк пустошь, вышел на дорогу Хендон-Роуд, затем – на пустырь Крэкскалл-Коммон, затем – через пересекающую его дорогу – на Хайгейт.

Преследователи попытались сократить дистанцию, но это им не удалось. Очутившись в районе Хайгейта, Дик сбавил темп. Другая сторона – удвоила свои усилия. Желая обойти городок, Дик свернул на тропу, что тянулась с правой стороны, и лёгким шагом спустился с холма.

До преследователей оставалось не более ста ярдов¹. Они стали кричать ему, приказывая остановиться. Указав им на закрытые ворота, что стояли на пути, Дик, не колеблясь, направил Чёрную Бесс на препятствие, казавшееся неодолимым, и, легко преодолев его, поскакал дальше. Коутс и его спутники, не в состоянии проделать подобный фокус, бросились открывать ворота, потеряв уйму драгоценного времени. Дик оглянулся назад и прибавил скорости. Впрочем, он не собирался отрываться слишком далеко. Скачка доставляла ему удовольствие, которое он желал продлить – настолько, насколько его можно было продлить, не подвергая угрозе собственную безопасность.

¹Ярд = 0,9144 метра. (Прим. пер.).

Миновав Хайгейт, Дик двинулся в направлении Хорнзи. Крики преследователей привлекли внимание окружающих, и они тоже стали кричать, присоединившись к Коутсу, Титусу и Паттерсону.

– Разбойник! Разбойник! – раздался их многоголосый нестройный хор.

Крики взбудоражили всю округу. Мужчины выбежали на дорогу, надеясь остановить беглеца, женщины, схватив детей, торопились хоть краем глаза увидеть живописную кавалькаду, что вихрем неслась через Хорнзи.

– Разбойник! Держите его! – вопила округа.

Трое всадников двинулись наперерез Тюрпину.

Тюрпин – в каждой руке по пистолету – взяв поводья в зубы, двинулся прямо на них. Глаза его горели неугасимым грозным огнём. Он двинулся, сметая всё на своём пути, и всадники, уstraшённые его решимостью, расступились. Однако, едва он проехал вперёд, как они, присоединившись к остальным, пополнили ряды его преследователей.

– Ну, теперь он наш – наш! – воскликнул Патерсон в величайшем возбуждении. – Орите – орите что есть мочи! Стражник нас услышит. Орите же – ещё – ещё! Ага, парень нас услышал. Ворота на запоре. Сейчас мы его сцапаем! Ха-ха!

Старая застава в Хорнзи представляла собой высокие ворота с острыми железными шипами на верхней перекладине. Стражник запер ворота на замок и занял место в дверном проёме, готовый броситься на беглеца в любой момент. Отступить было некуда. Дик хладнокровно прикинул высоту ворот, посмотрел направо, посмотрел налево... Путь был только один – вперёд. Прошептав несколько ободряющих слов Чёрной Бесс, он похлопал её по шее и, пришпорив лошадь, взял препятствие, пролетев в дюйме над шипами. Обманутый столь беззастенчивым образом, изумлённый стражник отскочил в сторону и чуть не погиб под копытами коня, на котором восседал главный констебль Вестминстера.

– Открой ворота, парень, да поживее! – закричал главный констебль.

– Ну как же, разогнался! – сердито отозвался стражник. – А

платить – кто будет? Один уже проскочил – задарма. Во второй раз этот номер не пройдет!

– Ты разве не понял, что это разбойник? Ты разве не знаешь, что я – главный констебль Вестминстера?

С этими словами возмущённый Патерсон предъявил свою полицейскую дубинку.

– Как ты смеешь препятствовать мне при исполнении моего служебного долга? – продолжил он, обрушив всю свою ярость на упрямого стражника.

– У тебя свой долг, у меня – свой, – сказал стражник. – Короче, плати, а остальное меня не касается.

Посыпался град проклятий с обеих сторон.

Коутс, торопя события, бросил стражнику крону¹, и тот немедленно отворил ворота.

Воспользовавшись замешательством у заставы, Тюрпин дал кобыле возможность передохнуть, затем, свернув на боковую тропинку у Дакетт-Грин, лёгкой рысью двинулся в направлении на Туттенем.

Отдохнуть пришлось недолго. Прошло совсем немного времени, и сзади снова раздались крики недругов.

Теперь ему предстояло пройти через город, где все – от мала до велика – готовы были подстроить ему любую гадость. Весь Тоттенем визжал, хохотал и пританцовывал от нетерпения. Люди, похватав всё, что можно было использовать в качестве метательного снаряда, ожидали момента, когда всё это можно будет обрушить на одинокого всадника и его верную лошадь.

Дик, проскакав мимо них, лишь весело посмеялся: обломки кирпичей полетели в него, не причинив ему никакого вреда.

Через несколько миль «добровольцы из публики», не доезжая до Эдмонта, выбились из сил, и большинство из них были «никакими». К удивлению Дика, жители Эдмонта встретили его вполне дружелюбно, решив, что он скачет на пари. Однако издали донеслись крики «Тюрпин! Дик Тюрпин!», и крики «ура!» сменились свистом, улюлюканьем и гиканьем. Впрочем, наш разбойник передвигался с такой скоростью, что серьёзного противодействия оказать ему не смог никто.

¹Крона – монета достоинством в 5 шиллингов. (Прим. пер.).

Внезапно перед ним показался какой-то измученный работа с тяжелой тачкой. Не в силах увернуться от всадника, он со страхом ожидал неминуемой гибели под копытами его скакуна.

Дик Тюрпин остановил кобылу, дав человеку перейти на другую сторону улицы.

Народ обалдел от удивления и восторга.

– Уноси ноги, Дик! – заорала толпа.

Его недругов, появившихся там через минуту, люди встретили шиканьем и свистом.

ГЛАВА 5. ТРУБКА

Пеоны¹ – прекрасные наездники, и несколько раз мы видели, как они – на полном скаку! – бросив поводья на шею лошади, достают из одного кармана кисет с табаком, кусок бумаги или кукурузный лист, делают сигару, затем вынимают кремь и огниво и зажигают её.

ХЕД, «ЧЕРНОВЫЕ ЗАМЕТКИ»².

Пронесаясь мимо домишек, разбросанных слева и справа, люди Коутса и Тюрпин вихрем неслись по Энфилдской дороге.

Тюрпин – читатель уже знает это – был прекрасный наездник. Таким он был по английским меркам своего времени, таким его можно считать по меркам любого времени. Искусство и тайна верховой езды не были изучены и осмыслены в восемнадцатом веке так, как в девятнадцатом; отношение к лошади было совсем иное. Дик Тюрпин был блистательным исключением из этого правила, показав будущим поколениям, каким должен быть настоящий наездник. Он держался в седле удивительно легко, так что лошадь почти не чувствовала его веса. Он чувствовал каждое движение Чёрной Бесс, превращаясь с ней во время езды в единое целое. Он правил ею, стараясь лишний раз не напрягать доброе животное.

¹ Пеон – (исп.) подёнщик, полевой рабочий. (Прим. пер.).

² Сэр Фрэнсис Бонд Хед (1793–1875) – лейтенант-губернатор Верхней Канады. Пытался основать компанию по разработке месторождений в Аргентине. В Южной Америке написал книгу «Черновые заметки, составленные во время кратких поездок через пампасы и в Андские горы», которая была опубликована в 1826 году. Великий английский учёный Чарльз Дарвин (1809–1882), побывавший там шесть лет спустя, знал и ценил книгу Хед. (Прим. пер.).

Мы уже говорили о том, что Дик вовсе не собирался *отрываться* от своих преследователей, хотя мог сделать это в любую минуту. Он скакал, не увеличивая и не уменьшая хода, чтобы представить противнику «интерес погони». Он скакал так потому, что сама скачка доставляла ему невыразимое наслаждение.

– Клянусь родной матушкой, – сказал Титус, указывая спутникам на Дика Тюрпина, – клянусь матушкой, я только что видел, как от него на обе стороны разлетелись искры! Гляньте: он раскуривает трубку! Неужели мы стерпим такое, мистер Коутс?

– Погодите немного, сэр, – отозвался Коутс. – Мы ему ещё *дадим прикурить!*

Дик Тюрпин выпустил клуб дыма.

Оглянувшись назад, он заметил, что его действие произвело на противников должное впечатление.

– Пусть знают, что я о них думаю! – пробормотал он и плюнул на дорогу.

Наступил вечер. Устав от собственных криков, преследователи продолжали путь, погружившись в глубокое молчание. Патерсон скакал впереди всех. Остальные, стараясь не слишком отставать, скакали следом за ним.

Впереди показался фургон. Преследователи закричали, надеясь, что возница примет участие в поимке беглеца.

– Привет! – сказал Дик Тюрпин, приближаясь к вознице и вынимая трубку изо рта. – Скажи моим друзьям, пусть ищут меня в Йорке.

– Что он сказал? – спросил Патерсон, появившись на том же месте через несколько секунд.

– Сказал, что вы найдёте его в Йорке, – ответил возница.

– В Йорке! – с изумлением воскликнул Коутс.

Тюрпин скрылся из виду.

Трое преследователей, всматриваясь вдаль, долго не могли понять, куда он делся, и лишь через некоторое время заметили его невдалеке от У́ра у дверей маленькой пивной. Держа узду в руке, Дик невозмутимо осушал большую кружку эля. Заметив приближение противников, Дик взлетел в седло и снова исчез.

Преследователи подъехали к пивной.

– Чёрт побери, почему вы его не задержали, сэр? – воскликнул Патерсон, обращаясь к хозяину. – Вы знаете, какую премию упустили? Вы знаете, кто это был?

— Понятия не имею, — пожал плечами хозяин. — Я знаю только, что он напоил элем собственную кобылу, и дал ей выпить больше, чем выпил сам. А за выпивку он дал мне не шиллинг, а целую гинею!¹ Он — хороший парень!

— Хороший парень? — возмутился Патерсон. — Да это же Тюрпин, известный разбойник! Есть у вас свежие лошади? Наши — совершенно измучены.

— В нашем городке есть почтовая станция, джентльмены. Извините, ничем помочь не смогу: я не держу конюшню. Желаю вам доброго вечера.

С этими словами хозяин вернулся в своё маленькое заведение.

— Дело зашло слишком далеко, мистер Коутс, — сказал Патерсон, — но я готов отправиться за ним хоть на край земли. Будь я проклят, если отступлюсь!

— Правильно, сэр, — кивнул головой Коутс. — По-другому и быть не может. Вы должны помнить моего отца, мистер Патерсон. Его звали Кристофер, то бишь, Кит Коутс. В Олд-Бейли это имя было известно столь же, сколь имя Джонатана Уайльда².

— Ну, как же, отлично помню, — сказал главный констебль.

— В охоте за ворами ему не было равных. Я унаследовал от него пыл и задор. Вперёд, господа! Через час засветит наша верная помощница — луна. Едем на почтовую станцию. За мной!

Так и сделали. Пересев на свежих лошадей, они продолжили путь, уверенные в том, что выбрали верное направление.

Ночь уже расстелила над землёй своё покрывало, но тьма ещё не наступила. Редкие звёзды мерцали в безоблачных небесах, и жемчужное сияние на востоке возвестило о приходе светила ночи. Повеял лёгкий ветерок; пала вечерняя роса.

Преисполненный надежд и решимости исполнить задуманное, Тюрпин скакал туда, куда вела его заветная звезда. Всё благоприятствовало его планам: дороги — прекрасны, лошадь — не утомима.

¹ Гинея — английская золотая монета. Время действия романа — 1737 год. В этом году гинея равнялась 21 шиллингу. (Прим. пер.).

² В Олд-Бейли это имя было известно столь же, сколь имя Джонатана Уайльда. — Олд-Бейли — центральный лондонский суд по уголовным делам. Джонатан Уайльд (1682?–1725) — знаменитый лондонский преступник, предводитель воров. (Прим. пер.).

– Помогай – помогай, милая! – ласково промолвил Дик Тюрпин, погладив верную подругу.

Услышав его голос и почувствовав его руку, Чёрная Бесс рванула вперёд так, что даже Дик Тюрпин, знавший её лучше самого себя, был немало изумлён.

– Браво! Браво, Бесс! – воскликнул он.

Они очутились в лесу, густом и мрачном.

Дик огласил сумерки весёлым криком.

Лошадиные копыта дробно застучали на лесной тропе.

Кругом страна – в объятьях сна,
Во сне – и град, и весь,¹
И я скачу, куда хочу,
Я жив! – Я здесь! Я здесь!

И – тишина... Плывёт луна,
Весь мир заворожив,
И счастлив я от бытия:
Я здесь! – Я жив! Я жив!

ГЛАВА 6. ЧЁРНАЯ БЕСС

Дофин. Я не променяю своего коня ни на какого другого из всех, что когда-либо вставали на четыре копыта. *За, ha!*² Он отрывается от земли так, словно кишки у него совсем не имеют веса! *Le cheval volant*,³ Пегас,⁴ *qui a les narines de feu!*⁵ Когда я на нём, я парю, как ястреб. Он рысью несётся по воздуху, и когда касается земли, она поёт ему в ответ. В эту минуту даже самый худший рог его копыта звучит музыкальнее дудочки Гермеса!⁶

ШЕКСПИР, «ГЕНРИХ V», АКТ III, СЦЕНА 7.

Чёрная Бесс – полноправная героиня нашего романа, и будет вполне уместно, если и ей мы посвятим несколько строк.

Мы родословную её
Строкой опишем краткой:

¹ «...и град, и весь...» – т. е., и город и деревня. (Прим. пер.).

² За, ha! – (франц.) Да, скажу я вам! (Прим. пер.).

³ *Le cheval volant* – (франц.) летающий конь. (Прим. пер.).

⁴ Пегас – летающий конь. (Прим. пер.).

⁵ *qui a les narines de feu* – (франц.) с ноздрями, изрыгающими огонь. (Прим. пер.).

⁶ Гермес – в древнегреческой мифологии – вестник богов Олимпа. (Прим. пер.).

Аристократом был отец,
А мать – аристократкой.

Отец её был знаменитым арабским скакуном, которого богатый английский путешественник привёз на родину из дальних стран, мать – из семейства английских рысаков, чёрная, как уголь, передавшая масть любимому детищу. От отца она унаследовала огненный темперамент и доброту, от матери – духовное начало и замечательное проворство.

То, как Бесс попала к Тюрпину, особого значения не имеет, однако мы ни разу не слышали о том, чтобы Тюрпин заплатил за неё сколько-нибудь значительную сумму. С другой стороны, не было таких денег, за какие Тюрпин согласился бы расстаться со своей кобылой.

Шея у неё была изогнута, как у лебедя, стройности её ног могла бы позавидовать и газель. Живот – округлый и тугой, как барабан. Характер – мягкий, покладистый, такой, что даже ребёнок, взяв в руки вожжи, мог бы управлять ею.

Вернёмся к Дику Тюрпину. Он скакал по ночному лесу, преисполненный великой радости от всего, что делал и чувствовал. Взглянув на небо, он запел:

Вот Оливер¹ выкатил! – Подлый иуда
Предательски светит везде и повсюду.
Поэтому страстно я так ненавижу
Серебряный блик, что я в сумраке вижу,
Поэтому люблю мне строить напасти
В ночи, где черней, чем у дьявола в пасти.

Вот Оливер выкатил! – Ха! Ну и что же!
Плывёт он по небу, меня не тревожа.
Пускай он охоту испортил кому-то,
Во мне он не вызвал ни страха, ни смуты,
И светом каким он средь ночи ни брызни,
Я крикну: «Стоять! Кошельки или жизни!»

¹ Оливер – на английском воровском жаргоне 18 века – месяц, луна. (Прим. пер.).

Закончив песню, Дик Тюрпин снова взглянул на луну и, обращаясь к самому себе, сказал:

– Вообще-то старый Оливер – неплохой парень. В эту ночь я не останусь без его белой физиономии ни на минуту. Он светит, подобно лампаде, указывая дорогу мне и моей дорогой Бесс, и с таким провожатым мы не собьёмся с пути. – Спокойнее, спокойнее, голубушка, – ласково обратился он к лошади. – Побереги силы: ведь мы поднимаемся на холм. Дьявол в тебе сидит, что ли? Тебе всё нипочём.

Когда они сошли с холма, Дик снова запел:

ВИЛЛ ДЭВИС И ДИК ТЮРПИН

Однажды, скача по вечерним полянам,
Явился я в Бэгшот-Хит гостем незванным.
Взглянул – и без хмеля я сделался пьяным:
Вилл Дэвис висел на столбе окаянном!

*Верёвка, и сук нам,
И вечный досуг нам!*

И нет при нём сабли, и нет пистолета.
Какого разбойника сжили со света!
Красавец, ты нынче – подобье скелета.
Вилл Дэвис, Вилл Дэвис, что значит всё это?

*Верёвка, и сук нам,
И вечный досуг нам!*

И Вилл отвечает: «А то это значит,
Что друг твой сердечный, как ты, уж не скачет.
То значит, что счёт сей печальный лишь начат,
То значит, что то ж по тебе уже плачет!»

*Верёвка, и сук нам,
И вечный досуг нам!*

«Ты прав, — говорю я, — и всё же, и всё же
Лошадка со мною и сабелька — тоже.
И я своей жизни пока не итожу,
Мне думать о смерти пока что негоже!»

*На створы глухие
Есть воры лихие!*

— Бедный Вилл Дэвис! — вздохнул Дик. — Бэгшот его никогда не забудет!

Пусть в Бэгшоте парня прославят на тризне:
Он был благороднейшим вором при жизни.
При мысли о Дэвисе дань укоризне
Пускай воздают только рохли да слизни!

*На створы глухие
Есть воры лихие!*

«Настанет день, — подумал Тюрпин, — и меня, как всех моих славных предшественников, отправят на виселицу под шум четырёх ветров. Но, надеюсь, это будет ещё не скоро, и шелкопёры не уснастят мои жизнеописания поганой отсебятиной, и я ещё выскажусь сам — как человек, который никогда не боялся смерти и не предавал друзей. Пройдут годы и годы после того, как мне устроят постель при помощи мотыги и укроют при помощи лопа-ты, но эта моя поездка в Йорк по-прежнему будет на слуху у писак всех времён и народов!

А что же будет с тобой, Бесс?

С тобой вдвоём едим и пьём,
И нам других не нужно.
Мы и в историю вдвоём
Войдём с тобою дружно.

Но за добычей ли скачу,
Даю ли сам я дёру,

Я всё ж достанусь палачу,
Лошадка – живодёру!

Куда ты денешься, Бесс, когда меня не станет? Может, тебе лучше умереть сейчас, пока я с тобой?» – подумал он и промолвил вслух:

– Вперёд, моя хорошая! Только вперёд!

Два графства остались позади. Только что они пересекли границы третьего – весёлого графства Хантингдон. Вот преодолели некрутой холм и вошли в Годманчестер. Вот скачут по берегам стремительного Уза. Прошли мост; перед ними – Хантингдон-городок, центр весёлого графства.

В церкви Сент-Мэри пробили одиннадцать часов.

За четыре часа – было примерно семь вечера, когда он отправился в путь – Дик преодолел целых шестьдесят миль!

Несколько пьяниц, шагавших на нетвёрдых ногах, заметили одинокого всадника, что проскакал мимо; с треском раскрылось два-три окна – кого это принесла нелёгкая в столь поздний час? Никому и в голову не пришло, что маленький городок почтил своим молниеносным визитом знаменитый разбойник. Он стремительно появился и стремительно исчез, подобно метеору.

И вот Хантингдон остался за спиной, и снова вокруг – живые изгороди, покрытые росой, и деревья, молча и сонно застывшие вдоль дороги. Слева и справа – широкие луга и пашни, дремлющий скот и блеющие стада овец.

Но что Тюрпину до природы – одушевлённой и неодушевлённой? Он думает только о Чёрной Бесс и о своей грядущей славе.

Никто с восхищением не глядит ему вслед, не звучат громкие рукоплескания, не слышны одобрительные возгласы, никто не машет ему носовым платком, никто не отметит призом его достижение. Но он прославлен – прославлен отныне и навеки, и его слава не умрёт вместе с ним!

Он понимает, что стартовал в борьбе за свою *жизнь*, но на финише его ждёт – *бессмертие*.

Он знает, что ради имени, оваянного славой, он готов пожертвовать всем, даже собственным существованием, и ему уже всё равно, какие беды ждут его впереди.

Случайные зеваки — зачем они ему? Будущие поколения глядят на него во все глаза. Он видит, с каким отчаянием шпорят они своих скакунов, но никто из них не может свершить и половины того, что свершил сегодня он, Дик Тюрпин! Тысячи тысяч людей, ещё не рождённых, прославят его, передав из уст в уста рассказ о его деяниях.

Он дрожит от возбуждения, и это чувство передаётся Бесс.

Поток падает со скалы — стрела летит из лука — мысли, обретая крылья, летят быстрее птиц!

Вперёд! Вперёд!

Перевод с английского Евгения Фельдмана

ВИКТОРИЯ ЛИХАНОВА

В 2013 году Виктория Лиханова окончила с отличием факультет филологии и массовых коммуникаций Забайкальского государственного университета. В настоящее время она обучается на втором курсе магистратуры в Европейском лингвистическом институте при Московском государственном лингвистическом университете (МГЛУ Еа-ЛИ, г. Иркутск). Виктория также работает в агентстве по международному образованию «Космополит». Начиная с 2009 года она – регулярный участник и неоднократный дипломант региональных конкурсов молодых поэтов-переводчиков, которые в течение многих лет проводились сначала при Забайкальском государственном гуманитарно-педагогическом университете им. Н. Г. Чернышевского (теперь ЗабГУ) под эгидой Забайкальского регионального отделения Союза переводчиков России. Виктория занимается поэтическим переводом с английского и русского языков. Среди её переводов с английского можно назвать таких авторов, как Сара Тисдейл, Джон Гринлиф Виттер, Эдвин Арлингтон Робинсон, Эдна Сент-Винсент Миллей, Джон Рональд Толкиен, Мери Фрай.

В качестве хобби Виктория пишет собственные стихи. Это увлечение принесло ей победу во внутривузовском конкурсе «Ода переводу» (2013 год) и межвузовском конкурсе поэтических работ студентов «Стихи о любви» (2014 год – с публикацией в сборнике творческих работ студентов «Весна»). Публикуется в научно-художественном журнале «Переводчик».

A TRIBUTE TO INTERPRETER

Farewell to Babylon! The dawn
When the interpreter was born
To be the sun in times of storm,
The ferity destroyer.

He was the priest, he was the slave
Who saved the knowledge from the grave

And brought it gently through time wave –
For future to enjoy it.

He's seen the wars to come to start,
Seen shaking hands with wicked hearts
And all the power – dull and smart –
But had to be ignorer.

This man just does his best at work.
Sometimes it's like to move a rock –
To be precise and not to shock –
The verity true storer.

The curse of Babylon is gone
As the interpreter has won:
The difference can be overcome –
The task for him to worry.

He keeps whole world in single head
And seeks all hidden paths to tread.
He has full right to eat his bread –
Interpreter is gorgeous!

Перевод с английского

САРА ТИСДЕЙЛ (1884 – 1933)

Прелый запах земли тёплый дождь разнесёт,
Щебет ласточек вновь в синеве поплывёт.

И лягушки ночами поют на пруду,
И, робея, стоят сливы в бледном цвету.

У зарянки перо полыхает огнём,
Из колючки забор для неё – милый дом.

Нет, никто о войне не узнает, никто
Не возьмётся спросить, что стряслось, как давно.

И ни птица, ни куст не подумают ввек,
Навсегда ли исчез с их Земли человек.

И Весна-госпожа, возвещая рассвет,
Удивится едва ли, что нас больше нет.

ВИНО

Бессмертен будет, кто вкушал
Из лунной чаши радость,
С голодной жадностью вдыхал
Июньской ночи сладость.

Умрут другие – разве нет
В сиянье странном для меня
Спасения – не в Красоте ль
Пила вино Бессмертия?

ДЖОН ГРИНЛИФ ВИТТЕР (1807 – 1892)

Поклонение природе (отрывок)

Арфа, что пела в день первый Природе,
Не прекращает играть;
Песне, что звёзды поют на восходе,
Не суждено умолкать.

Шёпот молитвы, хвалы голоса
В мире от края до края;
Море вздымает взгляд к небесам,
Звёзды в себе отражая.

Волны на бреге колени склоняют,
Словно взывая к богам,

Кудри седые к песку опускают.
Море, священен твой храм!

Струи сокровищ сверкающих льются,
В дар жемчуга рассыпают,
Слушают горы, как песни поются,
И в унисон подпевают.

ЭДВИН АРЛИНГТОН РОБИНСОН (1869 – 1935)

СЧАСТЛИВЫЙ

Видишь строки эти в камне –
Путник, жалость не нужна мне;
Хоть средь мёртвых я теперь,
Скорбь здесь лишняя, поверь.

Моим детям, моим внукам –
Было всем добро порукой;
Рядом с ними и с женой
В счастье прожил век я свой.

Справно трёх сынов сосватал,
Их сынов качал в кроватках;
Смерть и беды приходили –
Счастье наше не сломили.

Дети, плакать нет причин –
Будет здесь старик один.
Он найдёт покой и кров
В лучшем мире из миров.

Перевод с русского на английский

ГЕННАДИЙ ГОЛОВАТЫЙ¹ (1940 – 2001)

I don't want to know it ever
Where usually cranes fly away.
This land should be nameless forever,
This secret should not get its way.

Be it...Just touch window with hand
And soon winter lace melts away!
I want to pine over the land
Where usually cranes fly away.

I will not ever gain my peak!
The dialectics is so light:
The more ideal is the height,
The deeper it and hard to seek.

I only feel: the greatest height –
In times of rockets, bombs and trade –
Is at the bottom of the heart
That's full of sympathy to pain.

You can't just finish all your tasks
But can postpone your deeds –
And live the life that your heart asks,
The life that your heart needs!

My work is left. Made up my mind.
And let it sink or let it swim!
Then sudden whisper, heart's demand:
“Work isn't finished. Let's begin?..

¹ Стихотворения забайкальского поэта Геннадия Головатого см. в разделе «Приложение» (с. 251).

МАРИЯ ШАДРИНА

ОСОБЕННОСТИ РИФМЫ В КИТАЙСКОЙ ПОЭЗИИ

В поэтическом переводе с китайского языка, так же, как и в любом другом поэтическом переводе, основными задачами являются правильная передача содержания оригинала, а также воспроизведение его формы. Соблюдение единства формы и содержания при переводе с европейских языков – задача вполне реальная, в силу близости как принципов стихосложения, так и общего грамматического строя языков. Однако передача формы китайского стихотворения при переводе представляет большие сложности, так как китайский язык во многом сильно отличается от индоевропейских. Одной из особенностей китайского поэтического текста, не имеющей точных соответствий в русском стихосложении, является китайская рифма.

Рифма (韵) с древних времён является ведущим атрибутом китайской филологии, так как первые китайские словари были словарями рифм. Особенности китайской рифмы связаны с особенностями структуры слога китайского языка. Ещё с древних времён в структуре слога китайскими фонетистами выделялись два компонента: инициаль (声母) – начальный согласный звук и финаль (韵母) – вокальная часть слога, конечный гласный звук, дифтонг либо трифтонг. Китайский слог может заканчиваться только вокальной частью. Инициаль в рифму не входит, рифмуются только финали. Кроме того, в рифму должно входить и музыкальное ударение – тон. В китайском языке четыре тона. Первый и второй тоны называют также восходящими, третий и четвёртый – нисходящими. В поэзии, особенно в классических стихотворениях, предпочтение отдаётся использованию рифм с восходящими тонами.

Китайскую рифму, основанную только на финалях, передать на русский язык крайне сложно, поскольку в русском языке используется рифма и на гласные, и на согласные звуки. Приходится прибегать к обычной русской рифме, передающей порядок рифмованных строк.

В классических китайских стихотворениях используется концевая (рифмуются последние иероглифы строк) и сквозная (проходящая

через весь стих) рифма. Применение монорифмы (разновидности рифм по взаимному расположению в стихе; при которой все строки рифмуются между собой) в китайской классической поэзии значительно затрудняет её перевод на русский язык. Большинство переводчиков отказывается от применения монорифмы как не слишком характерной для русскоязычных поэтических произведений. Другие переводчики (О. М. Городецкая, Л. Е. Черкасский и др.), напротив, стремятся к сохранению монорифмы, если это возможно. А некоторые переводчики вообще отказываются от применения рифмы, мотивируя это тем, что с течением времени чтение многих иероглифов изменилось, и при чтении стихов на современном китайском языке рифма уже не слышна. Сторонниками такого подхода к передаче рифмы являются Л. З. Эйдлин, А. А. Ахматова, И. С. Смирнов. Рифмовку с соблюдением китайского порядка рифм применял Л. Н. Меньшиков. Ю. К. Щуцкий повсеместно использовал рифму, изменяя лишь порядок расположения рифм, свойственный китайскому подстрочнику. К свободной рифмовке прибегали А. И. Гитович, Л. Е. Черкасский.

В XX веке в результате движения «4 мая» происходит поэтическая революция, приведшая к тому, что вместо стихотворений на древнем классическом языке вэньяне (文言) начинают появляться произведения на разговорном языке байхуа (白话). Возникают новые типы стихов: свободный стих, стихотворение в прозе, уставной (европеизированный) стих (格律诗). Появляется многообразие типов рифмовки: смежные, перекрестные, охватные (кольцевые) рифмы, а также их сочетания. Подобные виды рифм характерны и для стихотворений на русском языке, и потому при их переводе легче сохранить форму оригинала.

Ниже приводится анализ рифм некоторых китайских стихотворений, как классических, так и современных, а также переводов данных стихотворений. Первое стихотворение относится к классической поэзии, автор – Жуань Юй (阮瑀, 165-212). Перевод выполнен автором статьи.

苦雨滋玄冬。
引日弥且长。
丹墀自殫殫。
深树犹沾裳。
客行易感悴。
我心摧已伤。
登台望江沔。
阳侯沛洋洋。

Kǔyǔ zī xuǎn dōng.
 Yǐn rǔ mǎn qím **chǒng**.
 Dǎn chǎn zǎn jiān yǔ.
 Shēn shǔ yǔ zhān**chǒng**.
 Kǐ xǐng yǔ gǎn cǔ.
 Wǒ xīn cuī yǐ **shāng**.
 Dēngtái wǎng jiāng miǎn.
 Yǒng huī pī yǒng**yǒng**.

Дожди всё льют. Не видно им конца!
 И солнце ждать – напрасная надежда.
 Сокрыт за ливнем силуэт дворца,
 И у деревьев вымокла одежда.
 Пришелец, я страдаю от тоски,
 И сердце рвётся в буре непогоды.
 Издалека взираю на Янцзы –
 Как глубоки и как безбрежны воды!

В данном стихотворении используется сквозная рифма, проходящая через весь стих. Между собой рифмуются вторая, четвёртая, шестая и восьмая строки стихотворения (рифмующаяся финаль -ang). Соблюдается и тоновый рисунок, все рифмующиеся слоги читаются высокими тонами (первым или вторым). Подобные особенности являются характерными для китайской классической поэзии. В переводе сквозная рифма не была сохранена, она была заменена на перекрёстную рифму, более привычную для русского стихосложения.

Следующее стихотворение 生活 («Жизнь») относится к современной китайской поэзии. Автор данного стихотворения – Сюй Чжи-мо (徐志摩, 1897–1931).

阴沉，黑暗，毒蛇似的蜿蜒，
 生活逼成了一条甬道：
 一度陷入，你只可向前，
 手扞索着冷壁的粘潮，
 在妖魔的脏腑内挣扎，
 头顶不见一线的天光
 这魂魄，在恐怖的压迫下，
 除了消灭更有什么愿望？

Yīnchén, hēi'an, dǎshǐ shm de wān yǒn,
Shēnghuó bī chéngle yītíbo yǒngdao:
Yīdǐ xianǐ, nǐ zhǐ km xiang qíǒn,
Shǒu mǐn suǒzhe lǐngǐ bm de zhān chǒ,

Zai yāomó de zangfǔ nǐ zhēngzhǒ,
Tyudǐng bǐjian yīxian de tiānguāng
Zhi hǎnpǐ, zai kǒngbǐ de yāpǐ xia,
Chǎle xiāomǐnǐ gǐng yǒu shǐ me yuanwang?

Змеёй ядовитою мрак, извиваясь, ползёт.
Душа под ударами жизни с пути сорвалась.
Погрызший в болоте, лишь можешь тянуться вперёд,
Руками хвататься за скользкую, липкую грязь.

В нечистом, отравленном сердце стихает борьба,
Последнего лучика света уже не видать.
Под гнётом отчаянья, ужаса, эта душа
Что, кроме исчезновения, может желать?

В стихотворении применяется чуждая китайской классической поэзии парная перекрёстная рифма, которой пользовались немногие поэты даже из числа последователей жанра 格律诗 (европеизированных стихов). Особенности рифмы оригинала были переданы в переводе.

Следующее стихотворение 他眼里有你 («В глазах его Ты») также было написано Сюй Чжимо¹. Автор перевода – студентка 3 курса китайского отделения ЗабГУ Вероника Сабинская.

我攀登了万仞的高冈，
荆棘扎烂了我的衣裳，
我向飘渺的云天外望 –
上帝，我望不见你！

我向坚厚的地壳里掏，
捣毁了蛇龙们的老巢，
在无底的深潭里我叫 –
上帝，我听不到你！

¹ См. научно-художественный журнал «Переводчик» № 13, 2013. С. 226–227.

我在道旁见一个小孩：
活泼，秀丽，褴褛的衣衫；
他叫声妈，眼里亮著爱－
上帝，他眼里有你！

Wǒ pāndēngle wan rín de gāo gāng,
Jīngjīn zhā lanle wǒ de yīshang,
Wǒ xiàng piāomiǎo de yǎntiān wai wang
Shangdm, wǒ wang bǐjiān nǐ!

Wǒ xiàng jiān htu dm dm kǐ lǐ tāo,
Dǎohuǐle shǐ lǐngmen de lǎocháo,
Zai wǒ dǐ de shēn tǒn lǐ wǒ jiao
Shangdm, wǒ tīng bǐ dao nǐ!

Wǒ zai dao pǒng jian yīng xiǎohóu:
Huópō, xīshǐm, lǐnlǚ de yīshān;
Tā jiao shēng mā, yǎn lǐ liangzhe ai
Shangdm, tā yǎn lǐ yǒu nǐ!

Неприступные горы я покорял,
О терновые ветви одежду рвал.
Но в заоблачных далях, что я видал,
О, Господь, я не встретил Тебя!

Твердь земную отчаянно я копал
И обитель драконов и змей разорял,
Но как громко бы в бездне Тебя ни звал,
О, Господь, я не слышал Тебя!

Но однажды я встретил ребёнка в пути –
Славный малый, одетый в лохмотья свои,
Звал он маму, в глазах его, полных любви,
О, Господь, я тебя отыскал!

В данном стихотворении соблюдается строгая рифма. Рифмуются первая, вторая и третья строки четверостиший. Указанная особенность была успешно передана в переводе.

Таким образом, рифма является важным элементом системы китайского стихосложения. Китайская рифма концевая, основанная на финалях. Что касается порядка рифмованных строк, то для китайской классической поэзии характерна сквозная рифма. Подобная рифма довольно трудна для передачи и непривычна для русской поэзии, поэтому многие переводчики заменяют её другими видами рифм. В современном китайском стихосложении под влиянием западных поэтических школ появляются новые типы рифмовки: смежная, перекрёстная, охватная, а также их сочетания. Такие виды рифм часто встречаются в русской поэзии, и следует стремиться к их сохранению в переводе.

Литература:

1. Задоевко Т. П., Хуан Шуин. Начальный курс китайского языка. Часть 1. – 5-е изд, испр. и доп. М: Восточная книга, 2010. – 304 с.
2. Меньшиков Л. Н. Предисловие переводчика // Чистый поток. Поэзия эпохи Тан. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001.– 320 с.
3. Романовская Е. В. Рифма в системе китайского классического сло-жения. // Международные отношения: история, теория, практика: ма-териалы II науч.-практ. конф. молодых ученых фак. междунар. отно-шений БГУ /редкол.: В. Г. Шадурский. Минск: Изд. центр БГУ, 2012. – 250 с.
4. Черкасский Л. Е. Новая китайская поэзия. М.: Издательство «Нау-ка», 1972. – 496 с.
5. Научно-художественный журнал «Переводчик» (Печатный орган Забайкальского регионального отделения Союза переводчиков Рос-сии). Вып. 13/ Забайкал. гос. ун-т; гл. ред. О. В. Стельмак. Чита, 2013. – 253 с.

КАТЕРИНА ПОЛАДЯН (род. в 1971 г.)

IN EINER NACHT, WOANDERS

«От Тихого океана до Байкала» – так масштабно проходила пре-зентация первого романа современной немецкой писательницы и ак-трисы с русскими корнями Катерины Поладян «Однажды ночью где-то»¹.

¹ Katerina Poladjan. In Einer Nacht, Woanders. Roman. Rowohlt Taschenbuchverlag, 2013.

Студентам ФФиМК, изучающим немецкий язык в качестве первого или дополнительного, представилась уникальная возможность посетить мастер-класс писательницы и попробовать себя в роли переводчика художественного текста. На занятиях, которые вела Катерина, студенты предлагали свои варианты перевода отрывков романа. В ходе совместных обсуждений и горячих споров рождались строки перевода. Бесспорно, важными при этом являлись замечания и комментарии автора. Результатом коллективного труда стал перевод, в создании которого приняли участие Семен Катанаев, Светлана Климова, Лариса Гурулева, Вероника Козлова, Дарья Былкова, Евгения Какаulina, Марина Чунослова, Галина Вайзерова, Анна Агафонова.

Ирина Костина

ОДНАЖДЫ НОЧЬЮ, ГДЕ-ТО (отрывок из романа)

Рейс задерживается на 3 часа, и я уже не рассчитываю, что мы полетим. Мне нужно уехать. Срочно. Иначе дом продадут, так говорилось в письме. А этого я не могу допустить, ведь это моё детство. «Да что они знают о моём детстве?» – задавалась я вопросом, но не находила ответа. «Это лишь дом. Из дерева, камня и стекла. Больше ничего», – так думала я. «Есть ещё сад с дурацкими берёзами и прудом, в котором утонул один из моих кроликов». Спустя несколько дней после письма Пётр позвонил. Тот самый Пётр с нависшим веком. «Ты приедешь?» Я слышала, как дрожит его голос и ответила: «Да».

«Надо подготовить дом. Мне надо подготовить дом и продать» – думала я. Как вообще это делается? Я и понятия не имею, как надо продавать дома. Живу я в маленькой квартирке. Каждый месяц плачу за аренду, на этом мои обязанности и заканчиваются. А сейчас предстоит подготовить дом, в котором при желании уместились бы две семьи. Дом, в котором я провела всё своё детство. С верандой, где в углу, рядом с деревянной скамейкой, стояла моя красная лошадка. Нужно подняться на чердак, где последний раз я была лет в девять или десять. Туда, где жил маленький зелёный человечек. Там под окошком я сделала ему кровать из ваты и листьев. С ним я обсуждала всё самое важное. Я сидела на полу, пахло дровами, и я воображала, как в старости буду жить в местечке рядом с горячими источниками. «Я думал,

что ты меня забыла», – обиженно говорил он всякий раз, когда я несколько дней не появлялась наверху. Он был очень маленький – голова размером с грецкий орех. И это всё его угнетало. А я утешала его и убеждала, что это не его вина, ведь это я так выросла. Он требовал доказательств. «На твой день рождения!» – обещала я ему. К счастью, он не мог вспомнить, когда у него день рождения.

Сейчас я сижу в самолёте, вспоминаю, как моя бабушка твердила, что русские авиалинии самые лучшие. «А аэрофлот безопасный и там хорошо кормят», – говорила она. Рядом со мной сидит толстяк с лицом довольного пекаря, которому особенно хорошо удавались булочки. Он смотрит то на указатель ремня безопасности, то на большие, накрашенные губы белокурой стюардессы. Она ободряюще ему улыбается, а он передаёт эту улыбку мне. Такая глупая игра взрослых, которые не могут просто взяться за руки.

За бортом самолёта бушует непогода, и стюардесса с упорством стойкого оловянного солдатика раздаёт конфеты, напоминающие мне красные петушки, которые можно было купить на проспекте Улицкого. Там работала моя бабушка. Красные сахарные петушки, которыми торговала старая цыганка. Всякий раз, проходя мимо, я хотела получить такого петушка. И каждый раз бабушка рассказывала мне историю о грязных цыганах, которые сначала в чугунной ванне моют ноги, а потом в этой же ванне плавят сахар для петушков. Такой ритуал, с помощью которого цыгане мстят русским.

Я этого не понимала, да и любой другой ребёнок этого бы не понял. Как-то в парке я нашла такой петушок в урне. Я спрятала его в шарф и потом съела в кровати. Я старалась при этом не издавать никаких звуков, ведь рядом бабушка сидела перед телевизором. Она смотрела фигурное катание. В то время олимпийскими чемпионами стали Ирина Роднина и её партнёр, имя которого в доме бабушки не упоминалось, т. к. считалось, что ему лучше быть поваром. Иногда я сидела рядом в ней на коричневом диване и воображала себе, что тоже стану фигуристкой, в гипюровом платье, похожем на торт. «У тебя слишком короткие ноги для фигурного катания» – говорила бабушка, как только я заикалась о своём желании. «Больше не буду катать тебя на санках! Будешь бегать и тренировать свои ноги. Может они ещё выра-

тут. Ведь у твоей-то мамы длинные ноги». Но я твёрдо верила, что получу международное признание и всё равно просила показать меня на санках. <...>

Самолёт неожиданно попадает в воздушную яму, и толстяк в панике хватается меня за руку, оставляя на ней потный след. Я бы сейчас с удовольствием выкурила сигарету. Больше всего мне нравятся руки стариков. Кожа, словно пергамент, сухость которой, придаёт мне уверенность. Мой сосед выпивает третий стакан вина, и теперь он хочет выпить со мной. «Разрешите заказать вам что-нибудь?» – спрашивает он по-английски. Я хочу сказать: «Нет, спасибо», но почему-то говорю: «Да, с удовольствием». Я беру стакан томатного сока. Его глаза блестят, и я представляю его мальчишкой, сидящим на пёстром ковре. Это помогает мне расслабиться. Возможно, у него есть семья или какое-нибудь серьёзное заболевание. Он постоянно трёт левый глаз и ёрзает в кресле. При этом клетчатая рубашка задирается, оголяя его живот. Бледный, волосатый барабан.

«Я думаю, как вертится Земля вокруг своей оси» – говорит толстяк. «Земля, которая приближается к мгновению, когда решится: будет ли она дальше вращаться или остановится навсегда. Неподвижный шар в ледяном пространстве. Возможно, на Земле что-то происходит, а мы летим здесь над облаками и можем только строить догадки. Во время моего последнего полёта в Лондон я представлял себе, что самолёт не сможет приземлиться. Все посадочные полосы исчезли. Аэропортов просто напросто больше нет, понимаете? Не бред ли?» «Конечно бред» – думаю я и вежливо улыбаюсь. Он говорит по-английски лучше меня, и я надеюсь, что он не будет задавать мне сложных вопросов.

ЗИНАИДА СЫСОЕВА

КВИР-ТЕОРИЯ И ГЕНДЕРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ИНДИВИДА В ЛИТЕРАТУРЕ

Квир-теория возникает в конце двадцатого века и позволяет по-новому взглянуть на вопросы гендерной идентичности. Некоторые учёные призывают отойти от привычной классификации «мужское-женское», указывая на появление около двадцати дополнительных разновидностей гендерных характеристик, таких как трансвестизм, транссексуальность, андрогинность и т. д. (7).

В семидесятые годы XX века вопросами гендерной роли человека заинтересовалась популярная культура. Интерес к гендеру был вызван расцветом феминизма и представлял собой реакцию на патриархальный уклад жизни (2, с. 65). После борьбы женщин за свои права, возникает новое движение за независимость, объединившее людей нетрадиционной сексуальной ориентации. Психологи Стэнфордского университета склоняются к мысли, что социум должен научиться принимать сексуальную ориентацию представителей гей-сообществ и лесбиянок. Это поможет навсегда избавиться от такого пережитка прошлого, как дискриминация индивида по качеству, выделяющему его среди других.

Сексуальность, по мнению сторонников квир-теории, обусловлена не природой человека, его биологическим полом, а окружением, социокультурными факторами и воспитанием (6).

Конец XX и начало XXI веков являются временем размытия гендерных границ, что является причиной разрушения традиционной модели взаимоотношений между мужчиной и женщиной. Все чаще женщина отказывается от привычного уклада жизни и вторгается в сферу деятельности мужчин.

Если рассматривать проявление категории гендера в литературе, то данный аспект можно описать тремя уровнями проявления. Прежде всего, текст рассматривается как проявление ген-

дерной роли автора, его личных ощущений относительно своей половой принадлежности. На другом уровне затрагивается проблема изображения мужчины и женщины внутри произведения. На третьем уровне выделяется возможность выражения собственных мыслей относительно взаимоотношений между полами (2, с. 65).

В современной литературе теме сохранения гендерных ролей и взаимоотношения между полами уделяется большое внимание. В эпоху глобализации данные явления сопровождаются также вопросами национальной идентичности, что ещё больше подчёркивает нестабильность процессов, происходящих в обществе. Указанные проблемы находят отражение в творчестве выходца из Индии Салмана Рушди, афроамериканки Тони Морисон, мексиканки Лауры Эскивель, имеющего еврейские корни писателя Филипа Рота и многих других.

Филип Рот часто изображает противостояние мужчины и женщины, которое приводит к разрушению семьи и брака. В романе «Умиращее животное» главный герой боится признаться в искренней любви к женщине, потому что это, по его мнению, может сделать его слабым. В произведении «Случай портного» читатель может наблюдать наглядное подтверждение квир-теории – атмосфера в семье, где мать постоянно подавляет мужчин, приводит к тому, что её сын спустя годы оказывается в кресле психоаналитика.

Тони Морисон в романе «Возлюбленная» и Лаура Эскивель в книгах «Как вода для шоколада» и «Малинче» показывают, каким непростым может быть положение женщины в обществе, привыкшем жить по определённой модели.

Салман Рушди в некоторых произведениях ставит вопрос о месте женщины в современном обществе. Кроме того, писатель описывает ситуацию, когда возникает трудность национального самоопределения внутри чужой культуры (3, с. 138). Одним из произведений, затрагивающих данную тему является книга «Земля под её ногами», в котором героям приходится отказаться от многих привычных жизненных установок. Несмотря на часто встречающиеся в современной литературе описания притеснений со стороны представителей той или иной гендерной группы, в некоторых литературных источниках встречается совершенно иной взгляд на жизнь.

Об этом свидетельствует современный ученый Холл, изучавший англо-саксонский эпос. Холл указывает, что во многих мифах нельзя проследить привычное для современного мира противопоставление женского и мужского начал. Так, образ эльфа из древних мифов включает в себя абсолютно противоположные в современном мире категории, что позволяет уравнивать представителей разных полов. Мужчины-эльфы красивы и ангелоподобны, но при этом это не мешает им проявлять самые стойкие черты характера. Женщины, несмотря на то, что лишь немного превосходят мужчин по красоте, сохраняют присущую прекрасному полу соблазнительность. Описанные выше факты могут быть рассмотрены в качестве предпосылок к созданию гармоничного общества, где представитель любого пола не подвергается дискриминации (1, с. 157). В различных преданиях можно встретить как короля, так и королеву эльфов, что ещё раз указывает на отсутствие яркого доминирования представителей какого-либо определенного пола (1, с. 160).

Несмотря на это сторонники квир-теории подчёркивают, что в мире всегда будет присутствовать доминирующая и маргинальная культура. Но не всегда стоит рассматривать проявления маргинальной культуры, как неправильные, потому что на формирование личности влияет множество факторов, и чаще поведение индивида строится по уже существующей в мире аналогии. Многие наблюдатели отмечают, что мир становится более терпимым к проявлению любви между представителями нетрадиционной сексуальной ориентации. Создаётся новая социокультурная среда, внутри которой воспитываются люди с принципиально другим взглядом на жизнь. Слово «queer», обозначающее нечто, выходящее за рамки привычного, становится всё менее актуально для обозначения данной теории, потому что «странное» больше не является странным, а становится частью мейнстрима (4).

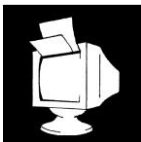
Современный ритм жизни диктует человеку свои правила, учёные, отстаивающие квир-теорию, выступают против дискриминации по половому признаку или по признаку сексуальных предпочтений. Это можно объяснить абсурдностью обвинений со стороны общества, которое прямо или косвенно оказало влияние на формирование личности и обозначило приемлемые для него модели поведения.

Сторонники квир-теории исторически обуславливают существование представителей сексуальных меньшинств, говоря о том, что нетрадиционные виды сексуальных взаимоотношений существовали всегда, но иногда были скрыты от посторонних глаз (5).

Конец XX и начало XXI века становятся временем тотальных перемен, когда в мире трансформируется модель семьи и брака, а также взаимоотношений между представителями разных полов. Однако не стоит смотреть на эти явления как на нечто принципиально новое, потому что подобные стороны взаимоотношений встречались даже в древнейших государствах, но не придавались огласке.

Список использованной литературы:

1. Alaric Hall. *Elves in Anglo-Saxon England. Matters of Belief, Health, gender and identity.* Woodbridge: The Boydell Press. 2007. 228 с.
2. Antony Easthope. *Literary into cultural studies.* London: Routledge. 1991. 205 с.
3. C. L. Iness. *The Cambridge Introduction to Postcolonial Literatures in English.* Cambridge University Press. 2007. 295 с.
4. Jenny Block. Here is why I use the word «Queer». [Электронный ресурс] URL: http://www.huffingtonpost.com/jenny-block/here-is-why-i-use-the-word-queer_b_6902586.html (дата обращения 15.04.2015).
5. Larry Kramer. *Yale's Conspiracy of Silence.* [Электронный ресурс] URL: <http://www.thedailybeast.com/articles/2009/04/24/my-apology-to-yale.html> (дата обращения 15.04.2015).
6. Stanford Encyclopedia of Philosophy// Homosexuality [Электронный ресурс] URL: <http://plato.stanford.edu/entries/homosexuality#QueTheSocConSex> (дата обращения 15.04.2015).
7. V Mayilvaganan. Gender pride march takes Madurai by storm. [Электронный ресурс] URL: <http://timesofindia.indiatimes.com/city/madurai/Gender-pride-march-takes-Madurai-by-storm/articleshow/15265053.cms?referral=PM> (дата обращения 15.04.2015).

В копилку переводчика

АШОТ САГРАТЯН

РАДАРНОЕ СЧИТЫВАНИЕ ОБРАЗА (Введение в метод подхода)

Почему радарное? Считывая с экрана восприятия предмет, отслеживая траекторию его поступательного движения, нетрудно вычислить и темп авторских построений. Речь идёт о прохождении энергии смысла.

Вибрационное поле интуиции позволяет определить ритмографию частот, на которых работает образность автора. Гипнотическая связь с каждым из произведений автора возникает при настройке на шифр звукописи, отворяющей врата внутреннего видения. Зрительный образ как бы отслеживает ход мысли, ориентируясь на его устойчивость, ибо, чем ярче образ, тем точнее слово в лексическом ряду. Речь, разумеется, идёт о переводах с языка оригинала, а не с подстрочника. Выбор, отбор, предпочтение суть три кита, на которые и опирается переводчик, приступая к работе. Эти три несущие конструкции отмечены готовностью выстраивать логические ряды. Тем оно и определяется, акустическое зрение таланта, когда пульс срачивается с ритмом подачи оригинала. Энергетическое поле автора сопрягается с энергетическим полем переводчика. Дыхание авторского текста резонирует в крови, настраивая пульс на варианты разрешений. Путь от инстинкта к интеллекту и составляет процесс преодоления трудностей в переводе. Сопричастность авторскому кредо начинается именно на этом этапе сращения двух творческих начал.

Эффект воздействия напрямую зависит от способности переводчика перевести читателя на рельсы образности, не потерявшей привлекательности в иной языковой среде. Остаётся предостеречь переводчика от гладкописи: шероховатость мастерства иноязычного автора нет-нет, а должна выдавать себя штрихами к портрету авторского своеобразия. Полностью раствориться в иноязычном авторе мало кому удаётся. Имитация же бросается в глаза вторичностью своей. А всё показушное, как известно, претит.

Память мысленного взора на самом деле безгранична. Сначала

выступают на первый план какие-то стержневые вещи. Потом проступают детали второго плана, третьего... Подвижный фон эпох, воспроизводимых памятью, движется как бы в обратном направлении, на самом же деле подвигая к осмыслению момент сиюминутный. Наблюдательность, вот что спасает переводчика! Фиксация деталей в их синхронном появлении на экране восприятия. Графический образ запоминаем контурами своими. Динамика настроений, чувственное восприятие в этом случае первичней. Сила воображения, разумеется, восполнит возможные пробелы, но ставку должно делать на гармонию. Глубинное открывается постижением пространственности образа мира, рисуемого творцом.

Истечение времени внутри текста само по себе есть объект пристального внимания. Переживания, пропущенные сквозь призму личностного начала, формируют образ, позволяя постичь технику его лепки. И не на этом ли этапе проявления умения начинается полоса везения?!

Радарное считывание соотносимо и со скоростью восприятия образа. Чем богаче воображение, тем вариативнее выход конечного продукта – готового перевода. Процесс шлифовки произведения в целом имеет место уже по преодолении первого этапа присвоения, когда в иной языковой среде образу дышится так же вольготно. Подобно тому, как рыбаки сушат сети на колышках, переводчик развешивает аллитеративно-ассонансное полотно художественного произведения на колышках своих подходов к прочтению оногo.

Да и переводить можно лишь тех, с кем налажен ментальный контакт, когда уловлена вибрация, потому что духовностью авторского текста можно при желании и проникнуться. Зримость и осязаемость образа при этом далеко не равнозначны. Одним слововерчением тут не обойтись. Удачным перевод может считаться в одном лишь случае, когда язык сечёт воздух.

К тому же, суть вещей – в деталях, в ритмическом порядке их. Открывается так называемое внутреннее видение образа. Прямая и обратная перспективы как бы сходятся в точке, могущей стать ретранслятором в нашу память образов мира, нами не знакомого.

Воспроизведение образа начинается с ощущения его присутствия в сознании. На лист ложится портрет отражённой в нас сущности автора. Слепого созерцания не бывает. А природа оригинала пустоты не терпит. Важно сохранить темп мышления и стиль. В переводе философствовать должно не словами или набором слов, а умом. В работу включается так называемый этический редактор. Переводчику дана свобода, но лишь свобода соответствия! Свобода от этой свободы – есть червь, разъедающий плоть произведения. Освобождая себя от па-

тины идеалов автора, переводчик-строгаль коверкает мысль, уродуя её набором пустых слов и фраз. Без знания языка, нравов и традиций всё не-ис-по-ве-ди-мо! Имитация формы неизбежно ведёт к подделке содержания.

ЕСЛИ ТЫ НАСТОЯЩИЙ ПЕРЕВОДЧИК (или считаешь себя таковым), то:

Данный полушутливый-полусерьёзный текст, перечень качеств настоящего профессионала в нашем деле, был составлен членами Союза переводчиков Израиля. Он был предложен вниманию участников конференции переводчиков с норвежского языка, проходившей в Аскере (под Осло), в мае 2014 года. От Союза переводчиков России в нем приняли участие Элеонора Панкратова и Наргис Шинкаренко.

Ты одержим жаждой чтения и читаешь всё подряд, включая надписи на молочном пакете или на флаконе с шампунем.

Тебя коробит от любой речевой ошибки.

Ты чувствуешь, что просто обязан исправлять грамматические ошибки других.

Какие бы тексты ни попались тебе на глаза, включая даже, к примеру, инструкцию по использованию стирального порошка, ты становишься добровольным придирчивым корректором, а попутно ещё и редактором.

Тебе всегда удаётся найти правильное слово, когда с этим не справляются другие.

Ты всегда готов помочь заезжим туристам в общении с шофёром автобуса или продавщицей.

Стоит тебе увлечься каким-то текстом, как ты неожиданно для себя начинаешь мысленно переводить его.

Если перед тобой именно та книга, которую, как ты считаешь, твои соотечественники обязательно должны прочитать, ты немедленно начинаешь решать для себя вопрос, взялся ли бы ты лично за её перевод.

Окружающие любят спрашивать тебя о значении слов, а ты как раз тот, кто знает ответ.

Когда тебе задают какой-то вопрос, связанный с литературным переводом, ты немедленно требуешь уточнения: «А каков контекст?».

Читая переведённую книгу, ты всё время пытаешься понять, а что там было в оригинале.

Порой, читая книгу, переведённую на родной язык, ты воображаешь, что прочёл её на языке оригинала.

Когда ты читаешь книгу, перенасыщенную идиомами, тебя охватывает отчаяние, потому что некоторые из них непереводимы, при этом тебя терзает мысль, что ты, тем не менее, должен их переводить.

Порой тебе кажется, что ты знаешь текст лучше самого автора.

Ты не успокоишься, пока, наконец, не найдёшь то самое слово, за которым настойчиво охотишься.

Случается, что ты даже просыпаешься посреди ночи и наконец понимаешь, что нашёл то слово, которое не мог найти накануне.

Приступая к чтению переводной книги, ты, прежде всего, обращаешь внимание на фамилию переводчика.

Тебя страшно раздражает, когда в рецензии на вышедшую книгу фамилия переводчика не упоминается.

Примерно раз в месяц кто-нибудь обращается именно к тебе с вопросом, а зачем вообще нужна профессия переводчика, когда есть google?

Самая большая радость в жизни для тебя – встретить новое слово, то, которое никогда не попадалось тебе ранее!

Перевод с норвежского Элеоноры Панкратовой

Словари в помощь переводчику

**СЛОВАРЬ ЛЮБВИ,
в котором находится объяснение самых употребительных
терминов этого языка.
Составлен М. де ***¹ В Гааге. 1741 г.**

ПРЕДИСЛОВИЕ (возможно, оно не наскучит)

Все искусства отличаются своими собственными терминами. Медицина и геральдика почти только из-за этого являются науками. Некий философ, осознававший пользу слов, их употреблял так успешно, что читать его труды понадобился особенный словарь, такой удивительный, что понять его понадобился ещё один! <...>

Любви, которую свели к искусству, потребовалось прибегнуть к терминологии, как и другим искусствам. Любовникам больше не позволено пренебрегать ею, как и лоцманам – правилами навигации. Научиться же им не так легко, как думают. Природа сама по себе одно из самых больших препятствий. Чтобы преуспеть, надо от неё отказаться, оставить от неё только наружный вид, которого непременно нужно придерживаться.

Один великий знаток настоятельно это советует:

*Искусную речь крепите видом простодушным,
Чтоб и лицо, и глаза всегда были в деле наружно,
Тайны искусства много послужат, но кто их нарушит,
Как ангел говоря, предателя вид обнаружит.*

Те, кто захочет сравнить это сочинение с тем, чему их научил собственный опыт, согласятся с его полезностью в виду опасностей, которым подвергается юное сердце, для коего эти предметы – тайна. Если у кого случится любовная неудача, пусть он подвергнет себя

¹Дрё дю Радье (Dreux du Radier), автор Словаря любви. Гаага, 1741 г. – 235 с. (Прим. пер.).

тщательному разбору, и обнаружится, что произошла ошибка в понимании того или иного слова, которому не смогли найти его точное значение. И тогда остаётся печальное средство: упрекать себя в невежестве, жаловаться тоном обманутой героини:

*Ах, какой мне надо было быть безумной,
И ко всему, что говорил, не подходит разумно.
Не видеть лжи в его неистовстве и страсти
И разногласие речей и сердца без участи.*

Что, не хотите мне верить, что речь идёт о бедной Дидоне? Как молодая безрассудная вдова, она воспринимает буквально всё, что ей говорит Эней. Благочестивый Эней без всяких угрызений совести употреблял в разговорах с ней самые красивые выражения, она принимала всё за чистую монету. Известно, чего стоило ей её неведение и какой крик подняла она, когда её благочестивый любовник отпустил ей весьма неблагочестивый, хотя и хорошо закрученный комплимент:

*Сошлюся на тебя, бывало ль, твои ласки
Подвигли обещать законной сердца связки,
И если страсть моя средь моря наслажденья
Венчала словом «брак» отраду возжеленья¹?*

Этого примера должно хватить, их можно найти много и не ходить за ними далеко, в Париже их найдется более, чем достаточно.

Правда, что прошла мода закалываться кинжалом, травиться и совершать множество других серьёзных глупостей. Но люди до сих пор плачут, приходят в отчаяние. И чтобы их оградить от этих неудобств, мы даём этот словарь. Мы приглашаем читать его всех молодых людей, особенно прекрасный пол, ошибки которого не менее опасны: те, у кого нет даже поверхностного знания терминов, им научатся. Женщины и девушки должны нам быть признательны за то, что просто читая, научаются тому, что часто бывает делом практики, в которой они всегда много рискуют.

¹Virgile Liv.IV, par l'Abbé Boileau. Виргилий. Книга IV, перевод аббата Буало. (Прим. пер.).

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ЛЮБВИ

А – Л

Авантюра, любовное приключение (aventure)

Любовное приключение бесконечно привлекательно, когда оно одобрено боязнью и опасностью, здесь красавицам нужно быть осторожными с теми, с кем они пускаются в любовную авантюру.

*Любовные страдания не идол для потомства:
В империи любви так много вероломства.*

Безмятежность (calme)

Состояние сердца без страсти. Как бы ни хвалили красавицы это спокойствие, оно им в тысячу раз невыносимей, чем все мучения любви, и их фраза: «Я люблю спокойствие свободного сердца» часто означает: «Жаловаться на отсутствие любовника совершенно запрещено прекрасному полу: это – признаться в слишком многих неприятных вещах, это – почти согласиться не иметь никаких достоинств, что надо скрывать». И когда любовь прошла, эта безмятежность ещё более невыносима,

*Привыкнуть ли не чувствовать ничто?
И благом сердцу ли спокойствие одно?*

И чтобы выйти из него, женщины очертя голову бросаются в новые интриги, в то, что называется *сердечные дела*.

Браслет (bracelet)

Любовник былых времён за благо почитал иметь браслет из волос своей любезной. Инфанта соизволяла такую благосклонность своему рыцарю только тогда, когда тот уничтожал полудюжину великанов. Такая мода прошла, и в настоящее время ищут более действенных и скорых средств.

Брюзга (grondeur)

Такой любовник напоминает сих былых любовников, которые требовали деликатности, верности, постоянства, чего ныне мало, а те, что остались, не процветают.

*Ворчун несносен нам в любви,
И в верности не притворяясь,*

*Хочу, чтоб оба мы свободу обрели
Других любить, ни капли не стесняясь.*

Вот идеи, под которыми я вас прошу подписаться, чтобы не считаться мизантропом.

Букет (bouquet)

Говорится о цветах, которые дарят красавице в день её рождения, к чему прилагается какой-либо подарок. Букет в этом случае имеет такое же значение, как Драгоценности. Когда он состоит только из цветов, он ничего не обозначает или, по крайней мере, этому не придают большого значения, поскольку теперь уже не былые времена, когда...

*Такой порядок царствовал в любви,
Что даже без даров она с ума сходила,
Что от цветов горел огонь в крови,
И тот букет был для души светило.*

Взгляды (regards)

Все похвалы по этому поводу объясняются тем, что говорится о прелестях, приманках.

Визави (vis-à-vis)

Это слово, совсем недавно введённое в искусство волокитства, имеет то же значение, что любовник. Оно, по всей видимости, ведёт свое начало от кареты, где два лица сидят друг против друга, и по-сему его называли визави.

Волнение (agitation, émotion)

Волнение; чувство, которое возбуждают взгляд или речи человека: есть любовное возбуждение, беспокойное, робкое и т. д. Это возбуждение выражается взглядом, улыбкой, взмахом веера; в общем, невозможно объяснить это слово вообще, все особенные объяснения мы отсылаем к «Словарю мимики».

Галантные стихи (vers galants)

Галантные стихи, рифмованная ложь. Если поэты, как и художники, имеют привилегию осмеливаться на всё, то особенно в любви они этим пользуются: живые описания, рискованная живопись доказывают только красоту воображения, в них говорится то, что льстит, а не то, что чувствуется.

*Ах, как нам лгут поэты эти,
Тяжко им в любви на свете.
Славно врут они, плутишки,
Видишь это в каждой книжке.*

Глаза (yeux)

Ваши очаровательные глаза для моего спокойствия блистают слишком. Я не могу ни видеть, ни избегать их без тревоги. Обычно хвалят рот, руки, волосы своей любовницы, но глаза в особенности. И на их красоте особенно настаивают. Всё, что можно о них сказать, совсем не темно для тех, кто хорошо разбирается в значении шарма, приманок, прелестей и других лестных терминов, к которым мы их и отсылаем.

Дерзость (témérité)

Проверить глубину брода, посмотреть, как вы воспримете некоторые мои вольности: если вы их извините, то я надеюсь дать основание для более серьёзных.

*Любовника дерзость прощается,
И редко им на деле возмущаются,
И светская суровая красавица
В любви подобным не стесняется.*

Жар, пыл (ardeur)

Синонимы любви, употребляются, чтобы избежать монотонности, краснобаи охотно ими пользуются.

Желание (désir)

Желание, стремление обладать тем, что рассматривается как благо, и поэтому имеющий уши да слышит. Надо быть философом в любви, чтобы любить, не желая; подобный любовник есть существо рациональное, и он труднее для восприятия, чем идеи Платона.

Женщина (femme)

Какие бы размышления мы ни делали, чтобы дать точное определение, нам пока не удалось этого достичь. То, что писатели могли бы нам предоставить на их счёт, не злословие или лесть. Мы их сильно возвышаем на Западе, на Востоке их сильно унижают, чтобы этому поверить. Сколь абсурдно отрицать разумность их души, столько же абсурдно делать из них божество. Убелённый сединами любовник в

сердцах против прекрасного пола говорит у Мольера¹:

*О странности любви! Изменницам в угоду
Теряем силу мы и отдаём свободу.
Известно каждому, как много между них
Нелепых выдумщиц и ветрениц пустых;
Коварны мысли их, сердца непостоянны,
В решениях слабы, в желаниях престранны.
Чужда и честь – всё ж их любит свет
Как будто лучше их на свете зверя нет.*

Забава, увеселение (passe-temps)

Любовь, страсть, склонность – синонимы, но употребляют слово «забава» в этом смысле только с друзьями. Я вижусь с мадемуазель***, это забава для меня.

Заботы, угождения (soins)

«Не принимайте за пустяки мои заботы» означает: «Пустяки всегда привлекали легкомысленных: сколько раз я подавал вам руки, подбирал ваши перчатки? Вы довольно долго видели, как я крою, вышиваю, делаю узлы, одним словом, скучаю с вами, и это вас совсем не трогает?»

Залог (gage)

«Примите залог моей любви». Эта фраза, сопровождающая подарок, означает: «Если ваш разум даст вам увидеть настоящую цену некоторых вещей, которую в галантном обращении вы не должны знать, вам следует избегать добрых побуждений, которые вы могли бы почувствовать». Иногда осторожная любовница, даря какую-нибудь безделушку, сопровождает её комплиментом с подмигиванием, в этом случае следует обратить внимание на её настроение: если она расположена к вам, это означает: «Кажется, вы не знаете силу подарков, и до сих пор вы не прибегали к подобным средствам».

Золото. Золотые слова (or, dire d'or)

Античные и современные поэты вволю нам показали в изобретательных эмблемах власть этого металла в любви. Овидий в своём «Искусстве любви» откровенно признаётся, что у того, кто умеет сказать золотые слова, нет нужды в его наставлениях. Купидон, говорит Фонтенель, позолотив свои стрелы, подчинил всех смертных,

¹Перевод Василия Гиппиуса: Ж. Б. Мольер. Собрание сочинений в двух томах. Т. 1. М., 1957.
OCR Бычков М. Н. <mailto:bmnn@lib.ru>

и они бегут навстречу его выстрелам. Достаточно быть много раз раненым, чтобы обогатиться. На что тот же автор добавляет это основательное размышление.

*Этой моде нет измены,
Нету стрелам перемены,
Входят в сердце эти стрелы,
И сердца в любви смелы.*

Изменник, ветреник (inconstant)

«Вы ветреник». Этот хорошо взвешенный упрёк означает: «Меня больше устроит свалить на вас свою вину, чем решиться признаться, что я недостаточно мила, чтобы вас удержать».

Интерес (intérêt)

Люди так уверены, что интерес в любви предполагает крайнюю низость, что самая «заинтересованная» красавица прикрывает этот порок самыми нежными цветами галантной риторики. Особенно изобильно изрекаются ярчайшие высказывания против интереса на приёмах, но что бы ни говорилось прекрасным полом на этот счёт, обыкновения, с коими обсуждается эта тема, доказывают, что есть сильная убеждённость, что все речи, по меньшей мере, правдивы, и поведение всегда опровергает мораль. Интерес – самая сильная батарея, которую можно употребить в любви. Юпитер, превратившийся в золотой дождь, чтобы получить Данаю, дал повод к очень серьёзным размышлениям и прекрасным мыслям. Можно остановиться на следующих стихах как перед непреодолимой преградой.

*И тот же ключ – для сейфа и сердец,
И если он не для любви венец,
Он всё же действует в одной наклонности
И открывается для вашей благосклонности.*

Кавалер (cavalier)

Иметь кавалерский вид: быть подвижным, вертопрашным, несколько вольнодумным и нескромным, ибо скромность почти всегда вредна в волокитстве.

Каприз, странность, непостоянство, безрассудные поступки (capris, bisarrerie, inconstance, mouvements déraisonnables)

Мода, вкусы и чувства красавиц возникают под действием каприза, сюда можно было бы прибавить капризы публики.

*Как странен человек в своих желаньях,
Как он ко многому вокруг несправедлив,
И разум часто реже, чем каприз блудлив,
Так управляет им в его желаньях.*

Качества (qualités)

«Не только ваша красота меня чарует, но и божественные качества вашего ума и сердца, душа моя стремится к вашей душе». Все речи подобного толка означают: «В соответствии с романической метафизикой века, я, очертя голову, ударился в комплименты мадам *** Понравятся ли такие *духовности*? Есть основания в этом сомневаться и должно опасаться в этой изощрённой галантности судьбы Кира¹ и Клеопатры².

Клятвы. Клясться (jurer)

«Я вам клянусь, я вас уверяю, что буду верен» и т. п. Такие уверения должно воспринимать с ограничениями, как вот такое: «Пока вы будете доставлять мне новые удовольствия, пока вы будете приятно развлекать меня, пока вы прелестны для меня, так как иначе я не собираюсь стеснять себя, я разделяю чувства всех умных людей и придерживаюсь следующего правила:

*Ах, как опасно поддаваться,
Пустыми словами уверяться
Любовных клятв.*

Кокетка (coquette)

Старается заманивать мужчин, не связывая себя ничем, та, кто озабочена сойти за милую, за красавицу, у которой господствует тщеславие и легкомыслие. Но какова бы ни была их предполагаемая бесчувственность, и у них, как у прочих, бывают критические моменты. В сердечных делах суровая женщина даёт больше славы, кокетка больше удовольствия.

Красноречие (éloquence)

Все сильные страсти немы, а все любовники красноречивы, что из этого выходит? Что красноречие не есть искусство хорошо любить, но только говорить трогательные вещи. Нежная Сафо, чтобы выра-

¹ Кир – персидский царь (греч. Кирус; перс. Куруш; евр. Кореш; англ. Cyrus the Great) родился около 593 г. до н. э. (Прим. пер.).

² Клеопатра – имя многих египетских и сирийских цариц. «Брокгауз» (полutom 29, С. 362) называет их 7. (Прим. пер.).

зить переполняющую её любовь, восклицает:

*Что в нежных порывах страсти блуждает её душа,
Не может найти она никак ни голоса, ни языка.*

Посему любовник-краснобай имеет сердце свободное от любви и весьма вольный разум, поэтому:

*От краснобаев вы держитесь в стороне,
Им только кажется быть страстными вполне
Любовник искренний любовь питает,
Когда терзается и молча воздыхает.*

Купидон (Cupidon)

Купидон – бог любви. Порождение поэтов, которые рисуют его с крыльями, луком в одной руке и факелом в другой и с повязкой на глазах. Его рисуют ребёнком, поскольку те, кто предается любви, заключают перемирие с мудростью. Стрелы, которыми он вооружён, сообщают, что печали и муки следуют за его удовольствиями, повязка отмечает его ослепление, а крылья показывают непостоянство людей.

*Бог любви – ребёнок, Купидон,
Нарисован был с натуры он.
И его портретом говорится,
Что не разумом любовь вершится.
Это так. Не менее прекрасно
Ему крылья было дать.
От одной к другой красоте
Не устанет он порхать.
Обманывают всех, меняются как ветер,
Все влюблённые на этом свете.*

Любезная (aimable)

Словом любезная обозначали когда-то женщину, красота и заслуги которой покоряли сердца, ныне им пользуются без различия, и звание любезной даётся всем тем, которых мы выбираем предметом нашего тщеславия или глупости.

Любезности, цветочки (fleurettes)

«Цветочки» были некогда родом монет с оттиском цветка. Нынче означает только говорить милые вещи, много обещать, с тех пор оно

потеряло свою ценность и почти ничего серьёзного не значит. Тем не менее, было бы неплохо не слушать любезности, особенно когда не можешь верно оценивать слова. Любезности – фальшивая монета любви.

Любовное обязательство, любовный контракт (bail d'amour, engagement amoureux)

Любовное обязательство, контракт: любовь, будучи ребёнком, всегда несовершеннолетняя, и посему, какие бы она акты ни создавала, какие бы обязательства ни заключала в такого рода контрактах, она всегда в состоянии их не исполнять, и редко бывает, когда она не пользуется этой привилегией; только чтобы обольстить юное создание, ему говорят:

*Чтоб вас в моей серьёзности и верности уверить,
Контракт любви просил нотариуса заверить.*

С этими красавицами, которые делают публику данниками их шарма, любовный контракт – вексель на предъявителя.

Любовь (amour)

Любовь, по Бюсси, есть желание быть взаимно любимым, а у Ларошфуко – любовь скрытое и нежное желание обладать любимым предметом.

Людские толки (qu'en-dira-t-on)

Опасение толков, сплетен, ужас для невинных женщин. «Чему подвергает меня ваша любовь? Вы думаете о том, что говорите?» Это означает: «По крайней мере, следует соблюдать приличия, скрывать наши отношения, затуманить глаза соседей».

*Остальное считать неуместно,
Но следить за фасадом полезно,
И чтобы совесть не мучила вас,
Беречь и профиль, и анфас.*

Перевод с французского Николая Епишкина

РУССКО-АНГЛИЙСКО-ЛАТИНСКИЙ СЛОВАРЬ РАСТЕНИЙ¹

Составитель **Нина Маркова**

РУССКИЙ	АНГЛИЙСКИЙ	ЛАТИНСКИЙ
Нн		
навозник (гриб чернильный)	ink cap, ink mushroom, shaggy mane	Coprinus Fr. (Agaricaceae)
наголоватка	jurinea	Jurinea Cass. (Compositae)
наперстянка	foxglove, digitalis	Digitalis L. (Scrophulariaceae)
наперстянка волчья (наперстянка шерстистая)	wooly foxglove	Digitalis lanata L. (Scrophulariaceae)
наперстянка крупноцветковая	large flowered foxglove, yellow foxglove	Digitalis grandiflora L. (Scrophulariaceae)
наперстянка пурпурная (лесной бубенчик)	common foxglove, purple foxglove	Digitalis purpurea L. (Scrophulariaceae)
наперстянка реснитчатая	ciliate foxglove	Digitalis ciliata L. (Scrophulariaceae)
наперстянка ржавая	rust-coloured foxglove, rusty foxglove	Digitalis ferruginea L. (Scrophulariaceae)
нард	spikenard	Nardostachys jatamansi
нартеций (костолом)	bog asphodel	Nartheceum Huds. (Liliaceae)
нарцисс	daffodil	Narcissus L. (Amaryllidaceae)
настурция (капуцин)	nasturtium	Tropaeolum L. (Tropaeolaceae)
настурция канадская	canary-bird-flower	Tropaeolum peregrinum
настурция садовая	common nasturtium, Indian cress	Tropaeolum majus
наумбургия кистецветная (кизляк кистецветный)	thyrses-flowered loose-strife	Naumburgia thysiflora L. (Lysimachia thysiflora L.) (Primulaceae)

¹См. начало в журнале «Переводчик» № 9, 2009, СС. 185–206.

наяда	naiad	Najas L. (Najadaceae)
невзрачница	parsley piert	Aphanes L. (Rosaceae)
недотрога	noli me tangere	Impatiens Noli me tangere
недотрога бальзамино- вая (бальзамин)	garden balsam	Impatiens balsamina L. (Balsaminaceae)
недотрога жёлтая (пры- гун)	touch-me-not	Impatiens nolitange- re L. (Balsaminaceae)
нежник (солнцецвет)	sun rose	Helianthemum Mill. (Cistaceae)
незабудка	forget-me-not	Myosotis L. (Boraginaceae)
незабудочник	eritrichium	Eritrichium Schrad. (Boraginaceae)
нектарник	honey-cup, nectary	nectarium
нектароносный (медо- носный)	nectariferous, melliferous	nectarifer, mellifer
немецкая ромашка (анациклус аптечный, зубной корень, римская ромашка)	German pellitory, pellitory-of-Spain	Anacyclus officinarum
неопалимая купина (ясенец)	burning bush, dittany, fraxinella	Dictamnus L. (Rutaceae)
непентес	monkey flower, pitcher plant	Nepenthes L. (Nepenthaceae)
нервюра (жилка листа)	nervure	nervura
неслия метельчатая	ball-mustard	Neslia paniculata Desv. (Cruciferae)
нефелиум	litchi, rambutan	Nephelium L. (Li- tchi Sonner.) (Sapindaceae)
нивяник (поповник)	daisy, ox-eye daisy, whiteweed	Leucanthemum DC. (Compositae), Chrysanthemum leucanthemum
нигелла (чернушка, «девица в зелени»)	love-in-a-mist	Nigella gen.
низмянка	chaffweed	Centunculus L. (Primulaceae)
никандра	apple-of-Peru	Nicandra Adans. (Physaloides L.)

никтантес	night jasmine, tree of sadness	Solanaceae) Nyctanthes L. (Oleaceae)
нисса	pepperidge, tupelo	Nyssa Gronov (Nyssaceae)
новозеландский лён	New Zealand flax	Phormium L. (Liliaceae)
новозеландский шпинат	New Zealand spinach	Tetragonia expansa Murr. (Aizoaceae)
ноголист гималайский (подофилл гималайский)	Himalayan May apple	Podophyllum emodi
ноголист пальчатый (подофилл щитовид- ный)	common palmate May apple, devil's apple, puck's-foot, raccoonberry, wild man- drake	Podophyllum peltatum
ноготки	calendula, marigold, pot- marigold	Calendula L. (Compositae)
ноготки аптечные (ка- лендула лекарственная, ноготки лекарственные)	pot-marigold	Calendula officinalis
ножка или пенёк гриба	stipe	stipes
нонея	nonea	Nonea Med. (Boraginaceae)
норичник	figwort	Scrophularia L. (Scrophulariaceae)
норичник Ольдгама	Oldham's figwort	Scrophularia oldhamii
норичник шишковатый	wood figwort	Scrophularia nodosa
ночецвет (мирабилис)	four-o'clock, marvel-of- Peru	Mirabilis L. (Nyctaginaceae)
1. ночная фиалка (люб- ка двулистная)	1. butterfly orchid	1. Platanthera
2. ночная фиалка (ве- черница)	2. rocket	bifolia
нуг масличный	ramtil	2. Hesperis matronalis
нут (турецкий горох)	chick pea, garbanzo	Guizotia abyssinica Cass. (Compositae)
		Cicer arietinum L. (Leguminosae)

Оо

обвойник греческий	silk-vine	<i>Periploca graeca</i> L. (Asclepiadaceae)
облепиха	sea buckthorn	<i>Hippohaë</i>
облепиха крушиновая (крушиновидная)	common sea buckthorn	<i>Hippohaë rhamnoideus</i> L. (Elaeagnaceae)
овёс	oats	<i>Avena</i> L. (Gramineae)
овёс посевной	cultivated oat	<i>Avena sativa</i>
овёс черногривый	blackhull oat	
овсюг	bearded oat, wild oat, poor oat	<i>Avena fatua</i> L. (Gramineae)
овсяница	fescue	<i>Festuca</i> L. (Gramineae).
овсяница бороздчатая (типчак)	sheep's fescue	<i>Festuca sulcata</i> Hock. (<i>Festuca ovina</i> ssp. <i>sulcata</i> Hock. (Gramineae)
овсяница даурская	Dahurian fescue	<i>Festuca dahurica</i>
овсяница сибирская	Siberian fescue	<i>Festuca sibirica</i>
овсяный корень	vegetable oyster	<i>Tragopogon porrifolius</i>
огурец	cucumber	<i>Cucumis sativus</i> L. (Cucurbitaceae)
огурец бешеный	squirting-cucumber	<i>Ecballium elaterium</i> Rich. (Cucurbitaceae)
огурец волосистый	star cucumber	<i>Sicyos</i> L. (Cucurbitaceae).
огуречная трава (бурач- ник лекарственный)	common borage	<i>Borago officinalis</i> L. (Boraginaceae)
однозернянка	einkorn	<i>Triticum monococcum</i> L. (Gramineae).
односторонний	secund	
одноцветка крупноцвет- ковая	one-flowered pyrola	<i>Moneses uniflora</i> L. (<i>Pyrola uniflora</i> L.) (Pyrolaceae).
одуванчик	dandelion, taraxacum	<i>Taraxacum</i> L. (Compositae)
одуванчик осенний	fall dandelion	<i>Taraxacum gymnauthum</i>
одуванчик лекарственный	common dandelion, lion's tooth	<i>Taraxacum officinale</i>
одуванчик широкоголо-	platycephalous dandelion	<i>Taraxacum</i>

вый ожика	wood-rush	platycarpum Luzula DC. (Juncaceae)
ожина (ежевика)	dew-berry	Rubus caesius L. (Rosaceae)
озимая пшеница	winter wheat	
околоплодник, перикар- пий	pericarp, seed-vessel	pericarpium
околоцветник, покров цветка	perianth	pericanthium
окопник	comfrey	Symphytum L. (Boraginaceae)
окопник лекарственный	woundwort, common comfrey	Symphytum officinale
окра (бамия, гомбо)	okra	Hibiscus esculentus
оксидендрон	sorrel-tree	Oxydendron DC. (Ericaceae).
олеандр	oleander, rose-bay	Nerium L. (Apocynaceae)
олеандр обыкновенный	common oleander	Nerium oleander (Oleander nerium)
олений мох (ягель)	reindeer moss, reindeer lichen	Cladonia rangiferina
олива (маслина)	olive	Olea europaea
ольха	alder	Alnus L. (Betulaceae).
ольха белая (ольха серая)	grey alder, speckled alder, hoary alder	Alnus incana L. (Betulaceae)
ольха клейкая (ольха чер- ная)	sticky alder, European al- der, European black alder, black alder	Alnus glutinosa L. (Betulaceae)
омежник	water dropwort	Oenanthe L. (Umbelliferae)
омежник водяной	water dropwort, fine-leaved dropwort, water fennel	Oenanthe aquatica L. (Umbelliferae)
омела	mistletoe	Viscum L. (Loranthaceae)
омела белая	white mistletoe, European mistletoe	Viscum album L. (Loranthaceae).
омела окрашенная	coloured mistletoe	Viscum coloratum L. (Loranthaceae)
омфалодес	navelwort	Omphalodes Mill. (Boraginaceae)
оноклея	sensitive-fern, ostrich-fern	Onoclea L.

		(Struthioptis hall.) (Polypodiaceae)
онопордум колючий (та- тарник колючий)	Scotch cotton thistle, cotton thistle	Onopordon acanthium
оносма	goldendrop	Onosma L. (Boraginaceae)
онцидиум	oncidium	Oncidium Sw. (Orchidaceae)
ооспора	oospore	oospora
опёнок летний	prickly cup	Pholiota mutabilis (Fr.) Quel. (Agaricaceae)
опёнок луговой	fairy-ring mushroom	Marasmius oreades (Fr.) Fr. (Agaricaceae)
опёнок настоящий	honey agaric, honey-fungus	Armillaria mellea (Fr.) Quel. (Agaricaceae)
опопанакс	popinac	Opopanax Koch (Umbelliferae)
опунция	prickly pear, devil's fig, opuntia	Opuntia DC. (Cactaceae)
опунция пятнистоколюч- ковая	spotted prickly-pear	Opuntia maculacantha
орех	nut	nux
орех американский	Brazil-nut tree	Bertholletia Humb. et Bonpl. (Myrtaceae)
орех водяной (рогольник, чили́м)	water-chestnut	Trapa natans L. (Hydrocaryaceae).
орех горький	bitter-nut hickory	Hicoria minima Britt. (Carya amara L.) (Juglandaceae)
орех грецкий	Walnut, English walnut, European walnut, Persian walnut	Juglans regia L. (Juglandaceae)
орех двойчатка (миндаль)	philippina	Amygdalus L. (Rosaceae)
орех малдивский	double coconut	Lodoicea seychellarum Labill. (Palmae)
орех мускатный	nutmeg	Myristica L. (Myristicaceae)
орех pekan	pecan	Carya illinoensis
орех чёрный	black walnut	Juglans nigra L. (Juglandaceae)

орехоплодный орешек	nuciferous, caryocarpus coccus, nutlet	caryocarpus coccum, coccus, nucula
орешник (лещина)	hazelnut, European hazel, nutwood, European filbert	Corylus avellana L. (Betulaceae)
орляк обыкновенный	bracken	Pteridium aquillinum (L.) Kuhn (Polypodiaceae)
оронтиум	golden-club	Orontium L. (Araceae)
ортосифон тычиночный	big-flowered Java tea, Indi- an kidney tea	Ortosiphon aristatus (Ortosiphon spicatus, Ortosiphon stamineus)
орхидея	orchid	Orchidaceae
осенчук (бородач)	beard-grass	Andropogon L. (Gramineae)
осина	aspen	Populus tremula L. (Salicaceae)
осиновик	orange cap boletus, aspen mushroom	Boletus versipellis Fr. (Boletaceae)
ослиник	evening-primrose	Oenothera L. (Onagra Scop.) (Onagraceae)
ослиник двулетний (энотера двулетняя)	common evening primrose,	Oenothera biennis
осмунда	tree primrose	
осока	osmund sedge, ling	Osmunda regalis Carex L. (Cyperaceae)
осока песчаная (камышо- вая трава)	sand sedge	Carex arenaria L. (Cyperaceae)
осокорь (тополь чёрный)	black poplar	Populus nigra L. (Salicaceae)
осот	sow thistle	Sonchus L. (Compositae)
остерикум болотный (ма- точник болотный)	bog angelica	Ostercum palustre Hoffm. (Umbelliferae).
острица лежачая	German madwort	Asperugo procumnebs L. (Boraginaceae)
остролист	holly	Ilex aquifolium
остролодочник	oxytropis	Oxytropis DC. (Leguminosae)
остро-пёстро (расторопша пятнистая)	milk thistle, Saint-Mary thistle, holy thistle	Silybum Marianum Gaertn. (Compositae)

острый лист (травы)	spear	
ость (у злаков)	seta, awn	arista
отогнутый назад	replicate	
отпрыск (волчок, побег)	soboles	
офиопогон	snake's-beard	Ophiopogon Ker-Gawl. (Liliaceae)
офиопогон японский	Japan snake's-beard, dwarf lily-turf	Convallaria japonica (Ophiopogon japonica) (Liliaceae)
охрома	ochroma	Ochroma lagopus Sw. (Malvaceae)
очанка	eyebright	Euphrasia L. (Scrophulariaceae)
очанка аптечная	common eyebright, drug eyebright	Euphrasia officinalis
очанка горная	mountain eyebright	Euphrasia montana
очанка лекарственная	euphrasy, eyebright	Euphrasia officinalis
очанка прямая	—	Euphrasia stricta
очанка Ростковиуса (очанка ростковская)	Rostkovius eyebright	Euphrasia rostkoviana
очерёт (схенус)	bogrush	Schoenus L. (Cyperaceae)
очеретник	beak-sedge	Rhynchospora Vahl. (Cyperaceae)
очиток (заячья капуста)	stonecrop, crassula, orpine	Sedum L. (Crassulaceae)
очиток альпийский	Alpine stonecrop	Sedum alpestre
очиток едкий	gold moss, goldmoss, golden tuft, stonecrop, mossy stonecrop, tangle-tail, wall pepper, wall moss	Sedum acre
очиток пурпурный	live-forever, live-forever sedum, tallest stonecrop	Sedum telephium
очный цвет	pimpernel	Anagallis L. (Primulaceae)
очный цвет полевой	common pimpernel, red pimpernel, scarlet pimpernel	Anagallis arvensis L. (Primulaceae)

Земля Даурская

V. S. RYIZHIY, honoured traveller of Russia
N. I. RYIZHAYA, member of the Journalists' Union of Russia

NORTH ZABAIKALIE X-FILES

If people didn't travel how could they learn about the world's beauty and greatness? (I. D. Cherskiy).

The scientists claimed glaciers shouldn't exist in the north of Zabaikalie (Transbaikalia). V. S. Preobrazhenskiy found them in the second half of the twentieth century, and not just one, but almost fifty!

The scientists claimed that the Kodar Range being an ancient Earth crown had never been flooded by the seas. And suddenly one discovers an enormous coalfield – anthracite on the mountains' top.

There with the Kodar, Kalarskiy, Udokan Mountains are contemporary mountain structures born together with Lake Baikal. Adolescent mountains consist of the earliest Archean rocks; together with the relatively fresh sedimentary rock, one comes across the most ancient parent surface of the Earth called peneplain there.

Some foreign and Russian scientists view the Syini-Namarakit region as the Earth's particularly sensitive 'erogenous' zone, where planetary-scale natural disasters might occur. In 1957 in the Namarakit region takes the major earthquake resulted in the fissure in its epicentre. The fissure stretched out for more than 10 kilometres, and its width reached up to 7 meters in places. A new lake, Novyiy Namarakit, emerged there (called Proval by the locals). This area has failed to earn Bermuda Triangle's and other similar places' reputation, simply because hardly anyone dwells there.

Charskaya desert (Charskie sands tract), a nature landmark, is a huge massif of the blown sand, with barchans against the background of the snow-capped mountains and blue ice fields, mineral springs, lake oases and ancient civilizations' traces... An ancient people's site with a stone tools workshop has been discovered at Charskie sands. Arrowheads and spearheads were once made of nephrite and flint of

which no trace has been found in the neighbourhood... The nearest nephrite is the Vitimskiy one, and the river Vitim runs 200 kilometres farther from the Charskie sands tract.

One of the nature's treasures is lake Nalegar near Kuanda with a relic plant called "rogulnik floating" or "chilim" growing there. Ancient people greatly appreciated this edible plant. It has been found at the Stone Age settlements excavations in many Russian locations. Chilim is a common plant for Central Russia, but strangely enough in our Chitinskaya oblast it was spotted only in the northernmost Kalarskiy district. This might serve as more proof that ancient people dwelt in our region.

One more precious landmark is charoit gemstone. It was discovered in the middle reach of the river Chara, flowing on the boundary between the Kalarskiy region and Yakutiya, and named after the location. The mineral's fibrous crystals create exclusive patterns, frequently with silky or pearly shine. Charoit has quickly become renowned worldwide, owing to its uniqueness, bright lilac colour and rare, even for precious stones, beauty.

Charoit is one of the most stunning but, unfortunately, rarest stones on our planet.

Russian scientists discovered this new mineral in 1964. On Earth it is unique. The only deposit of this exclusive mineral lies in the Chara River valley. This strange lilac gem formed only in those mountains. Why there and nowhere else?

According to the estimates there are 0.0016 grams of charoit per one Earth inhabitant. Its stock is limited and it's more and more difficult to find it with every year. The republic of Sakha-Yakutia's government has set a quota on charoit excavation (conditioned by the need to avoid premature field development). It totals 100 tons a year and that's why the demand for the gem far outstrips its supply.

A science-fiction writer Ivan Efremov, after his expedition around Zabaikalie and Yakutiya in 1935, wrote about our places in his story "Sublunary Bald Mountain": "On the smooth, steep cave walls in the candlelight one could discern rough, huge pictures of animals, executed either with sharp strokes or superbly preserved red and black paints. These pictures were painted with utter precision and truthfulness and with surprising expressiveness. In the fluctuating candle light they seemed alive..."

... We kept finding new pictures. We saw a spotted hyena with the sloping back, giraffes, and striped zebras. It was Africa right in the heart of the frost-bound Siberian mountains!...

... Farther on we discovered two holes filled with the elephants' tusks. Especially large ones, up to four meters in length, were collected there. They were piled up as wood, their smooth black and yellow surface gleaming in the candle light".

The inquisitive scientist and fiction author wrote these lines after he had visited the Sublunary Bald Mountain and its vicinities. We scarcely know anything regarding African elephants, but local people would find mammoths' skeletons and tusks more than once as well as woolly rhinoceros's bones. From the routes, tourists quite frequently take away the fossils of the ancient plants commonly met in the River Apsat basin and other places.

Our region displays all the Earth's geological history from the Archean to the Holocene. Only Zabaikalie has won fame for the unique and mysterious "Udokanskaya biota", represented by the remains of the first soft corals-udokaniyas on the planet, segmented worms – talakaniellas' silhouettes, various traces of crawling, pilei moulds and so on, which organogenic nature is heatedly challenged by some Russian as well as foreign scholars. The issue remains the absolute age of the Udokan series, encompassing the "Udokanskaya biota", defined within 1.8 – 2 billion years. So far no known animal fossil remains of such age exist on our planet. The "Udokanskaya biota" problem has long surpassed Zabaikalie and Russia boundaries, as it touches upon the time and place of the first nonskeletal animals' appearance on our planet.

Russian Paleontological Society offers to create a universal scale State natural monument "Geological Park Udokan". There one can find 11 global level stratigraphic and 15 paleontological landmarks; 8 federal scale stratigraphic and 17 paleontological ones; about 100 mineralogical, petrographic, ore, tectonic, geomorphologic, geocryologic, hydrogeologic, historical and geological landmarks; landscape, botanical and zoological monuments.

North Zabaikalie X-files contain quite a few mysteries:

- Weird fish char – davachan is endemic to North Zabaikalie. Recently in the Kalarskiy Khrebet water bodies, some poisonous fish, looking quite exotic, were found by an unknown scientist.

- Mysteries overshadow the search of diamonds in Ollongdo and Tokko.
- A lost narrow-gauge railroad (pre-war? Stalin times?) in the vicinities of the lake Leprindo. In the forest managers' previous descriptions it was mentioned, in the new ones there's not a word about it. Who keeps it away from the human eyes?
- Volcano Chepe (located in the axial region of the Kalarskiy Khrebet) is very fascinating and the youngest one in the volcano region. An exceptionally complex volcano Aku consists of a 3 kilometre diameter caldera, a cone and a crater with a lake inside. The fossil logs in the lava witnessed its eruption. They help scientists to determine the eruption moment with utmost precision.
- The miraculous powers of the local healing springs have long become legendary with the aboriginal Evenks and Yakuts. Thermal springs have grown to become people's resort both for the Baikal-Amur Mainline (BAM) builders and the current residents. Scientists have confirmed miraculous powers of the water, highly valued the mineral springs and recommended to create health resorts on their basis... The resorts have not been developed but footpaths have become the trails.
- Ancient deserted settlements in the Syulban, Purelag and Namarakit areas – who lived there and why did they leave the place?
- 1966... A nuclear explosion was planned in order to open a copper deposit in the Kalarskiy Khrebet. Everything was set, but Providence rang off the explosion.

However, this by far is not a complete picture of Zabaikalie X-files.

Перевод на английский Ольги Ушниковой

УГОЛОК ПОЭТОВ. *«Мне будет не хватать Европы, что стала родиной второй...»*

КОВАЛЕВА ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА (Москва)

Представляем вниманию читателей нашего журнала собственное творчество известного поэта-переводчика Ирины Ковалевой.

Ирина Ковалева – поэт, переводчик, публицист. Окончила 2-й Московский медицинский институт имени Пирогова (ныне Российский государственный медицинский университет) и заочное отделение Литературного института имени Горького (семинар Евгения Винокурова).

Работала главным редактором ряда журналов, включая русско-японский проект «Огэнки». Член Союза писателей Москвы, Клуба писателей ЦДЛ, Союза переводчиков России и Русского дома искусств имени Степана Эрзи в Генуе.

Вице-президент Независимой писательской ассоциации «Лютня Ориолы», ведущая (совместно с Иваном Белокрыловым) литературной гостиной «На перекрёстках миров» клуба писателей ЦДЛ, член жюри международного конкурса детского и юношеского творчества «Волшебное слово».

Лауреат Большой премии Международного литературного фонда имени Милана Фюшта Венгерской академии наук (2001), премий Гуманитарного фонда им. А. С. Пушкина (1990), журнала «Кольцо А» (2001), победитель Открытого международного поэтического конкурса «Стихи о переводе и переводческой деятельности» (2013).

Участница Международного фестиваля «Стружские вечера поэзии» (Македония – 1994, 1996 и 2000 гг.), а также Второй международной научной школы переводчиков художественной литературы стран СНГ в Баку (2012).

Автор книг стихов «Четвёртая Троя» (1993), «Кесарево сечение» (1995), «Вёрстка мира» (2002), «Орден госпитальеров» (2011), «Terra Italica» (2013) и «Стрекоза» (2015).

ПОХИЩЕНИЕ ЕВРОПЫ

Когда все перекроют тропы,
Развалят всё, что ни построй,
Мне будет не хватать Европы,
Что стала родиной второй:

Лигурии в начале марта,
Где от цветов уже пестро,
Мне будет не хватать Монмартра
И схем парижского метро,

Болонских башен, что просели,
Рыбалки финской в январе,
Мне будет не хватать Марсея
С его Мадонной на горе

(В её заступничество вера,
Чем дальше, тем во мне сильнее),
И Лувра, где без рук Венера,
И Упсалы, где Карл Линней,

Живое выстроив в отряды,
Взять дочь хотел на эмпирей
(У той же на уме наряды
И выйти замуж поскорей),

Где мной потеряна серёжка,
Как дань богам, что уж не чтят,
Где на дорожном знаке кошка
Ведёт по зебре трёх котят,

Где отделяет гиацинты
От мира запаха стена
И где от Принчипе до Квинты
Считай пять Генуй – не одна,

С рождественского ливня громом
(Воды по щиколотку аж!),

С «Коста Конкордией» – паромом,
Что прибыл в порт на демонтаж,

Где жизнь течёт без пасторали:
Зевнёшь – и захлестнёт корму.
...Ещё Европу не украли,
Но всё уже идёт к тому.

ОДИН

Жизнь есть способ существования белковых тел.
Ф. Энгельс

Норвегии хозяин и Силезии,
Собой низы связавший и верхи,
Недаром дал священный мёд поэзии
Богам и людям, пишущим стихи.

В порядке исключения, а не массово,
Лишь тем, кто шуму древа мира внял.
Он не сказал: отдайте асам асово!
Нет, он к богам поэтов приравнял!

Пусть значится совсем другое в паспорте,
Но мы-то знаем: Один неспроста
Не в Мидгарде, со смертными, а в Асгарде –
В своей столице скальдам дал места.

Стоите вы, идёте ли, бежите ли,
Представьте, как с торжественным лицом
По улицам гуляют небожители,
Что найдены в капусте Всеотцом.

Их жизнь свести к метану и аммониию
Никак нельзя. Реальность такова:
Все девять сфер в небесную гармонию
Приводят их высокие слова.

Кто любит кайф, а кто идёт по лезвию.
Кто драк боится, кто готов к туше,
Спасительницу душ людских – поэзию
От зла спасая в собственной душе.

Она кому попало не доверится –
Тому, кто ищет, как не прогадать.
Она растёт внутри тебя, как деревце,
Как в сердце у святого благодать.

Не соприродна иронистов шуточкам
И авангарду задом наперёд.
Между предсердьем где-то и желудочком
Она исток свой корневой берёт.

ПАРИЖ

*Мне Францией
Нету нежнее страны –
На долгую память
Два перла даны.
Марина Цветаева*

Одиллия или Одетта –
Когда-нибудь выбрать пора
И выпить свой кофе не где-то –
На площади у Орега.

Придвинься на стуле поближе,
Замри в объективе зрачка.
Подумать – мы были в Париже!
И живы, как видишь, пока.

Клошары закутались в шали.
Январь – а балконы цветут!
Мы воздухом этим дышали.
Мы тоже отметились тут.

Вот арок победное «Ave»,
Вот рай Елисейских полей
Во всём его блеске и славе,
На белых костях королей,

С сердечком дофина витрина...
И всё же они не странны –
Слова, что сказала Марина
О *нежности* этой страны.

На кромке любого бульвара
Ты в том убедишься вполне:
Размытость мазков Ренуара
В парижских небес глубине.

Отложена мелочь на ужин,
И птицы с ладоней клюют,
И каждый, кто дома не нужен,
Найдёт на Монмартре приют.

Изгнанника доля сурова,
Но верится всё же с трудом,
Что нищий здесь будет без крова:
Ведь целый Париж – его дом,

Для беженца – луг его Бежин,
Где сладок о Родине сон,
Он Францией будет утешен,
Он Францией будет спасён.

КОРОЛЬ АРТУР

Русь свята, а Франция прекрасна.
Скажешь вслух – и суть уже ясна:
Слышится в названье не напрасно
Англии, что – ангелов страна.

Не от их ли крыльев на рассвете
Воздух над Вестминстером дрожит?

Вовсе не второй Елизавете
Кельтский Альбион принадлежит.

И не первой, в чьём роду Болейны,
Чей отец послал на плаху мать.
Сына Пендрагона и Игрейны¹
Власть над Белогорьем не сломать,

Не присвоить, не переименовать
Мировой истории в укор.
(«Альбион» с латыни – «белый» значит,
А по-кельтски – «край высоких гор»)

К адмиральской привалясь колонне,
Сняться всякий рад, купивший тур.
Трафальгар шумит, но в Аваллоне
Дремлет в тишине король Артур.

...Посещение Тауэра в плане,
А потом прогулка или сон...
Он, смертельно раненный в Камблане,
Феей был сюда перенесён.

Рыцари по кругу, как посланцы
Света, что пробудятся в конце.
Он ещё не умер: самозванцы
В Букингемском царствуют дворце.

Фунты тут, а за проливом – евро.
Выставлен на Сотбис новый лот.
...Королева есть одна – Джиневра
И одна столица – Камелот...

МАЛЬТА

Качает лодку у причала
Зелёная волна.

¹ Артур был сыном кельтского короля Утера Пендрагона и Игрейны. (Прим. пер.).

Жизнь начинается сначала
И воздаёт сполна.

Здесь вечность ведаёт часами,
В пыли веков дома,
И финикийскими глазами
Глядит на мир корма.

На рыбный рынок в Марсашлоке,
Размен мальтийских лир.
Летейские размыли стоки
Библ, и Сидон, и Тир.

Рассыпались в плавильнях печи,
И расплелись венки,
Пришли на смену древней речи
Другие языки.

Но как живёт в осколках смальты
Мозаики узор,
Впечатался в песчаник Мальты
Глаз финикийских взор.

И от зрачков, что смотрят с башни
На грот и города,
Осталась в памяти, как в пашне,
Прямая борозда.

Крошится кедр, глазурь слезает,
Линяет алый цвет,
Но ничего не исчезает,
Всё оставляет след...

К О Н К У Р С Ы !

К О Н К У Р С Ы !

К О Н К У Р С Ы !!!

ИТОГИ XX РЕГИОНАЛЬНОГО КОНКУРСА МОЛОДЫХ ПОЭТОВ-ПЕРЕВОДЧИКОВ 2015 года

Формула успеха: «Знания + Умения + Вдохновение!»

27 марта на факультете филологии и массовых коммуникаций Забайкальского государственного университета по инициативе Забайкальского регионального отделения Союза переводчиков России состоялся традиционный конкурс молодых поэтов-переводчиков Забайкалья и других регионов России.

Призёры: *(с английского)* Юлия Мусорина, Екатерина Коржова, Вероника Сабинская, Дмитрий Шешуков, Юлия Петелина, Анастасия Халимова; *(с немецкого)* Лилия Краус, Анастасия Жеребцова, Елена Саранина, Елена Раитина, Дмитрий Лесков, Никита Демидёнок; *(с китайского)* Вероника Сабинская, Елена Артамонова; *(с бурятского)* Светлана Лхамацыренова; *(с русского на английский)* Екатерина Коржова, Юлия Петелина; *(с русского на немецкий)* Лилия Краус; *(с русского на китайский)* Ван Цзиньин.

С английского

PAUL LAWRENCE DUNBAR
(1872 – 1906)

A GOLDEN DAY

I FOUND you and I lost you,
All on a gleaming day.
The day was filled with sunshine,
And the land was full of May.

A golden bird was singing
Its melody divine,
I found you and I loved you,
And all the world was mine.

БЫЛА ПРИРОДА В ДИВНОМ УПОЕНЬЕ

Когда обрёл тебя и потерял,
Была природа в дивном упоенье.
Тогда по свету Май шагал
И солнцем согревал весенним.

И птичка в оперенье золотом
Божественную песню напевала.
И был я так любовью окрылён,
Что мира целого казалось мало.

I found you and I lost you,
All on a golden day,
But when I dream of you, dear,
It is always brimming May.

Когда обрёл тебя и потерял,
Была природа в дивном упоенье.
Но в сердце вновь бушует Май,
Когда ты, милая, в моих виденьях.

Перевод Юлии Мусориной

ЗОЛОТОЙ ДЕНЬ

Тебя обрёл и потерял
Одним прекрасным днём,
Который в солнце утопал
И маем был пленён,

И птицы златопёрой трель,
Как Божий свет, лилась,
А я обрёл и полюбил
Тебя и мир в тот час.

Тебя обрёл и потерял
Я в день тот золотой,
Теперь являешься в мечтах,
И май всегда с тобой.

Перевод Вероники Сабинской

ЗОЛОТОЙ ДЕНЬ

НАШЁЛ тебя и потерял
В тот день, сверкающий, пьянящий,
В день, полный солнца до краёв
И маем ласково манящий.

И золотая птица в небе
Мотив волшебный пела свой.
Тебя нашел и полюбил я,
И мир в тот день был только мой.

Нашёл тебя и потерял
В тот день лучистый, золотой.
Но только вспомню о тебе –
Мир полон майской теплотой.

Перевод Натальи Пылёвой

ЗОЛОТОЙ ДЕНЬ

НАШЁЛ тебя и потерял
В один прекрасный день.
Лучами солнца день мерцал,
И май покинул тень.

Златая птичка пела свой
Божественный напев.
Нашёл тебя и полюбил
Я, миром завладев.

Нашёл тебя и потерял
В денёк тот золотой.
О, милая, цветёт тот май,
Коль ты в мечтах со мной.

Перевод Юлии Петелиной

ЗОЛОТОЙ ДЕНЬ

Я НАШЁЛ тебя и тебя потерял,
золотым и лучистым днём.
Он струящимся светом сиял,
И Маем дышалось в нём.

Золотая птица пела мотив
О любви нам с тобой неземной,
Я нашёл тебя и тебя полюбил,
И мир вокруг был лишь мой.

Я нашёл тебя и тебя потерял,
Золотым мерцающим днём,
Но когда о тебе вспоминаю,
Май ликует в сердце моём.

Перевод Дмитрия Шешукова

HENRY WADSWORTH LONGFELLOW (1807 – 1882)

SONG

Stay, stay at home, my heart, and rest;
Home-keeping hearts are happiest,
For those that wander they know not where
Are full of trouble and full of care;
To stay at home is best.

Weary and homesick and distressed,
They wander east, they wander west,
And are baffled and beaten and blown about
By the wings of the wilderness of doubt;
To stay at home is best.

Then stay at home, my heart, and rest;
The bird is safest in its nest;
O'er all that flutter their wings and fly
A hawk is hovering in the sky;
To stay at home is best.

ПЕСНЯ

Ты дома, сердце, не о чём вздыхать.
Счастливей дома места не сыскать.
А те сердца, что рвутся за порог,
Познают множество печалей и тревог;
Ведь только дома благодать.

Удел других – по дому тосковать
И утомлёнными из края в край блуждать.
Сполна вкушая горечь и страданье
В пылу стихий напрасных ожиданий;
Ведь только дома благодать.

Ты дома, сердце, не о чём вздыхать;
И птицу манит голубая гладь;
В гнезде – спасение, а в небе высоко
От ястреба укрыться нелегко;
Ведь только дома благодать.

Перевод Юлии Мусориной

ROBERT WILLIAM SERVICE (1874 – 1958)

EACH DAY A LIFE

I count each day a little life,
With birth and death complete;
I cloister it from care and strife
And keep it sane and sweet.

With eager eyes I greet the morn,
Exultant as a boy,
Knowing that I am newly born
To wonder and to joy.

And when the sunset splendours wane
And ripe for rest am I,
Knowing that I will live again,
Exultantly I die.

O that all Life were but a Day
Sunny and sweet and sane!
And that at Even I might say:
"I sleep to wake again."

ДЕНЬ КАК ЖИЗНЬ

День прожитый как жизни отраженье.
Есть в нём рождение и смерть.
Я спрячу все тревоги и волненья,
Оставив радостную круговерть.

Я, как мальчишка, взглядом вдохновлённым
Встречаю каждый раз зарю.
И заново рождаюсь окрылённым
И с предвкушеньем в будущность смотрю.

Когда заката час наступит,
Глаза свои безропотно сомкну.
И с верой в то, что завтра будет,
Я с радостным смирением умру.

Вся жизнь прошла, как день чудесный,
Столь лучезарный и прелестный.

И вечером скажу я неизменно:
«Я утро завтра встречу непременно».

Перевод Юлии Мусориной

По жизни в день прожить я смог,
Рождался, умирал;
И жизнь от бунта и тревог
Я разумом спасал.

С огнём в глазах встречал рассвет,
Ликуя, как дитя,
Ведь знал: я вновь рождён на свет
Для счастья не шутя.

Коль блеск заката шёл на спад,
Коль я ложился спать,
Я знал: воскресну – и был рад,
Ликуя, умирать.

Ах, если б Жизнь была лишь День,
Как солнце, свежесть, суть!
Дала б мне шанс ночная тень
Лишь временно заснуть.

Перевод Екатерины Коржовой

ANONYMOUS

KEY TO FRIENDSHIP

The key to friendship
Is not in the hand you hold
But how you hold the hand.

It's not in the tears you dry
But all the reasons why.

It's not how you make a person smile
But whether or not it's worthwhile.

It's not in the conversation
But in the way you listen.

It's not in the laughter
But what comes before and everything after.

The key to friendship
Is not in two people relating
But in two hearts communicating.

Thank you for being that special friend
Who understands the key to friendship
And how to unlock everything within my heart.

КЛЮЧ К ДРУЖБЕ

Ключ к дружбе
Не в руке, что держишь ты,
А в том, как держишь эту руку.

Не в том, что слёзы утираешь,
А в том, что их причину понимаешь.

Не в том, как улыбнуться заставляешь,
А в том, что ты улыбку возвращаешь.

Не в том, что слов ты не жалеешь,
А в том, что слушать ты умеешь.

И главное не в том, что человек смеётся,
А в том, что было на душе и остаётся.

Ключ к дружбе
Не в словах лежит,
А в том, как сердце с сердцем говорит.

Благодарю тебя за истинную дружбу,
Ключ от которой обрести ты смог,
И знаешь каждый в моём сердце уголок.

Перевод Юлии Мусориной

ANONYMOUS

THE MIRACLE OF FRIENDSHIP

There is a Miracle called Friendship
that dwells within the heart
and you don't know how it happens
or when it even starts.

But the happiness it brings you
always gives a special lift
and you realize that
Friendship is God's most precious gift.

ЕСТЬ ЧУДО, ЧТО ЗОВЁТСЯ ДРУЖБОЙ

Есть Чудо, что зовётся Дружбой,
которая живёт в сердцах людей,
непостижимы нам её истоки, как
и мгновенья первой встречи с ней.

Она возникнет и подарит счастье,
душе придаст особенную стать,
и несомненным станет понимание,
Что Дружба – это Божья благодать!

Перевод Юлии Мусориной

ЧУДО ДРУЖБЫ

Есть чудо, что дружбой зовётся
И в сердце у тебя живёт.
Не знаешь, как она проснётся
Или когда она придёт.

Но счастье, что она приносит,
Всегда нам дарит вдохновение.
И вот тогда мы понимаем –
Дружба – Создателя творенье!

Перевод Анастасии Халимовой

WALTER SAVAGE LANDOR
(1775 – 1864)

DYING SPEECH OF AN OLD PHILOSOPHER

I strove with none, for none was worth my strife:
Nature I loved, and, next to Nature, Art:
I warm'd both hands before the fire of Life;
It sinks; and I am ready to depart.

**ПРЕДСМЕРТНЫЕ СЛОВА
СТАРОГО ФИЛОСОФА**

Я ни с кем не сражался – достойных не знал.
Я Природу любил и Искусство ценил.
И у пламени Жизни себя согревал;
Угасает огонь; зная мой час уж пробил.

Перевод Юлии Мусориной

ROBERT LOUIS STEVENSON
(1850 – 1894)

HAPPY THOUGHT

The world is so full of a number of things,
I'm sure we should all be as happy as kings.

СЧАСТЛИВАЯ МЫСЛЬ

Есть столько всего на просторах земли, –
Должны быть мы счастливы, как короли!

Перевод Анастасии Халимовой

Мир нам открыл сокровища свои,
Чтоб были счастливы мы, словно короли.

Перевод Юлии Мусориной

СЧАСТЛИВАЯ МЫСЛЬ

По сути, наш мир – драгоценнейший клад,
И каждый из нас в нём по-царски богат.

Перевод Екатерины Коржовой

Так много всего на просторах земли,
Мы можем быть счастливы, как короли!

Перевод Дмитрия Шешукова

ROBERT HERRICK (1591 – 1674)

AMBITION

In man, ambition is the common'st thing;
Each one by nature loves to be a king.

Тщеславный ум – людская масть:
Ведь от природы каждый любит власть.

Перевод Екатерины Коржовой

О, как тщеславна человеческая суть;
Всем в роли короля так хочется блеснуть.

Перевод Юлии Мусориной

Мужчины часто преисполнены амбиций.
И по природе каждый быть царём стремится.

Перевод Дмитрия Шешукова

Тщеславие в каждом из нас обитает.
Человек по природе всем править желает.

Перевод Анастасии Халимовой

С немецкого

WILHELM BUSCH (1832 – 1908)

Mein Kind, es sind all hier die Dinge,
Gleichwohl, ob große, ob geringe,
Im Wesentlichen so verpackt,
Dass man sie nicht wie Nüsse knackt.
Wie wolltest du dich unterwinden,
Kurzweg die Menschen zu ergründen.
Du kennst sie nur von außenwärts.
Du siehst die Weste, nicht das Herz.

Дитя, дела, по сути, все
Малы иль велики всего лишь,
Так упакованы в себе,
Что, как орех, их не расколешь.
Ты без обиняков желаешь
Людей постигнуть до конца
Но ты их лишь снаружи знаешь,
Одежды видишь, не сердца.

Перевод Лилии Краус

Дитя моё, есть вещи в этом мире,
Сложнейшие, а может быть, простые.
И, в основном, устроено всё так,
Что истину не просто отыскать.
А ты хотел уж вовсе, не моргнувши глазом,
Исследовать всю суть людскую разом?

Ты приоткроешь только полы пиджака:
Владельца сердце скрыто на века!

Перевод Дмитрия Лескова

Вокруг, дитя, есть вещи такие,
Неважно, малые или большие,
Но в скорлупе сидят они так,
Что раскусить их не знаешь как.
И как ни хотел бы найти этот путь,
Что может открыть человечества суть,
Внешне, ты знаешь, человек отличим,
И видишь жилет, а не сердце под ним.

Перевод Елены Сараниной

ROBERT EDUARD PRUTZ (1816 – 1872)

Wann ist zum Lieben die beste Zeit?
Wenn der Frühling sich schwingt in den Lüften,
Wenn der Kuckuck ruft so weit, so weit,
Wenn die Bäume blühen und düften;
Du aber am Arme der lieblichsten Frau,
Du wandelst mit Neigen und Grüßen
Und windest zum Kranze die Blumen der Au' –
O seliges Lieben und Küssen!

Когда же приходит время любить?
Тогда, когда в воздухе веет весной,
Кукушка о жизни начнёт говорить,
Деревья нальются душистой листвой;
Ты за руку взявшись, с любимой гуляешь,
Склонившись в беседе, и вновь
Цветы луговые в венок заплетаешь –
Блаженное чувство – любовь!

Перевод Анастасии Жеребцовой

GOTTFRIED KELLER (1819 – 1890)

SONNENUNTERGANG

In Gold und Purpur tief verhüllt
Willst du mit deiner Leuchte scheiden,
Und ich, noch ganz von dir erfüllt,
Soll, Sonne, dich nun plötzlich meiden?
Du hast mein Herz mit Lust entzündet,
Du allerschönste Königin!
Wenn mir dein Strahlenantlitz schwindet,
Ist nicht das Leben tot und hin?
O reiche mir noch einen Strahl
Des Lichtes, dass er auf mich falle
Und ich aus diesem Dämmtal
An deiner Hand hinüberwalle!

ЗАКАТНАЯ МОЛЬБА

Во мгле пурпурно-золотой
Твоё сияние клубится,
Я всё ещё дышу тобой,
Как мне, мой свет, с тобой проститься?
В моей душе восторг пылает,
Ты всех прекрасней королев!
Коль лучезарный лик растает,
Смогу ль я жить, вмиг умерев?
Молю, даруй последний луч,
Луч света, чтоб меня пронзило
И чтоб меня от мрачных туч
Твоя рука освободила!

Перевод Екатерины Коржовой

ЗАКАТ СОЛНЦА

Ныряя в пурпур золотой,
От света хочешь отстраниться,
О, Солнце, полон я тобой,
Но должен вмиг тебя лишиться?
Восторгом сердце зажигаешь
Ты – королевское создание,
Когда свой лучик потеряешь,
Ужели жизни окончанье?

О, протяни мне лучик твой,
Пусть свет его меня согреет,
И я тогда с твоей рукой
Долину мрака одолею.

Перевод Лилии Краус

ZU NEUJAHR

Will das Glück nach seinem Sinn
Dir was Gutes schenken,
Sage Dank und nimm es hin
Ohne viel Bedenken.

Jede Gabe sei begrüßt,
Doch vor allen Dingen:
Das, worum du dich *bemühst*,
Möge dir gelingen.

НА НОВЫЙ ГОД

Счастьем вздумается дать
Дар, что всех дороже.
С благодарностью принять,
Без сомненья, можешь.

Ты приветствуй все дары.
Только надо всё же,
Чтобы все твои мечты
Воплощались тоже.

Перевод Лилии Краус

НА НОВЫЙ ГОД

От счастья в радостные дни
Получишь подношения.
Скажи «спасибо» и прими
Без долгих размышлений.

Ты возьми подарок тот
И помни, коль захочешь.
И, надеюсь, повезёт
В том, о чём хлопчешь.

Перевод Никиты Демидёнка

**AUGUST HEINRICH HOFFMANN VON
FALLERSLEBEN (1798 – 1874)**

DER ABENDSTERN

Du lieblicher Stern,
Du leuchtest so fern.
Doch hab' ich dich dennoch
Von Herzen so gern.

Wie lieb' ich doch dich
So herzinniglich!
Dein funkelndes Äuglein
Blickt immer auf mich.

ВЕЧЕРНЯЯ ЗВЕЗДА

О, чудо-звезда,
Ты так далека,
Всё ж в сердце моём
Ты так же близка.

О, как я люблю
Всей душою тебя!
Всегда твои глазки
Блестят для меня.

Перевод Анастасии Жеребцовой

Ты – счастья звезда,
Но светишь вдали.
Я счастлив сполна
От этой любви.

Люблю я тебя,
Души не щадя.
Как сияют глаза,
Что глядят на меня!

Перевод Елены Раитиной

С французского

ALFRED de MUSSET (1810 – 1857)

TRISTESSE

J'ai perdu ma force et ma vie,
Et mes amis et ma gaieté;
J'ai perdu jusqu'à la fierté
Qui faisait croire à mon génie.

Quand j'ai connu la vérité,
J'ai cru que c'était une amie;
Quand je l'ai comprise et sentie,
J'en ai été dégoûté.

Et pourtant elle est éternelle,
Et ceux qui se sont passés d'elle
Ici bas ont tout ignoré.

Dieu parle, il faut qu'on lui réponde.
– Le seul bien qui me reste au monde
Est d'avoir quelques fois pleuré.

Я потерял былую силу
И жизнь, весёлость и друзей –
Всё, вплоть до гордости своей,
Которая мой ум превозносила.

Когда же правда мне открылась,
Подумал я: вот кто мой друг.
Но отвратительной она мне стала вдруг,
Когда я понял, что за ней таилось.

А правда, ведь она же вечна.
Кто ж обошёлся без неё беспечно,
Не понял тот в сей жизни ничего.

Бог говорит и следует ответить.
– Одна отрада у меня на свете:
Я плакал иногда, как без того?

Перевод Олега Терёшина

ЗАБАЙКАЛЬСКАЯ ПОЭЗИЯ

ВИКТОР КОБИССКИЙ (род. в 1934 г.)

Живёт на земле акшинской Забайкальского края талантливый поэт, журналист, известный краевед и удивительно скромный человек – Виктор Трофимович Кобисский. В 2014 году он отметил свой 80-летний юбилей.

Родился Виктор Трофимович 27 декабря 1934 года в Зауралье, деревне Анатольевка Петуховского района, в семье сельского учителя. Детство у мальчишки было нелёгким. Он рано остался без отца. Научившись читать, пристрастился к чтению книг и скоро сам стал писать стихи. Семья жила трудно, и ему пришлось рано выбирать профессию. В 1951 году после окончания семилетки Виктор поступил в Миасский геологоразведочный техникум на отделение «Геология и разведка рудных месторождений». Около 20 лет проработал в геологических экспедициях Алтая и Средней Азии. Свои впечатления о романтической профессии, таёжных тропах, людях он старался выразить в стихах.

Впервые его стихотворная подборка была напечатана в газете «К новым рубежам» поселка Горняк Алтайского края. Затем стихи печатались в периодических изданиях Москвы, Кирова, Кургана, Екатеринбурга, Благовещенска, Хабаровска, Иркутска. Свою первую книгу «Что такое романтика?» он «издал» в 1965 году в одном экземпляре. Сейчас машинописный текст этого сборника хранится в библиотеке имени Виктора Сербского в городе Братске.

Виктор Трофимович постоянно сотрудничал с редакциями радио и телевидения многих городов России (бывшего СССР).

В 1971 году он оставил геологию и стал штатным сотрудником газеты «Ононская заря» (с. Нижний Цасучей). С 1976 года он переезжает на постоянное место жительства в село Акша и работает журналистом в газете «Сельская новь». Виктор Кобисский продолжает писать стихи и печататься в региональных периодических изданиях. Начиная с 1989 года, им было издано несколько поэтических сборников: «Одиночество», «Совесть», «Круговорот», «Время и память», «Возрождение».

Предлагаем вашему вниманию конкурсные переводы стихов Виктора Кобисского на иностранные (английский, немецкий, китайский) языки.

Этот век уже не мой,
он чужой и непонятный,
у событий смысл обратный;
весь народ вокруг – больной;
стих звучит, но он невнятный.
...Этот век уже не мой,

Жизнь катит волнами мимо,
подмывая берега,
мне она не дорога.
Это было или мнимо,
как сгоревшая тайга?
...Жизнь течёт рекою мимо.

Этот век уже не мой.
Мой, двадцатый, канул в Лету.
Почему ж забвенья нету?
Снова в берег бьёт прибой,
словно говорит поэту:
– Этот век уже не твой.

С русского на английский

Modern age for me is vain,
it's outlandish and distorted,
sense of facts is now inverted;
crowd around me is insane;
verse transformed to nonsense clotted.
...Modern age for me is vain.

Life is past me downstream rolling,
undermining slopes of bank,
it does not deserve my thank.
Was it true or just for showing,
like burnt wood that once was rank?
...Life is past me downstream flowing.

Modern age for me is vain.
Mine, the previous, passed to Lethe.
Why has not yet stopped my breathing?
Surf again roars off the main,

Poet's heart within me squeezing:
...Modern age for you is vain.

Перевод Екатерины Коржовой

Жить бы да жить! –
Хоть в каком-то обличье.
Видеть снега,
слушать посвисты птички,
зябнуть под ветром,
мокнуть в ненастье,
плакать от горя,
плакать от счастья,
полуголодным
скитаться по свету.
Жить бы да жить.

...Но бессмертия нету.

To live and be alive!
In any states and forms.
To see the snow
And listen to birds' songs.
To suffer from a cold wind,
Become wet in a rain,
To cry because of happiness,
To cry because of pain.
Half-starved
To wander everywhere...
To live and be alive.

...But all will die, I swear.

Перевод Юлии Петелиной

С русского на китайский

我愿长生不老，
即便成为游鱼飞鸟。
冬去千山观雪，
秋听鸟鸣虫叫，
淋风栴雨也好，
遭遇不幸也罢，
痛极而哭，
喜极而泣，
纵使衣食无着，
亦可浪迹天涯。
我愿长生不老

...痴人说梦 渺渺

Перевод Ван Цзиньин

БЛАГОДАТЬ

Солнечный день – ты пора благодати!
Вдруг появляются тучки некстати,
тучек все больше, ратью летучей
солнце закрыв, превращаются в тучи.
Дождь начинает всю поливать.
Но ведь и дождь
для земли благодать!

С русского на немецкий

DER SEGEN

O! Sonnentag, du bist die Zeit des Segens!
Erscheinen Wolke plötzlich ungelegen.
Die Sonne weg. Und Wolken mehr und mehr
Verwandeln sich ins Regenfelderheer.
Aus aller Kraft beginnt begießen Regen....
Der Regen ist
für Erde auch ein Segen.

Перевод Лилии Краус

Не иссякает вечности река.
В её потоке города и годы,
великие и малые народы,
созвездия,
земные облака,
твоя рука и в ней – моя рука...

Не иссякает вечности река!

Der Fluß der Ewigkeit versieget nicht,
In seinem Strom auch
Irdische sind Wolken,
Sind Jahre, Städte,
große, kleine Völker, Gestirne
Und in mein` Hand dein` so dicht...

Der Fluß der Ewigkeit Versieget nicht.

Перевод Лилии Краус

Что наша жизнь?
Она извечный бой
или с врагом
или с самим собой.

С русского на английский

What is our life?
It is eternal fight
Either against the foe
Or against your blight.

Перевод Дмитрия Шешукова

What is our life?
It's always wars,
Either with yourself
Or with foes.

Перевод Алёны Власовой

What is our life?
It is eternal fight
With foe or with yourself
Deciding what is right.

Перевод Юлии Петелиной

С русского на китайский

问世界可为生命
不过一场恒久斗争
或与敌斗
或与己争

Перевод Ван Цзиньин

С китайского

徐志摩 СЮЙ ЧЖИМО (1897 – 1931)

偶然

我是天空里的一片云，
偶尔投影在你的波心 –
你不必惊异，
更无须欢喜 –
在转瞬间消灭了踪影。

你我相逢在黑夜的海上，
你有你的，我有我的，方向；
你记得也好，

最好你忘掉，
在这交会时互放的光亮。

НЕВЗНАЧАЙ

Я облаком лёгким парю в вышине небес
И волны души твоей тенью задел невзначай,
Но ты тому не дивуйся
И мною не залюбуйся –
Одно лишь мгновенье, и след мой исчез.

Нежданно с тобой повстречались мы в море ночном,
Свой путь у тебя, я тоже – своим путём,
И если запомнишь, пускай,
Но лучше, не вспоминай,
Как мы озарили друг друга сиянья лучом.

Перевод Вероники Сабинской

СЛУЧАЙНО

Я облаком с небесной выси
Случайно в сердце отражусь,
Но ты не думай удивляться
И ликовать, я испарюсь.
И в сумерках на море синем

Случайно встретишь ты меня,
У каждого своя отныне проторенная колея.
Пусть будет так: запомни это,
Но лучше будет нам забыть о встрече,
Озарённой светом, воспоминания отпустить...

Перевод Елены Артамоновой

С бурятского

ДОНДОК УЛЗЫТУЕВ (1936 – 1972)

Мүхэшэгүй мээхэй сэдхэлээ
Мүльһэтүүлжэ ябанхаар,

Мүшэнһөө мүшэндэ хүрэн,
Мүнөөдэр намда ерэ!

Мүльһэн хүхэ нюдэндэш
Мүнхын зула бадараажа,
Хайрын шэдитэ хүсөөр
Хайлуулхабди, ерэ!

Мүльһэн хүхэ нюдэндэш
Мүнхын зула бадараахаб,
Мүшэнһөө мүшэндэ хүрэн,
Мүнөөдэр намда ерэ!

Непокорную душу свою
Не заморозь, прошу.
Со звезды до звезды летя,
Приди ко мне навсегда!

В холодных синих глазах
Зажгу я вечный огонь.
Загадочной силой любви,
Теплом одарю, лишь приди!

В холодных синих глазах
Зажгу я вечный огонь.
Со звезды до звезды летя,
Приди ко мне навсегда!

Перевод Светланы Лхамацыреновой

НИКОЛАЙ ВОРОПАЕВ

КИТАЙ: ИМЕНА НА ВСЕ ВРЕМЕНА

В январе 2015 года в издательстве «ВКН» («Восточная книга») вышел в свет лингвокультурологический словарь-справочник для изучающих китайский язык, культуру, историю, литературу Китая «Китай: имена на все времена. Прецедентные персонажи»¹.

В настоящем словаре-справочнике представлена информация о прецедентных, то есть широко известных в Китае персонажах, имена которых способны использоваться в языке как имена нарицательные и являются символами. Такие имена в современной лингвистике принято называть прецедентными именами.

Составление данного словаря является попыткой сформировать базовый арсенал прецедентных персонажей (имён) китайскоязычного культурного пространства и знаний о них для обеспечения минимальной лингвокультурной компетенции изучающих китайский язык и интересующихся Китаем россиян.

В общей сложности корпус словаря включает в себя более 600 языковых единиц, представляющих собой имена исторических личностей и литературных персонажей и связанные с ними фразеологизмы и словесные клише, которые активно используются в современном китайском лингвокультурном сообществе. В словаре также представлен обширный блок прецедентных имён и высказываний иностранного происхождения.

Благодаря представленной в авторском предисловии технологии лингвокогнитивной директории настоящий словарь-справочник может быть использован как интерактивное вспомогательное учебное пособие по таким вузовским курсам, как «История Китая», «Литература Китая», «Страноведение Китая», «Стилистика китайского языка», «Лексикология китайского языка», «Переводоведение» и другим аспектам изучения китайского языка и Китая.

¹ Воропаев Н. Н. Китай: имена на все времена. Прецедентные персонажи. Лингвокультурологический словарь-справочник для изучающих китайский язык, культуру, историю, литературу Китая / Н. Н. Воропаев. М.: Издательство ВКН, 2015. – 384 с. ISBN 978-5-7873-0838-9

Книгу рекомендуется использовать для активной работы в среде Интернет и с прочими источниками. Она предназначена для студентов и преподавателей китайского языка, а также для широкого круга читателей, интересующихся историей и культурой нашего восточного соседа.

Материалы данного словаря-справочника заимствованы из словаря «Прецедентные персонажи и события в китайской культуре» Чэнь Сяньчунь, сборника «Люди истории» Хэ Юэцина и «Малого словаря зарубежных дянью (классических прецедентов)» Линь Шуу и обработаны и переведены с китайского языка на русский язык Николаем Воропаевым.

Купить эту книгу или узнать где она продаётся можно на сайте издательства «Восточная книга» www.east-book.ru или на сайте www.vokitai.ru

Перлы переводчиков

Переводчики НЕ шутят...

Alarm watch	Часы с элементом тревоги
By degrees	Под градусом
By such lying of upper layer	Таким враньём верхнего слоя
Cherry doesn't care about things like that!	Вишня – это не те вещи, которые нужно рекламировать.
Factory Test	Факторный анализ
Hi, sailor!	Какой потолок высокий...
Judgmental shooting	Стрельба по приговору суда
I am not leaving you	Я не хочу, чтоб ты уходила.
I am a hippy now!	Я такая счастливая...
I'm not a woman you can trust	Я не женщина, поверь мне.
I hate that pig of your friend!	Ненавижу свинью твоего друга!
I Remember the late Lawrence Levy, the photographer.	Помните, каким к старости стал фотограф Лоренс Леви?
I was idiotic, shy and young.	Я была робкой и юной идиоткой.
In the summer children learned to express themselves with art.	Летом дети научились выражаться с искусством.
...it's like being vegetarian	...это всё равно, что голодать.
It's raining cats and dogs.	Дождь льёт как из ведра, а кошкам и собакам совсем нет дела.
Ladybird	Птичка женского пола

Late afternoon on the 3rd of April	Поздно ночью второго февраля
Let's call it a day!	Давайте назовём это днём!
Like cures like	Любить, лечиться и снова любить!
Metal wear of beams	Металлическая одежда балок
Officer down!	Офицер – даун!
Pumps	Памперсы
Silver is the best conductor of electricity.	Сильвер – лучший проводник электрички.
Slender throat	Стройная шея
So, are you runnin' for president?	Так ты чего, бегаешь за президентом?
Software	Мягкие места компьютера
Speak for yourself	Разговаривай с собой
Spirit is strong, but the flesh is weak.	Водка ничего, а мясо протухло.
Start blank life	Начать жизнь с чистого листа.
There were men and women standing at the bus station.	На остановке стояли женщины и люди.
– You know what saved Napoleon's life?	– Знаешь, кто спас жизнь Наполеону?
– His ego.	– Орел.
What, on earth, is that?	Это что, земля?

<http://www.freewebs.com/sined/pearls.htm>

П Р И Л О Ж Е Н И Е

МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ ЛЕРМОНТОВ

Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом!..
Что ищет он в стране далёкой?
Что кинул он в краю родном?..

Играют волны – ветер свищет,
И мачта гнётся и скрипит...
Увы! Он счастья не ищет
И не от счастья бежит!

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотрит месяц ясный
В колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Песенку спою;
Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

По камням струится Терек,
Плещет мутный вал;
Злой чечен ползёт на берег,
Точит свой кинжал;
Но отец твой старый воин,
Закалён в бою;
Спи, малютка, будь спокоен,
Баюшки-баю.

Сам узнаешь, будет время,
Бранное житье;
Смело вденешь ногу в стремя
И возмёшь ружье.
Я седельце боевое
Шёлком разошью...
Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю.

Богатырь ты будешь с виду
И казак душой.
Провожать тебя я выйду –
Ты махнешь рукой...
Сколько горьких слёз украдкой
Я в ту ночь пролью!..
Спи, мой ангел, тихо, сладко,
Баюшки-баю.

Стану я тоской томиться,
Безутешно ждать;
Стану целый день молиться,
По ночам гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты в чужом краю...
Спи ж, пока забот не знаешь,
Баюшки-баю.

Дам тебе я на дорогу
Образок святой:
Ты его, моляся богу,
Ставь перед собой;
Да готовься в бой опасный,
Помни мать свою...
Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.

ВЫХОЖУ ОДИН Я НА ДОРОГУ

1

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит.

2

В небесах торжественно и чудно!
 Спит земля в сиянье голубом...
 Что же мне так больно и так трудно?
 Жду ль чего? Жалею ли о чём?

3

Уж не жду от жизни ничего я,
 И не жаль мне прошлого ничуть;
 Я ищу свободы и покоя!
 Я б хотел забыться и заснуть!

4

Но не тем холодным сном могилы...
 Я б желал навеки так заснуть,
 Чтоб в груди дремали жизни силы,
 Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь;

5

Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
 Про любовь мне сладкий голос пел,
 Надо мной чтоб, вечно зеленея,
 Тёмный дуб склонялся и шумел.

И скучно и грустно, и некому руку подать
 В минуту душевной невзгоды...
 Желанья!... что пользы напрасно и вечно желать?...
 А годы проходят – все лучшие годы!

Любить... но кого же?... на время – не стоит труда,
 А вечно любить невозможно.
 В себя ли заглянешь? – там прошлого нет и следа:
 И радость, и муки, и всё там ничтожно...

Что страсти? – ведь рано иль поздно их сладкий недуг
 Исчезнет при слове рассудка;
 И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг, –
 Такая пустая и глупая шутка...

ГЕННАДИЙ ГОЛОВАТЫЙ

А я не хочу узнавать,
куда журавли улетают.
Не нужно тот край называть,
пускай он останется тайной.

Пускай... Ведь узор на стекле
от прикосновения тает!
Хочу тосковать по земле,
куда журавли улетают.

Мне не дойти к моей вершине!
Тут диалектика проста:
чем идеальней высота,
тем глубже и непостижимей.

И только чую: выше нет –
в эпоху бомб, ракет, коммерции –
той точки, что на самом дне
больного состраданьем сердца!

«Дела нельзя закончить,
но можно отложить –
и жить, как сердце хочет,
как надо сердцу жить!»

Решил. Дела забросил.
Была, мол, не была!..
Вдруг слышу – сердце просит:
«Возьмёмся за дела?»

**Научно-художественный журнал «Переводчик»
/Статистика/**

***За 2001 – 2015 гг. опубликованы переводы с 28 иностранных
и национальных языков России, а также с русского языка на
иностраные***

Английский язык	Латинский язык
Армянский язык	Мальтийский язык
Бурятский язык	Монгольский язык
Венгерский язык	Немецкий язык
Вьетнамский язык	Норвежский язык
Галисийский язык	Польский язык
Грузинский язык	Португальский язык
Датский язык	Русинский язык
Ивритский язык	Русский язык
Исландский язык	Татарский язык
Итальянский язык	Французский язык
Испанский язык	Хорватский язык
Каталанский язык	Якутский язык
Китайский язык	Японский язык
Корейский язык	

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНДРЕЕВ Виктор Николаевич (Санкт-Петербург)

Учился на филологическом факультете Ленинградского государственного университета. С 1968 года – участник переводческого семинара, которым руководила Эльга Львовна Линецкая. Как переводчик начал печататься с 1969 года. В 1989 году стал членом Союза советских писателей, теперь – член Союза писателей Санкт-Петербурга. Среди авторов, которых переводил В. Н. Андреев – Сервантес, Гонгора, Кеведо, Унамуно, Валье-Инклан, Мачадо, Хименес, Гарсиа Лорка, Эрнандес (Испания), Рубен Дарио, Габриэла Мистраль, Вальехо, Астуриас, Борхес, Гильен, Пабло Неруда, Кортасар, Октавио Пас, Гарсиа Маркес (Латинская Америка), Лафонтен, Бодлер, Верлен, Нуво (Франция), Китс (Англия), Бирбаум, Финк, Холлендер (Германия), Гарно, Бошмен, Ланжевен, Босолей (Канада). В. Н. Андреев является автором ряда литературоведческих статей, а также нескольких книг стихов и рассказов.

БАЛДОРЖИЕВ Цырен-Ханда (Виктор Балдоржиев) (с. Новая Заря, Забайкальский край)

Учился в Благовещенском госпедуниверситете и на историко-филологическом факультете Читинского госпединститута им. Н. Г. Чернышевского. Известный забайкальский русскоязычный писатель, журналист, член Союза писателей России, член Союза журналистов СССР с 1982 г., член Совета Всебурятского Центра Развития Культуры. В 2005–2009 гг. возглавлял Читинскую писательскую организацию. Кавалер медали А. С. Пушкина (2008). Работал трактористом, чабаном, пастухом, стригалём. Автор романов «Разные люди» (1991), «Последние войны волков» (2004); стихотворного сборника «Каторга» (1992) и др. Поэт-переводчик с бурятского и монгольского языков. Изданы книги авторизованных переводов с бурятского языка: «Свет родимых вершин» (1996), «Алханай – Шамбала моей души» (1999), Рассказы (1999), «Звезда над степью» (2000), «Между Алханаем и Ямато» (2002). Победитель (II место) открытого международного поэтического конкурса на тему «Стихи о переводе и переводческой деятельности» (2013).

БЕЛОКРЫЛОВ Иван Александрович (Москва)

Окончил Литературный институт имени А. М. Горького в Москве. Поэт-переводчик, журналист. Служил в армии. Работал геологом, плотником, дворником, редактором. Автор сборников стихов и переводов «Солнечное сплетение» (2002), «Вотчина» (2013). Участник международного фестиваля «Стружские вечера поэзии» (Македония, 1996, 2000). Лауреат Большой премии литературного фонда имени Милана Фюшта Венгерской академии наук (2001). Член Союза писателей, Союза переводчиков России и независимой писательской ассоциации «Лютня Ориолы». Стихи и философские миниатюры переведены на македонский, китайский и словацкий языки. Среди переводов – стихи

македонских, сербских, хорватских, венгерских, английских, итальянских, китайских, русинских и мальтийских поэтов.

БЕРФОРД Татьяна Валерьевна (Великий Новгород)

Окончила Санкт-Петербургскую консерваторию им. Н. А. Римского-Корсакова. По специальности музыковед, кандидат искусствоведения, автор сотни научных статей, опубликованных в России и за рубежом. Её монографию о творчестве Н. Паганини авторитетная газета «Музыкальное обозрение» признала лучшей книгой-исследованием за 2011 г. В 2013 г. в Санкт-Петербурге при поддержке Благотворительного фонда имени Д. Ойстраха вышла её книга, посвящённая выдающемуся скрипачу Игорю Ойстраху. Заниматься поэтическим переводом начала случайно, наблюдая за работой будущих коллег в Интернете. Её переводы из Франсуа Коппе и Джованни Пасколи публиковались в различных периодических изданиях и в третьем выпуске антологии «Век перевода». Помимо итальянского, переводит с французского, английского, немецкого и испанского языков.

БРИЛЁВА Валентина Родионовна (Чита)

Работает в городской библиотеке им. М. М. и Е. П. Нарышкиных. Автор поэтического сборника «Любовь» (2000). Переводит английскую классическую поэзию. Автор четырех персональных фотовыставок: «Жизнь – диво в искристых красках...» (2007), «...Радость, прежде всего, пробуждать» (2008), «Жизни земное отраженье» (2009), «Чувствам предаться несуетным...» (2013).

ЕПИШКИН Николай Иванович (Чита)

Окончил факультет романских языков Иркутского государственного института иностранных языков им. Хо Ши Мина, Высшие курсы преподавателей иностранных языков для языковых факультетов при МГПИ им. Ленина. Специалист в области лексикографии, переводчик с французского. Составитель Краткого словаря галлицизмов русского языка (1999). Подготовлен к печати 3-х томный исторический словарь французской моды в России. Опубликовано: хронологический словник «Французские ткани и их цвет» (2014), «Московитские письма» Ф. Локателли (перевод с французского, 2014). В настоящее время осуществляется работа над переводом с французского исторического Словаря Любви 18 века, автором которого является Дрё дю Радье.

КВЯТКОВСКАЯ Майя Залмановна (Санкт-Петербург)

Окончила 2-й Ленинградский Государственный педагогический институт иностранных языков (ЛГПИИЯ), по специальности «французский язык». Переводчик стихов и прозы, в основном, с романских языков. Работала над такими поэтами как Теофиль де Вио, Расин, Лафонтен, Готье, Бодлер, Верлен, Лафорг, Арто (Франция); Камознс и Пессоа (Португалия); Лопе де Вега, Сервантес, Гонгора, Кеведо, Валье-Инклан, Мачадо (Испания), Эдгар По (США), Свифт, Россетти (Англия), Сенеа (Куба), Гонсалес Мартинес (Мексика), Дарио (Никарагуа) и др. Член Союза Российских писателей и СП Санкт-Петербурга. Дипломант открытого международного поэтического конкурса на тему «Стихи о переводе и переводческой деятельности» (2013).

КОВАЛЕВА Ирина Владимировна (Москва)

Окончила 2-й МОЛГМИ и Литературный институт имени А. М. Горького. В 1990 г. была удостоена премии Гуманитарного фонда им. А. С. Пушкина, неоднократно принимала участие в работе международного фестиваля в Македонии «Стружские вечера поэзии». Член Союза писателей Москвы и Союза российских писателей. В 1996 году вместе с поэтами Леонидом Володарским и Иваном Белокрыловым основала Независимую писательскую ассоциацию «Лютня Ориолы». В 2001 году за переводы средневековой поэзии получила Большую премию Международного литературного фонда имени Милана Фюшта Венгерской академии наук. Переводит стихи английских, македонских, сербских, хорватских, венгерских, болгарских и русинских авторов. В 2001 г. стала лауреатом премии журнала СП Москвы «Кольцо А». Основные книги (поэзия): «Четвёртая троя» (1993), «Кесарево сечение» (1995), «Вёрстка мира» (2002). Стихи вошли в антологию «Русская поэзия – XX век». Автор многих публицистических статей из области медицины. Победитель (I место) открытого международного поэтического конкурса «Стихи о переводе и переводческой деятельности» (2013).

КОРЖОВА Екатерина Максимовна (Чита)

Окончила с отличием бакалавриат и магистратуру на факультете филологии и массовых коммуникаций Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. Поэт-переводчик с английского, немецкого и русского языков. Многократный победитель региональных конкурсов молодых поэтов-переводчиков Забайкалья. Автор поэтического сборника «Трепет застенчивой души». Публикуется в научно-художественном журнале «Переводчик». Работает учителем английского языка в средней школе.

КРОТКОВ Андрей Владимирович (Москва)

Окончил Московский государственный институт культуры. Долгое время был государственным служащим в системе Госкомиздата СССР. Печататься начал в 1984 году. С середины 1990-х гг. – профессиональный литератор и журналист, автор более 2000 публикаций. Поэтическим переводом интересовался с юности, однако публиковать ранние опыты не считал возможным. Зрелые переводческие работы печатал в 2000-х гг в журналах «Юность» и «Литературная учёба». Перевод цикла Томаса Элиота «Книга доподлинно известных котов» опубликован в антологии «Век перевода. Выпуск 3» (2012). Книга переводов с французского «Уснувший в ложбине» вышла в свет в 2014 году.

МАКАРОВ Борис Константинович (с. Акша, Забайкальский край)

Известный забайкальский писатель, поэт-переводчик, журналист, заслуженный работник культуры РФ. Окончил историко-филологический факультет Читинского государственного педагогического института им. Н. Г. Чернышевского. В 1972 г. стал членом Союза журналистов СССР, в 1978 г. – членом Союза писателей. Опубликованы книги стихов поэта: «Начало начал» (1975), «Возвращаются птицы» (1978), «ЦВЕТНЫЕ коромысла» (1983), «Узы» (1987), «На изломе времён» (2001). Более тридцати лет занимается переводом бурят-

ской поэзии. В 2001 году вышли в свет три стихотворных сборника переводов с бурятского: «С родников начинаются реки большие...», «Вечный свет» и «Волшебные зеркала». В 2008 году появились ещё два сборника переводов с бурятского – «Степные берёзы» и «Когда поёт кукушка». В 2009 году к 70-летию со дня рождения поэта было опубликовано юбилейное 2-х томное издание «Стихи и поэмы» (Москва: Изд-во «Русь»). Дипломант открытого международного поэтического конкурса на тему «Стихи о переводе и переводческой деятельности» (2013). Автор книги переводов с бурятского «Дороже всех богатств» (2014).

МАРКЕЛОВА Ольга Александровна (Москва)

Окончила филологический факультет МГУ им. Ломоносова и гуманитарный факультет Университета Исландии; кандидат филологических наук, специальность: скандинавская литература. Литературовед, с юных лет пишет собственные стихи и прозу. Основные публикации: монография «Становление литературы Фарерских островов и формирование фарерского национального самосознания» (Пушкино, 2006). Опубликовано переводы: Шарлотта Вайтсе «Письмоносец» (пер. с датского), Хатльгрим Хельгасон «101 Рейкьявик» (пер. с исландского), «Корабль призраков» (антология традиционного исландского фольклора). Автор стихов и малой прозы в московских журналах «Юность», «Литературные незнакомцы», «Наша улица», альманахе «Складчина», «Остров», «Вышгород» (Таллинн), «Tinnarit Mbls og menningu» (Исландия), OUTSIDER (Фарерские острова).

МАРКОВА Нина Алексеевна (Чита)

Окончила Читинский государственный педагогический институт им. Н. Г. Чернышевского и аспирантуру по германской филологии в РГПУ им. А. И. Герцена. Кандидат филологических наук, доцент, действительный член Союза переводчиков России. Является постоянным автором раздела «Лексикография» в научно-художественном журнале «Переводчик». Составитель Русско-английско-латинского словаря флоры и фауны в помощь переводчику.

МИХАЙЛОВ Виктор Николаевич (1941 – 1990)

Ленинградский переводчик. Переводил поэзию, прозу, драматургию с испанского языка. Первые переводы опубликовал в 1978 году. Один из переводчиков в сборниках: Кеведо Ф. де. Избранное (1980); Унамуно М. де. Избранное в 2-х томах (1981); Мексиканские рассказы (1982); Из испанской поэзии XVII века. (1983); Арльт Р. Злая игрушка (1984); Из каталонской поэзии (1984); Пардо Басан Э. Родовая усадьба Ульоа (1985); Валье-Инклан Р. дель. Избранное в 2-х томах (1986); Дорога на Сантьяго (1986); Бессмертен подвиг ваш (1986); Вовеки живые (1987); Испанская новелла XIX века (1988). После смерти Виктора Михайлова ряд его переводов был опубликован в книгах: Поэзия испанского Возрождения (1990); Хименес Х. Р. Вечные мгновения (1994); Поэзия магов (2003); Гарсиа Лорка Ф. Песня хочет стать светом (2006); Мачадо А. Полное собрание стихотворений. (Лит. памятники, 2007); Лугонес Л. Огненный дождь (2010); Поэзия латиноамериканского модернизма (2014).

ПАНКРАТОВА Элеонора Леонидовна (Москва)

Окончила МГУ, литературовед и переводчик, кандидат филологических наук. Член Союза писателей Москвы. Член Союза переводчиков России. Представитель России в международной комиссии FIT по литературному переводу. Почётный член Гамсуновского общества. Член международной ассоциации скандинавистов IASS. Автор статей, посвящённых норвежским писателям в энциклопедиях, предисловий в книжных изданиях, статей в периодической печати. Переводчик произведений Кнута Гамсуна, романов Сигрид Унсет, сказок Петера Асбьёрнсена и Йоргена Му, произведений Нильса Юхана Рюда, Кнута Фалдбаккена, Юстейна Гордера, а также Одда Соломсмунена, Эвы Себерг, Тура Обрестада, Сигмунда Доксума, Дага Сулстада, Марион Коксвик. Переводчик фундаментального труда профессора Пера Саугстада «История Психологии» (2008). Печаталась в журналах «Юность», «Иностранная литература», «Литературное обозрение», в норвежской печати (Афтенпостен Проза Forfatteren) и др. Участник международных конгрессов, конференций и семинаров в России, Норвегии, Дании, Швеции, Финляндии, Германии, Англии, Болгарии.

ПЕРЕЯСЛОВ Николай Владимирович (Москва)

Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Поэт, критик, прозаик, журналист. Работал шахтёром, геологом, инструктором туризма, завхозом в геологической партии, журналистом, директором Самарского областного отделения Литературного фонда России, секретарём Правления Союза писателей России, помощником мэра Москвы и на других работах. Член Союза журналистов Москвы, Международной Федерации журналистов и Международной Ассоциации писателей и публицистов. Действительный член Петровской Академии наук и искусств. Печатался в газетах и журналах России, Украины, Беларуси, Молдовы, Грузии, Армении, Казахстана, Башкортостана, Туркменистана, Германии, Болгарии, США, Китая и других стран. Автор более 20 книг стихов, прозы, критики и поэтических переводов. Участник Первой Международной поэтической конференции в Каире, Конгресса народов России в Якутске, Выездного пленума Союза писателей России в Чечне, Дней литературы в Ереване, Белгороде, Липецке, Ашхабаде, Харькове, Гурзуфе, Якутске и других городах. Лауреат Большой литературной премии России (2006), победитель конкурса Совета муфтиев России «Пророк Мухаммад – милость для миров – 2010» и других наград.

САГРАТЯН Ашот Аристакович (Москва)

Окончил русское отделение филологического факультета университета им. Молотова, затем Литинститут им. А. М. Горького. Учился в аспирантуре Института мировой литературы. Писатель, поэт, художник. Воспитатель переводческих кадров: с 1969 по 1995 гг. руководил творческим семинаром в Литературном институте им. А. М. Горького, читал лекции по теории перевода и психологии творчества, в т. ч. и на Высших литературных курсах. С 1968 года журналист-международник. Перевёл около 30 книг. Пишет сказки. За уникальные разработки в области этнопедагогики (1998) был избран членкором Академии педагогических и социальных наук, а в 1999 г. – действительным членом АПСН. В 1999 г. был удостоен Золотой пушкинской медали. Автор

книги «Введение в опыт перевода. Искусство, осязаемое пульсом» (2001), посвященной 1700-летию принятия христианства государственной религией Армении. В 2009 году награждён медалью В. Я. Брюсова за более чем полувековой вклад в науку о переводе и пропаганду шедевров армянской литературы на русском языке. В 2010 году выпустил поэтический сборник, посвящённый 65-летию Великой Победы. Дипломант открытого международного поэтического конкурса на тему «Стихи о переводе и переводческой деятельности» (2013). В настоящее время из-под пера мастера вышла целая серия поэтических переводов-интерпретаций с английского. Это шекспировские трагедии с общим посвящением «К 450-летию со дня рождения Уильяма Шекспира». Среди них: «Гамлет, Принц Душевной Смуты» (2013), «Джульетта и Ромео» (2014), «Отелло» (2014), «Ричард III» (2014), «Король Лир» (2014), «Антоний и Клеопатра» (2015), «Макбет» (2015).

САПЁЛКИН Андрей Александрович (Владивосток)

Филолог-лингвист. Кандидат исторических наук, заведующий кафедрой иностранных языков Государственной Дальневосточной Академии искусств во Владивостоке. Переводит с итальянского, английского, немецкого, французского и польского языков. Автор перевода на русский язык основных произведений А. Бойто, а также стихов некоторых других итальянских скапильятов. В 2011 году в Германии в издательстве LAP LAMBERT вышла монография «Поэтическое творчество Арриго Бойто. Дуализм личности».

СЛАВОРОССОВА Евгения Алексеевна (Москва)

Окончила философский факультет Московского государственного университета им. Ломоносова. Поэт, переводчик, журналист. Долгое время работала шеф-редактором журнала «Детская школьная академия» и была членом редколлегии журнала «Первоклашка». В настоящее время работает литературным редактором журнала «ЧИП – детям» (приложение к журналу «Чудеса и приключения»). Стихи и переводы её печатались во многих центральных журналах, газетах, альманахах и коллективных сборниках. Автор книги стихов «Утренний поезд», детской книги «Детективное бюро мистера Спича», нескольких сказочных повестей и многих статей на темы литературы, искусства и др. Получила звание «Лучший автор года» в журнале «ЧИП – детям». Дипломант открытого международного поэтического конкурса на тему «Стихи о переводе и переводческой деятельности» (2013).

СТЕЛЬМАК Ольга Викторовна (Чита)

Окончила Читинский государственный педагогический институт им. Н.Г. Чернышевского и аспирантуру по германской филологии при МГПИ им. Ленина в Москве. Кандидат филологических наук, доцент кафедры европейских языков и лингводидактики факультета филологии и массовых коммуникаций Забайкальского государственного университета. Поэт-переводчик, действительный член Союза переводчиков России, руководитель Забайкальского регионального отделения СПР, главный редактор научно-художественного журнала «Переводчик», директор университетского предприятия ООО «Забайкальский лингвистический центр «Прогресс». Опубликованы словари в помощь перево-

дчику: Англо-русский словарь стихотворных терминов, Англо-русский словарь цветоименований, Англо-русский словарь поэтизмов (2002); книги переводов английской и американской поэзии на русский язык: «Прекрасное пленяет навсегда...» (1998, 2-е изд. 2004), «The Songs of Joy and Sorrow» (2009). Переводы с английского также опубликованы в журналах «Переводчик», «Гуманитарный вектор», «Встречи», «Рождая звезду...». Автор поэтических сборников: «Я дарю тебе осень ...» (2000), «Волшебный мир любимых грёз» (2003), «Мой зачарованный мираж...» (2006); «Сладкой грусти наслаждение...» (интернет-издание на сайте «Стихи.ру», 2012). Опубликовано стихи в коллективных поэтических сборниках: «Поэт 2012 года», «Союзники», «Российские поэты», Сборник стихов, Любовная лирика. Дипломант поэтического конкурса «Поэт 2012 года».

СЫСОЕВА Зинаида Сергеевна (Чита)

Окончила филологический факультет по специальности «романо-германская филология» Забайкальского гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского с красным дипломом. В настоящее время обучается в магистратуре по профилю подготовки «Литература народов зарубежных стран» при факультете филологии и массовых коммуникаций ЗабГУ. занимается исследованием художественной репрезентации кризиса семьи и брака в творчестве Филипа Рота.

ФАРНИЕВА Эльвира Казбековна (ст. Архонская, Республика Северная Осетия-Алания)

Окончила филологический факультет Северо-Осетинского Государственного университета им. К. Хетагурова. Филолог, несколько лет преподавала в школе. В настоящее время работает в Центре профилактики социального сиротства и развития семейных форм устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей «Моя семья». Пишет в различных жанрах – фэнтези, приключения, юмор. Начала переводить сравнительно недавно. Первый перевод рассказа К. Маккарти «Глядя на Сьюзан» был опубликован в журнале «Новая Юность», № 5, 2012. Участник Школы Перевода В. Баканова.

ФЕЛЬДМАН Евгений Давыдович (Омск)

Окончил Омский государственный педагогический университет (факультет иностранных языков и исторический) и аспирантуру при кафедре новой и новейшей истории Томского государственного университета. Член Союза российских писателей и Союза переводчиков России. Стаж творческой деятельности более 40 лет. Перевёл свыше 60.000 стихотворных строк из англо-шотландской классической поэзии. Перевёл более половины стихотворных произведений Китса, две трети из творческого наследия Бёрнса, треть всего поэтического наследия Киплинга. Впервые перевёл и подготовил для печати сборник стихов Артура Конан Дойля «Песни действия». Основные публикации: переводы в 3-хтомной антологии «Семь веков английской поэзии» (М., 2007), Джон Китс «Эндимион» (Харьков, 2008), Роберт Бернс «Былые времена» (Харьков, 2009, Омск, 2012). В 2010 году в переводе Е. Фельдмана издательство «Фолио» (Киев) выпустило в свет сборник стихотворений Редьярда

Киплинга «Кабульский брод». В 2012 году в издательствах Москвы и Санкт-Петербурга опубликованы книги: Р. Бёрнс «Джон Ячменное зерно» (стихотворения, поэмы, песни, баллады); Р. Киплинг. «Бремя белых» (часть 2 в пер. автора); Блэкмор Р. Д. «Лорна Дун» (роман); Брэддон М. Э. «Тайна леди Одли» (роман); О. Уайльд. «Сфинкс» (стихотворения и поэмы). Лауреат Бунинской премии 2010 года в номинации «Поэтический перевод». Награждён Всероссийской общественной организацией Героев, Кавалеров Государственных наград и Лауреатов Государственных премий «Трудовая доблесть России» Почётным знаком отличия «Трудовая доблесть. Россия» (2013). В 2013 г. стал лауреатом Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» в номинации «Литературные переводы».

ЦЫВЬЯН Леонид Михайлович (1938 – 2007)

Ленинградский (петербургский) переводчик. Переводил поэзию, прозу, драматургию с польского, французского, испанского, португальского, немецкого и ряда других европейских языков. Начал печататься с 1969 года. Переводы Цывьяна опубликованы более чем в 150 сборниках. Был награждён двумя орденами Польши за заслуги перед польской культурой – в 1989 и 2003 годах.

ШАДРИНА МАРИЯ АНАТОЛЬЕВНА (Чита)

Выпускница китайского отделения факультета филологии и массовых коммуникаций Забайкальского государственного университета. Её поэтические произведения издавались в сборниках «Поэт года 2011» и «Поэт года. Дебют», (2013). Принимала участие во II Воронежском конкурсе переводчиков, заняла 2 место в номинации «Перевод поэтического текста с английского языка на русский» (2013). Участвовала в XVIII региональном и XIX межрегиональном конкурсах молодых поэтов-переводчиков в Чите, награждена дипломами за лучшие переводы с английского, русского и китайского языков (2013, 2014).

Выпуск 15.
Главный редактор О. В. Стельмак

Печатается с оригинал-макета авторов

Подписано в печать 21.05.2015.
Формат 60х84/16. Способ печати цифровой.
Усл.печ.л. 15,2. Уч.-изд.л. 16,4.
Заказ № 09715. Тираж 300 экз.

Издательство Забайкальского государственного университета
672039, г. Чита, ул. Алекзаводская, 30.

Забайкальское региональное отделение Союза переводчиков России
Контактный телефон 8-(302)2-32-02-44
E-mail stelmak@pochtamt.ru